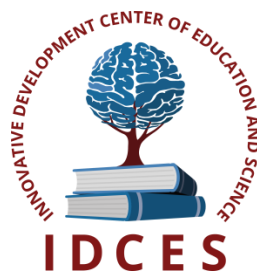

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

Перспективы развития современных гуманитарных наук

Выпуск II

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(8 декабря 2015г.)**

**г. Воронеж
2015 г.**

Перспективы развития современных гуманитарных наук, / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 2. г. Воронеж 2015. 127 с.

Редакционная коллегия:

кандидат филологических наук, доцент Бойко Евдокия Семеновна (г.Красноярск), кандидат искусствоведения Бражникова Юлия Александровна (г.Усть-Каменогорск), кандидат филологических наук, доцент Бутусова Анжелика Сергеевна (г.Ростов-на-Дону), доктор философии, доцент Волосков Игорь Владимирович (г.Сергиев Посад), кандидат филологических наук Дмитриева Елизавета Игоревна (г.Москва), кандидат педагогических наук, докторант Коршунова Вера Владимировна (г.Красноярск), кандидат культурологии, доцент Николаева Елена Валентиновна (г.Москва), доктор искусствоведения, доцент Хватова Светлана Ивановна (г.Майкоп), кандидат филологических наук Чечелева Вера Николаевна (г.Москва)

В сборнике научных трудов по итогам II Международной научно-практической конференции **«Перспективы развития современных гуманитарных наук»**, (г.Воронеж) представлены научные статьи, тезисы, сообщения аспирантов, соискателей ученых степеней, научных сотрудников, докторантов, преподавателей ВУЗов, студентов, практикующих специалистов в области филологии, искусствоведения и культурологии, общественных деятелей и лиц, проявляющих интерес к рассматриваемым вопросам, Российской Федерации, а также коллег из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных, не подлежащих открытой публикации. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов. Материалы размещены в сборнике в авторской правке.

Сборник включен в национальную информационно-аналитическую систему "Российский индекс научного цитирования" (РИНЦ).

Оглавление

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.00)	7
СЕКЦИЯ №1. ТЕАТРАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.01)	7
СЕКЦИЯ №2. МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.02)	7
СЕКЦИЯ №3. КИНО-, ТЕЛЕ- И ДРУГИЕ ЭКРАННЫЕ ИСКУССТВА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.03)	7
СЕКЦИЯ №4. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ И ДЕКОРАТИВНО- ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.04)	7
СЕКЦИЯ №5. ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.05)	7
СЕКЦИЯ №6. ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА И ДИЗАЙН (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.06)	7
ОСОБЕННОСТИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ИГРОВОГО ОПЫТА КАК ПРЕДМЕТА ГЕЙМ-ДИЗАЙНА Казакова Н.Ю.....	7
РАЗВИТИЕ ДИЗАЙНЕРСКОГО МЫШЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ НА ПЛЕНЭРЕ Ханакина Ж.В.	9
СВОЕОБРАЗИЕ МОДНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ НА ПРИМЕРЕ АСТРАХАНСКОГО РЕГИОНА Малова Т.Н.....	11
СЕКЦИЯ №7. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ИСКУССТВА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.09)	13
ДИАЛОГ КАК ФОРМА ОБУЧЕНИЯ ГУМАНИТАРНО ОДАРЕННЫХ УЧАЩИХСЯ Волосков И.В.	13
КУЛЬТУРОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.00)	15
СЕКЦИЯ №8. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.01)	15
«СОЮЗ ПОЛЬЗЫ, БЛАГА И ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ЦЕННОСТИ»: ЗНАЧЕНИЕ ДРАПИРОВКИ В ФОРМИРОВАНИИ АНТИЧНОГО КОСТЮМА Окружко К.В.	15
СЕКЦИЯ №9. МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.03)	16
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.00.00)	16
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.00)	16
СЕКЦИЯ №10. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.01)	16
ПЕРЕВОДЫ БАЛЛАДЫ «ВОРОН» ЭДГАРА ПО: ПОЭТИЧЕСКОЕ СОСТЯЗАНИЕ К.Д. БАЛЬМОНТА И В.Я. БРЮСОВА Устиновская А.А.	16
РОЛЬ А.Д. КАНТЕМИРА И Ф. ПРОКОПОВИЧА В СТАНОВЛЕНИИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ Александрова И.Б.	21
СЕКЦИЯ №11. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИЛИ ГРУППЫ ЛИТЕРАТУР) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.02)	23

СЕКЦИЯ №12.	
ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)	
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.03)	23
ГРЕХ И ВОЗМЕЗДИЕ В НОВЕЛЛЕ ЛЮДВИГА ТИКА «БЕЛОКУРЫЙ ЭКБЕРТ»	
Григорьева В.И., Максимова М.В.	23
НАСТАВНИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. СЫДЫКБЕКОВА	
Аскар уулу Т.	24
НАСТАВНИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. ТОКОМБАЕВА	
Аскар уулу Т.	26
ОБ АКСИОЛОГИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ	
Жантаев А.С.	28
ФРАНЦУЗСКИЙ ФИЛОСОФСКИЙ РОМАН 20 ВЕКА	
Григорьева В.И., Максимова М.В.	32
ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КЫРГЫЗСКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА	
Жантаев А.С.	33
СЕКЦИЯ №13.	
ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ТЕКСТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.08)	35
СЕКЦИЯ №14.	
ФОЛЬКЛОРИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.09)	35
СЕКЦИЯ №15.	
ЖУРНАЛИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.10)	35
ТОЧНОСТЬ СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЯ КАК КОМПОНЕНТ КУЛЬТУРЫ ЖУРНАЛИСТСКОЙ РЕЧИ	
Славкин В.В.	35
ЯЗЫКОЗНАНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.00)	39
СЕКЦИЯ №16.	
РУССКИЙ ЯЗЫК (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.01)	39
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗА ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ В	
КУБАНСКИХ КАЗАЧЬИХ ПЕСНЯХ	
Епатко Т.А.	39
МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В ТЕКСТАХ РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ	
Алехина Т.А.	43
О РЕГИОЛЕКТЕ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ	
Черемисина Е.В.	45
О РЕФОРМАХ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ: ТВЕРДЫЙ ЗНАК	
Лавошникова Э.К.	49
РАБОТА С ЛЕКСИКОЙ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ	
Куприянова Т.Ф., Джан Ди	51
ТЕОРИЯ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ КАК ЧАСТЬ ЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТА: К ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ	
(ЛИНГВОФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ)	
Бузальская Е.В., Любимова Н.А.	57
ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СИНОНИМИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ДИНАМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В	
СИСТЕМЕ СРЕДСТВ ОТНОСИТЕЛЬНОГО ПОДЧИНЕНИЯ	
Гетманская М.Ю.	61
СЕКЦИЯ №17.	
ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ	
ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.02)	63
РОЛЬ АФФИКСОВ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В ОБРАЗОВАНИИ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ	
Чиркоева Д.И., Алексеев И.Е.	63
СЕКЦИЯ №18.	
СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.03)	65
СЕКЦИЯ №19.	
ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.04)	65
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ФЕНОМЕНА СТРАХА	
Благий Т.Л.	65

ДВОЙНАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКЕ НЕМЕЦКОЙ РЕКЛАМЫ	
Матвеева Ю.И.....	67
ДИСКУРС И ТОЧКА ЗРЕНИЯ	
Варшавская А.И., Мальцева Н.Б.	69
ЛЕКСИЧЕСКИЙ СОСТАВ АНКЕТНЫХ ШКАЛ СО СЛОВОМ «SATISFIED» В ПЕРЕВОДОВОЕДЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	
Кудря С.В.	74
МНОГОЗНАЧНОСТЬ АНГЛИЙСКИХ СЛОВ	
Ласточкина М.С.	77
МОДАЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	
Никольская Н.В.	79
ОСМЫСЛЕНИЕ КОЛЛОКАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ИЗУЧЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)	
Заболотская А.Р.	80
СЕМАНТИЧЕСКИЙ СПОСОБ ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЯ	
Белоусова А.Р.	82
СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ИРРЕАЛЬНОГО / ЖЕЛАЕМОГО ДЕЙСТВИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Т. МАННА «БУДДЕНБРОКИ»)	
Хаширова А.Р., Гладкова Н.П.	84
СТЕРЕОТИП «ИРЛАНДЕЦ-ПЬЯНИЦА» В СМИ	
Чурокаева В.И.....	86
СЕКЦИЯ №20.	
РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.05)	88
АДАПТАЦИЯ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ	
Хвостенко Т.А.	88
ОБРАЗНОЕ СРАВНЕНИЕ В РАМКАХ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ИССЛЕДОВАНИЮ КОГНИТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)	
Степанова Е.Д.	90
ПЕСНИ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА ЗАНЯТИЯХ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА	
Селиванова И.В.	92
СЕКЦИЯ №21.	
КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ, ВИЗАНТИЙСКАЯ И НОВОГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.14)	95
СЕКЦИЯ №22.	
ТЕОРИЯ ЯЗЫКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.19)	95
ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЛЕКСИКИ КОМПЬЮТЕРНЫХ ОНЛАЙН-ИГР В ИНТЕРНЕТ-ОБЩЕНИИ КОРЕЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ-ФОРУМОВ)	
Алексеева Д.Л., Егорова К.Г.	95
ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПТА КОМПЕТЕНЦИЯ В МЕТОДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	
Заседателева М.Г.	97
СТРУКТУРНЫЕ И СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СУБСТАНДАРНОЙ НОМИНАЦИИ В СУБКУЛЬТУРНОМ ЛЕКСИКОНЕ АВТОМОБИЛИСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)	
Царева Е.В.....	100
ТЕРМИНЫ АРТИКУЛЯЦИЯ, АРТИКУЛИРОВАТЬ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	
Салмина Д.В.....	102
ТЕРМИНЫ ПОДЛЕЖАЩЕЕ И СКАЗУЕМОЕ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	
Куликова И.С.	105
СЕКЦИЯ №23.	
СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.20).....	108
FORM OF THE SUBJUNCTIVE MOOD AS FUNCTIONAL ANALOGUE OF THE IMPERATIVE (ON THE EXAMPLE OF ENGLISH AND TATAR LANGUAGES)	
Khabirova N.M., Linyuchkina E.G., Shakirova A.A.....	108
«ГНЕВ» ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ ФРАНЦУЗСКОГО И КЫРГЫЗСКОГО ЯЗЫКОВ	
Нарынбаева Б.Б.....	110

«ЖИЗНЬ» ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ ФРАНЦУЗСКОГО И КЫРГЫЗСКОГО ЯЗЫКОВ Нарынбаева Б.Б.	112
ОТРАЖЕНИЕ ЦВЕТОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ Гладкова Н.П., Хаширова А.Р.	113
СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА САНСКРИТА И РУССКОГО ЯЗЫКА Горбачева Е.Ю., Исаян А.В., Махнёва М.Б.	115
СТРУКТУРНЫЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОДОВЫХ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЙ В РОМАНЕ В. ПЕЛЕВИНА GENERATION «П» И ЕГО ПЕРЕВОДЕ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК Паутова С.М.	117
СЕКЦИЯ №24.	
ПРИКЛАДНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.21).....	120
СЕКЦИЯ №25.	
ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ, АФРИКИ, АБОРИГЕНОВ АМЕРИКИ И АВСТРАЛИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.22)	120
К ЗНАЧЕНИЮ ПОНУДИТЕЛЬНОГО ЗАЛОГА В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ Дубровина М.Э.	120
КОНЦЕПТ «КРАСОТА» В КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ Терещенко Т.М.	122
ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2016 ГОД.....	125

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.00)

СЕКЦИЯ №1.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.01)

СЕКЦИЯ №2.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.02)

СЕКЦИЯ №3.

КИНО-, ТЕЛЕ- И ДРУГИЕ ЭКРАННЫЕ ИСКУССТВА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.03)

СЕКЦИЯ №4.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ И ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.04)

СЕКЦИЯ №5.

ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.05)

СЕКЦИЯ №6.

ТЕХНИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА И ДИЗАЙН (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.06)

ОСОБЕННОСТИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ИГРОВОГО ОПЫТА КАК ПРЕДМЕТА ГЕЙМ-ДИЗАЙНА

Канд. филол. наук, магистр дизайна Казакова Н.Ю.

Московский Государственный Университет Дизайна и Технологии, г.Москва

Гейм-дизайн представляет собой «процесс принятия решений о том, какой будет игра», что подразумевает проектирование содержания игрового проекта и правил, регламентирующих как контент, так и ход игровой деятельности. Кроме того, гейм-дизайн включает в себя и отбор стилистических решений при разработке визуальной составляющей игры.

Теоретик и практик гейм-дизайна Дж. Шэлл говорит о том, что гейм-дизайнер проектирует игру, в результате его усилий обретающую свое физическое воплощение в виде свода правил, различных предметов типа коллекционных карт или программного кода, ориентированных на удовлетворение потребностей и соответствие ожиданиям реально существующих людей, являющихся целевой аудиторией проекта. Однако, конечной целью деятельности гейм-дизайнера является не имеющий вещественного воплощения игровой опыт, по содержанию и качеству которого оценивается успех проекта.

Учитывая, что объем рынка видео- и компьютерных игр, а также игр на мобильные устройства, в рамках постиндустриального общества уже сравнялся с показателями кино- и музыкальной индустрии и уверенно начал их превосходить, крайне важным фактором при разработке новых игровых проектов является четкое понимание особенностей геймплея, под которым понимают все аспекты взаимодействия игрока с программным и задействованным в процессе игры аппаратным обеспечением, как предмета проектирования в гейм-дизайне.

Современный французский философ Р. Кайуа разработал приведенную ниже классификацию игр, чья основная функция состоит в приобщении к господствующей в обществе культуре, непосредственно способствуя социализации индивида:

- агональные игры, основанные на принципе соревновательности, суть которых состоит в одержании победы над противником в полном соответствии с правилами. Большинство спортивных игр относятся к данному

типу. Формами агона (др. греч. борьба) являются коммерческая конкуренция, конкурсы и экзамены, которые, однако, в отличие от компьютерных игр, не ориентированы на получение положительных эмоций и целиком направлены на достижение превосходства над конкурентами;

- игры, основанные на элементе случайности и обозначаемые термином алеа (др. греч. - жребий), к которым относят игры, обладающие крайне аддиктивным геймплеем, вводящим человека в измененное состояние сознания, сходное с трансом и вызывающим быстрое привыкание;

- игры, обозначаемые термином «мимикрия» (др. греч. подражание), основой геймплея которых является имитация и воспроизведение различных видов деятельности человека. Сюда относятся различные игровые практики, зачастую обладающие ярко выраженным сюжетом, например, театр и исторические реконструкции, а в контексте современной игровой индустрии – различные симуляторы;

- игры, обозначаемые термином «иллинкс» (др. греч. головокружение), основаны на интенсивном изменении психофизического состояния игрока, вызванного притоком адреналина, дофамина и других гормонов, вызывающих чувство радости и эйфорию. К данному типу игр относят катание на каруселях, американских горках и иных аттракционах.

К данным типам игр Дж. Юул добавляет игры, основанные на труде или старании, к которым относится большинство проектов в жанре казуальных игр. Они характеризуются тем, что новичок может участвовать в игровой деятельности на том же уровне, что и опытный игрок. При этом разница в геймплее будет наблюдаться только в количестве внутриигровых предметов, заработанных исключительно усидчивостью. Игры данного типа, такие как разработанная компанией «Zynga» под среду «Facebook» «FarmVille», редко завершаются поражением и отличаются аддитивным геймплеем, отличающемся легкостью, непродолжительностью игровых сессий и основанным на желании игрока, выполняя тривиальные действия, получить больше очков или добиться иной формы игрового успеха в количественном выражении. Таким образом, совершая простые действия, игрок получает очки или ресурсы, упрощающие совершение последующих однотипных действий, что обеспечивает цикличное получение положительных эмоций в рамках геймплея.

Говоря о целях, преследуемых игроками в рамках геймплея, Дж. Юул выделяет следующие их типы:

- однократно достижимая цель (англ. completable goal), заключающаяся в успешном прохождении линейного геймплея в полном объеме. При этом у пользователя не возникает желания повторно проходить игру за счет достижения эмоционального и когнитивного насыщения. Достижение данного типа цели воспринимается как оправдывающее все сложности и неудачи, понесенные на пути к ее достижению, лишая тем самым игрока стимула к дальнейшему улучшению своих навыков («BioShock»);

- переходящая цель (англ. transient goal) заключающаяся в том, что успешно завершив один цикл игрового процесса, основанного на случайном сочетании различных факторов (например, игру в пасьянс, матч в симуляторе боев или заезд в гоночном симуляторе), игрок ставит перед собой задачу одержать победу и в следующем цикле, матче или раунде. При этом, как правило, отсутствует возможность повлиять на полученный ранее результат, что в случае проигрыша побуждает игрока к улучшению своих навыков («Doodle Jump»);

- цель, заключающаяся в постоянном улучшении получаемых результатов (англ. improvement goal), преследуется игроком в рамках высоко соревновательных видов игр. При этом, достигнув определенного результата, игрок незамедлительно ставит перед собой задачу превзойти этот результат. Поражение в таком случае воспринимается как неотъемлемая часть бесконечного процесса улучшения игровых навыков («Tetris»).

Стоит отметить, что существует множество игр, сочетающих в рамках своего геймплея все три приведенных выше типа целей, что, безусловно, обогащает и разнообразит игровой процесс («World of Warcraft»).

Говоря об игровом опыте, надо отметить, что из-за существующих технологических ограничений разработчики игр не могут проектировать передачу и получение реципиентом эмоций и впечатлений непосредственно, без задействования какого-либо материального носителя. Однако, профессор Университета Саффолка Н. Хантеман подчеркивает, что уникальная особенность видеоигр заключается в их способности взаимодействовать с пользователем не только на физическом уровне посредством, например, контроллера, но и воздействовать на его эмоциональное и психологическое состояние, что происходит в результате отождествления пользователем себя с игровым персонажем.

Данная необходимость задействовать эмпирический уровень потребителя не напрямую, а посредством конечного материального продукта - видеоигры, усложняет прогнозирование гейм-дизайнером результатов своей деятельности из-за огромного количества субъективных факторов при оценке получаемых результатов. В виду высокой цены системных ошибок, субъективному восприятию гейм-дизайнером или командой разработчиков создаваемой ими игры должны постоянно противопоставляться не менее субъективные мнения тестеров и

обычных игроков, получаемые в рамках промежуточного тестирования, используемого для отладки игры. Целью гейм-дизайна как вида проектной деятельности становится отбор и надлежащее аудио-визуальное воплощение экспрессивных средств, вызывающих у игроков чувственный и ментальный отклик, максимально приближенный к тому, на который и рассчитывает разработчик на этапе проектирования игры.

Список литературы

1. Caillois R. Man, Play and Games. – University of Illinois Press, 2001. – С. 203
2. Juul J. The art of failure: an essay on the pain of playing video games. – The MIT Press, 2013. – С. 75
3. Mitchell B. Game Design Essentials. [Text.] – John Wiley & Sons, 2012-322 с.
4. Schell J. The art of game design. A book of lenses.- Morgan Kaufmann Publishers, 2008. - С. 38
5. Казакова Н.Ю., Назаров Ю.В. История возникновения гейм-дизайна как самостоятельной формы визуального искусства. Жанры видеоигр и основные этапы их разработки // Дизайн и технология – 2015, №43 – С.91-99

РАЗВИТИЕ ДИЗАЙНЕРСКОГО МЫШЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ НА ПЛЕНЭРЕ

Ханакина Ж.В.

Социально-педагогический колледж. Структурное подразделение
«Волжского Института Экономики, Педагогики и Права», г.Волжский, Волгоградская область

В связи с появлением специальности «Дизайн» (по отраслям) для студентов среднего профессионального образования возникла необходимость внести некоторые изменения в программу пленэрной практики. Практика рассчитана на 5 недель и она должна способствовать развитию дизайнерского мышления у студентов.

Ключевые слова: пленэр, пейзаж, архитектурный объект, стилизация, декоративная композиция.

Важнейшим этапом при подготовке дизайнеров является учебная практика – пленэр. Пленэр относится к «творческому рисованию», хотя важным компонентом является натура. Такое рисование способствует расширению индивидуальных способностей студентов, а в работе с натурой поощряется разнообразие техник и манер.

Основные этапы выполнения работы в условиях пленэра:

1. Композиция рисунка (выбор точки зрения с помощью нескольких быстрых зарисовок с разных точек зрения, выбор формата листа, образное обобщение природы).
2. Подготовительный рисунок (определение пропорций, характера пространственных планов, обобщение основных форм, нахождение деталей композиционного центра).
3. Обобщенное тональное изображение, лепка формы тоном (обобщённая моделировка объёмной формы, выявление градаций светотени с учётом воздушной перспективы).
4. Завершение работы (окончательное выявление главного и второстепенного в рисунке, подчинение всех частей изображения целому, усиление или ослабление деталей по тональной насыщенности).

Надо сказать, что эти этапы находятся по отношению друг к другу не в строгой линейной зависимости. Например, композиционный этап может продолжаться до завершения работы. Задания на пленэре выстраиваются по мере усложнения изображаемых объектов: сначала растительные природные мотивы, далее пейзажи, пейзажи с включением архитектурного объекта и небольшие архитектурные композиции в городе.

Работа на пленэре – это в первую очередь пейзаж. Основная формальная проблема пейзажа – изображение пространства на двухмерной плоскости, где основной задачей является масштабное соотношение более близких и дальних зон с учётом важных составляющих пейзажа – освещённости и общей тональности вида.

Основные элементы пейзажа (растения, деревья, водоёмы, луга, и т.д.) студентами выполняются с натуры с тщательным изучением формообразования. На этом этапе пленэрной практики ставятся следующие задачи:

1. Выполнение графических зарисовок растительных форм и живой природы.
2. Анализ пропорций природных форм; выработка навыков изображения крупномасштабных объектов с учётом их структуры и направления света.
3. Выполнение зарисовок ландшафта с элементами плановости.
4. Умение изображать трёхмерное пространство природы в двухмерном пространстве на плоскости листа.

Следующий этап пленэрной практики дизайнеров заключается в умении найти новые оригинальные способы отображения природных мотивов, отличные от иллюзорного, фотографического изображения. Студент

на пленэре изображает реалистично природную форму, в качестве домашнего задания задаётся стилизация этой формы, сначала графическими средствами, далее живописными. Один и тот же мотив может быть трансформирован по-разному: близко к натуре или в виде намёка на неё, ассоциативно; однако следует избегать слишком натуралистической трактовки или крайнего схематизма, лишая узнаваемости. От стилизации отдельных форм студент переходит к стилизации пейзажа и далее к декоративной композиции. В создании стилизованной композиции очень важна предварительная эскизно-зарисовочная работа. Так как выполняя натуральные зарисовки, художник глубже изучает природу, выявляя пластику форм, ритм, внутреннее строение и текстуру природных объектов. Эскизно-зарисовочный этап проходит творчески, каждый находит и отработывает свою манеру, свой индивидуальный почерк.

Особую тему в пейзаже всегда составляет изображение архитектуры. В образе города, который живёт и развивается многие десятилетия, отражается вся его история.

Город Волжский сравнительно молодой город. Его можно разделить на старую часть и новую с большим количеством современных новостроек. Ценность старых городских видов и построек велика, как с точки познавательной стороны, так и исторической значимости. В связи с этим главной задачей работы на пленэре, поставленной перед студентами 2-го курса является отображение отдельных зданий и уголков старого города.

На пленэрной практике студенты учатся видеть и изображать пропорции внутри объекта и пропорциональные отношения объектов относительно друг друга; овладевают законами композиции; линейной и воздушной перспективы; осваивают различные техники исполнения работы; знакомятся с разнообразием графических материалов: карандашом, углём, сангиной, сепией, соусом, пастелью, тушью, гелиевой ручкой, маркером и т.д.

Работа на пленэре начинается с рисунка малой архитектурной формы, далее одного архитектурного объекта и продолжается изображением небольшого архитектурного ансамбля. В изображении объекта необходимо уходить от простой ретрансляции, даже хорошо выполненной технически. Важно научить студента передавать эмоциональный настрой в своей работе, тогда работа получится действительно авторской и неповторимой. Студентам предоставляется свобода в поиске сюжета и способах изображения.

На пленэре ставятся следующие задачи:

1. Научиться видеть наиболее интересные и выразительные ракурсы, передавать особенности изображаемого объекта, архитектурный стиль, строительные материалы.
2. Изучить композиционно-художественные закономерности объектов, масштабы, особенности перспективного изображения архитектурных объектов.
3. Уметь выполнять быстрые, «беглые» рисунки, эскизы, наброски, отличающиеся условностью изображения, лаконичностью масштабностью.
4. Освоить технические тонкости различных техник и изобразительных материалов.
5. Уметь целостно изображать природу с учётом общего состояния освещённости и пространственного удаления.

Задания по зарисовке архитектурных объектов направлены на развитие у студентов таких способностей, как:

- широкая пространственная ориентация;
- способность воспринимать природу в крупномасштабном трёхмерном пространстве;
- умение изображать природу в двухмерном пространстве на плоскости листа;
- целостное восприятие природы с учётом общего состояния освещённости и пространственного удаления.

Завершающим этапом пленэра является трансформация элементов архитектуры и далее городского пространства на основе натурального изучения. В таких работах отсутствует свето-воздушная перспектива. В архитектурных объектах выявляются наиболее выразительные в декоративном отношении линии и ходы, на которых и делается акцент; часть элементов обобщается, другие – передаются условно; возможно орнаментальное решение.

Студенты выполняют итоговую композицию на ФА-2 по мотивам пленэрных работ, где предоставляется свобода в поиске сюжета и способах изображения стилизованного пейзажа с архитектурой.

Результатом пленэрной практики является отчётная выставка, лучшие работы пополняют методический фонд.

Таким образом, пленэрная практика дизайнеров отличается от пленэра художников-станковистов. Пленэр направлен на развитие дизайнерского мышления, на получение и закрепление навыков, необходимых в дальнейшем процессе обучения, в проектной деятельности.

Список литературы

1. Архитектурный рисунок: современные технологии обучения: Учеб. пособие/Ред. – сост. В.М. Соняк. – Екатеринбург: Архитектон, 2005. - 268с.: ил.
2. Купер, Дуглас Практика рисования. Об акцентах восприятия, присутствующих в натуральных зарисовках/Дуглас Купер; пер. с англ. А.В. Банкрашков. – М.: АСТ: Астрель, 2010. – 208с.: ил.
3. Логвиненко Г.М. Декоративная композиция: учебное пособие для студентов вузов, Г.М. Логвиненко. – М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2005. – 144с.: ил.

СВОЕОБРАЗИЕ МОДНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ НА ПРИМЕРЕ АСТРАХАНСКОГО РЕГИОНА

Малова Т.Н.

Астраханский государственный университет, г.Астрахань

На протяжении многих столетий мода вызывает неподдельный интерес, как у потребителей, так и у ее создателей. Она неоднократно выступала объектом исследования во многих отраслях знания, таких как: социология, философия, искусствоведение и культурология. Это связано с многогранностью и неоднозначностью данного явления, которое оказывает влияние на многие стороны жизни человека.

Мода – это важный компонент культуры. Она способна точно транслировать и мгновенно реагировать на происходящие в обществе изменения. Она выступает своеобразным идентификатором социокультурных трансформаций и служит одним из языков, с помощью которого каждая культура «говорит» сама о себе. Исходя из этого, мы можем сказать, что тот, кто хочет познать сущность той или иной исторической эпохи, смысл культуры, должен чаще обращаться к изучению моды.

Мода так же является фактором, требующим глубокого анализа еще и потому, что она имеет возможность оказывать прямое воздействие на политическое, экономическое и социальное развитие общества. Мода может помогать стимулировать развитие производства товаров, оказывать влияние на принятие решений в области политики и способствовать социальной мобильности. Мода напрямую отражает социокультурную ситуацию исторической эпохи, а поэтому изучение повседневных проявлений в моде может наиболее полно раскрыть понимание культуры и развитие культурологии как науки, чем абстрактное теоретизирование.

Мода – один из самых широко известных феноменов повседневной жизни, неразрывно связанный с искусством, коммуникацией, массовой культурой. Мода распространяется на все сферы деятельности человека. Например, на: одежду, формы быта, автомобили, эстетические и художественные вкусы и т.п. Проблема с определением понятия «мода» вызывает осложнения, поскольку данный термин неоднозначен в своей трактовке. В широком смысле моду можно определить как «существующие в определенный период и общепризнанные на данном этапе отношения к внешним формам культуры»¹. Рассматривая моду с этимологической точки зрения, это понятие означает – образ, предписание. В Большой Советской энциклопедии мода определяется как «непродолжительное господство определенного вкуса в какой-либо сфере жизни или культуры»².

В Словаре русского языка под ред. Ожегова С.И. мода трактуется как «совокупность привычек и вкусов (в отношении одежды, туалета), господствующих в определенной общественной среде в определенное время»³.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» Даля В. под модой понимается «временная, изменчивая прихоть в житейском быту, в обществе, в покрое одежды и в нарядах»⁴.

Автор словарной статьи Грицанов А.А. в социологической энциклопедии трактует моду как «обычно непродолжительное господство определенного типа стандартизированного массового поведения, в основе которого лежит относительно быстрое и масштабное изменение внешнего (прежде всего, предметного) окружения людей»⁵.

Однако исследуя определение Никитина И.П. в «Философском энциклопедическом словаре» можно заметить, что автор связывает моду со вкусом как эстетической категорией: мода - это «система групповых предпочтений, воплощающих в себе не только вкус, но и определенный, общий для многих способ поведения»⁶.

¹ Кибалова Л, Гербенова, О. Иллюстрированная энциклопедия моды. - Прага: Артия, 1988г. С. 54.

² Большая Советская Энциклопедия. В 30тт. Т. 16. - М.: «Советская энциклопедия», 1974г. С. 368.

³ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М.: Оникс, 2011г. С. 389.

⁴ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 4т. Т. 3. - СПб.: 1866г. С. 325.

⁵ Грицанов А.А. Социологическая энциклопедия – Мн.: Книжный дом, 2003г. С. 968.

⁶ Никитин И.П. Философский энциклопедический словарь – М.: Мысль, 1998г. С. 173.

Анализируя вышеперечисленные определения, можно заметить, что для них характерна ориентация на внешние формы культуры. Однако существует мода, как отношение к внутренним формам культуры, а именно к идеям, воззрениям. Кроме того, при подобном подходе наибольший акцент делается на конкретность и изменчивость моды, а так же на ее связь с определенными периодами развития человечества.

Парадоксальность моды заключается в ее постоянной изменчивости и стабильной устойчивости. Меняются конкретные разновидности моды, но мода всегда рассматривается как особое социокультурное явление.

Мода оказывает большое влияние на культуру внешнего вида человека. Общество, следуя модным тенденциям, стремится к достижению индивидуальной и групповой самоидентификации. Как ученые, так и обыватели оказываются во власти моды и, в большей степени, к ее объективно фиксируемому результату – массовому увлечению новой вещью или идеей. В настоящее время моде уделяется пристальное внимание со стороны повсеместных показов мод от кутюр, прет-а-порте, телевизионных передач.

Культуру человечества во многом определяет его одежда. Она будет считаться целесообразной и привлекательной в том случае, если в большей степени отвечает правилам этикета. Для того чтобы человек был уверенным в себе, энергичным, собранным и привлекательным в глазах общественности, достаточно подобрать одежду со вкусом, а так же не забыть об опрятности своего внешнего вида. Чтобы выглядеть красиво, не обязательно иметь полный гардероб. В таком случае главное предпочтение отдается моде и вкусу.

Для понимания моды как культурно-исторического феномена необходимо четкое деление понятий «мода», «костюм», «одежда». Одежда – конкретная форма изделия. Костюм – система определенным способом подобранных предметов одежды, обусловленная конкретной целью. Мода (фр. Mode; лат. modus) – это мера, способ, правило, господство в данное время тех или иных внешних форм в предметах быта, главным образом в одежде.

В отличие от обычаев (не писанных законов, обозначающих нормативный аспект поведения и внешнего вида человека) мода – это то, чему хотят следовать, она несет социально-ценностный аспект. Если одежда – это средство, костюм – способ репрезентации определенно образа, то мода – правила создания этого образа.

Исторически мода возникает гораздо позднее, чем одежда и костюм. Можно сказать, что мода появляется только в период позднего средневековья. Однако следует отметить, что до девятнадцатого века мода распространялась только на очень небольшое количество людей таких, как: правители, аристократы, придворные. Костюм остальных людей носил традиционный характер и с течением времени мало менялся.

На территории Астраханской области проживает более 170 национальностей, что существенно повлияло на становление и развитие моды. Каждая из них привносит в моду свои характерные черты и элементы. Именно на территории Астраханской области наиболее ярко отражены модные тенденции разных культур. Это проявляется абсолютно во всем: начиная от кроя костюма, цветовой гаммы и заканчивая различными аксессуарами.

Немаловажную роль в становлении моды играет климатический и территориальный фактор. Так как Астрахань находится в удалении от модных центров, модные веяния доходят до нее с небольшим опозданием, иначе говоря, то, что было актуально в Москве несколько месяцев назад, теперь актуально и в Астраханской области. Однако с развитием интернет - и теле- индустрии это отставание значительно сократилось. В настоящее время наиболее активными участниками модного поведения являются девушки и юноши в возрасте до 16 лет, так как они в большей степени подвержены влиянию СМИ.

Своеобразие астраханской моды обуславливается климатическими особенностями. Климат Астраханской области умеренный, резко континентальный – с высокими температурами летом, низкими – зимой, большими годовыми и летними суточными амплитудами температуры воздуха, малым количеством осадков и большой испаряемостью, что не могло, не отразиться в costume.

Проведя исследование в ряде магазинов, в которых могут одеваться люди среднего достатка, таких как: Ostin, Gloria Jeans, InCity, Bershka, Zolla, - были выявлены особенности моды Астраханской области:

- стоит обратить внимание это на цветовую палитру. В ней преобладают светлые и яркие цвета, отводя на второй план темные оттенки. Это обусловлено тем, что темные цвета более восприимчивы к температуре, а, следовательно, в них наиболее жарко, что является не приемлемым в Астраханском регионе, где зафиксированы высокие температуры. Но даже в зимнее время астраханцы отдают предпочтения более ярким оттенкам: желтым, зеленым, красным, горчичным, синим. Стоит отметить, что цветовые предпочтения так же зависят от национальной принадлежности, так, например, казахи и татары, являясь кочевым народом, предпочитают в одежде цветочные мотивы, уделяя особое внимание золотому и зеленому цвету. Представители Ислама отдают предпочтение огненному – красному цвету;

- отдельное внимание уделяется материалу, из которого изготавливается одежда. Зачастую астраханцы предпочитают легкие, натуральные ткани (хлопок, лен, шерсть, натуральный шелк), которые позволяют «дышать коже», давая возможность в особенно жаркое время чувствовать себя комфортно;

- рассматривая гардероб жителей Астраханской области можно заметить, что в нем отсутствуют некоторые виды одежды, которые характерны для межсезонья. Это связано с тем, что происходит резкий переход от низкой температуры к высокой температуре. Это особенно заметно в весеннее время: снимая пуховик, надевают ветровки, или вовсе пренебрегая ими, отдавая предпочтение кардиганам;

- в магазинах можно найти множество моделей длинных платьев и юбок. В 2013-м, 2014-м годах модные дома ввели моду на макси. Это веяние прочно укрепилось на территории Астраханской области. С чем связана такая популярность? Это связано с гендерными, национальными и климатическими особенностями края. Более взрослые женщины отдают предпочтения моделям от колена и ниже, а пожилые дамы и вовсе облачаются в длинные платья и юбки. Представительницы Ислама в своем гардеробе имеют множество моделей макси. Не обходят их стороной и русские, цыгане, туркмены, татары и другие народы. Также длинные юбки не обтягивают тело, выполняя двойную функцию: не дает перегреваться телу и защищает от комаров и мошкары, которые являются неотъемлемой частью астраханской флоры;

- особое внимание астраханцы уделяют аксессуарам: платки, шапки, шарфы, перчатки, пояса, очки, шляпы являются неотъемлемой частью гардероба. Это связано с особенностями климата. Очки, шляпы защищают от яркого жаркого солнца. В холодные зимние дни в ход идут шарфы, перчатки, которые согревают в особенно холодное время. Платки не только дополняют образ, но и позволяют защититься от ветра. При повсеместном использовании данных аксессуаров, их разнообразие резко увеличивается, что приводит к появлению отдельных магазинов, где можно подобрать образ на свой вкус;

- в течение последних 5-ти лет одним из модных атрибутов астраханской области стали резиновые сапоги. На полках обувных магазинов можно встретить разнообразные модели, которые отличаются не только по цвету, но и имеют различные принты. Свою популярность они приобрели из-за слякоти, которая неизбежно появляется на улицах. Резиновые сапоги позволяют сохранять ноги теплыми и сухими, а многообразие моделей делают их не удобными, но и модными и современными. Спрос на них повлек создание и открытие завода, ООО ПКФ «Дюна-Аст», по производству резиновой продукции.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что мода зависит не только от модных домов, создающих коллекции на определенные временные промежутки, но и от климатических и территориальных особенностей. Астраханская мода поистине уникальна, так как формируется под воздействием множества факторов: СМИ, климат, территория, гендер, национальная и религиозная принадлежность. Все это позволяет выявить своеобразие модных тенденций Астраханского региона, а, впоследствии, может дать возможность ученым исследовать культурные и климатические особенности Астраханской области.

СЕКЦИЯ №7.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ИСКУССТВА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 17.00.09)

ДИАЛОГ КАК ФОРМА ОБУЧЕНИЯ ГУМАНИТАРНО ОДАРЕННЫХ УЧАЩИХСЯ

Волосков И.В., доктор философии, профессор, академик

ЧОУ ВПО Академия гуманитарных и общественных наук, г.Сергиев Посад

Аннотация: в статье рассматривается диалог как метод обучения гуманитарно одаренных учащихся, а также технологии реализации метода в условиях дополнительного образования.

Abstract: The article considers the dialogue as a method of teaching humanities gifted students, as well as technology implementation method in terms of additional education

Ключевые слова: диалог, метод, дополнительное образование

Keywords: dialogue, the method further education

Внедрение в учебный процесс Федеральных государственных образовательных стандартов третьего поколения обозначает такие новые направления образования на уровнях среднего и общего образования как гуманизация, гуманитаризация, формирование благоприятной социокультурной среды для формирования таких качеств личности как патриотизм, социальная активность, гражданская ответственность. Происходящие в

последние годы изменения в системе итоговой государственной отражают данные требования и повышают роль заданий, требующих проявления социокультурной эрудиции, творческого подхода к решению поставленных задач. Предъявляемые к системе образования новые требования меняют его содержание, требуют поиска новых методов обучения.

Одним из таких методов, хорошо известных в истории педагогики еще с античных времен, философских школ Сократа, академии Платона, ликея Аристотеля является диалог. Данный метод исходит из философской установки, что необходимые знания у человека уже есть, их необходимо только актуализировать, обобщить, «очистить» от лишней информации. Методики диалога стали развиваться в таких педагогических системах XX века, как вальфсдорфская школа педагогики, педагогическая система Д. Карнеги, педагогическая традиция Эльконина-Давыдовой. Диалог позволяет не только актуализировать имеющиеся знания, но и способствует проявлению эрудиции, способности формулировать свою позицию и аргументировать ее. Потому диалог становится востребованным методом обучения в старших звеньях средней школы и в среде учащихся старших классах. Использование диалоговых методик позволяет устанавливать гармоничное социокультурное взаимодействие в группе, способствовать самореализации личности ребенка в дискуссиях, процессе аргументации собственной позиции. В форме диалога эффективно разворачивается подготовка старшеклассников к проблемно-мировоззренческому сочинению по русскому языку, минисочинению по обществознанию, всероссийским и региональным олимпиадам, проектной деятельности. Участие в таких формах активности способствует самореализации личности, выработки таких важных качеств как эрудированность, уверенность в себе, осознанность профессионального выбора, необходимых для обучения в высшей школе.

Гуманитарно одаренные учащиеся выделяются в среде старшеклассников своей эрудицией, наличием собственной жизненной позицией, социальной активностью. В отличие от других детей, привыкших к традиционной монологической системе учитель-ученик такие дети с радостью вступают в диалог, демонстрируют свои знания и эрудицию, обозначают жизненную позицию и готовы ее аргументировать. Получая поддержку со стороны учителя, такие дети социально активны, с радостью стремятся к участию в олимпиадах, проектной деятельности. Победы гуманитарно одаренных детей повышают рейтинг как образовательного учреждения, так и учителя. Потому и администрация школы, и сами педагоги заинтересованы в подготовке и создании благоприятной социокультурной среды для развития таких детей. В группе они выделяются своей заинтересованностью к усвоению новых знаний и самореализации. Получая поддержку и одобрение со стороны учителя, они становятся помощниками педагога, с радостью реагируют на творческие задания, связанные с анализом текстов, выполнением ситуативных заданий, становятся лидерами микрогруппы в условиях интеллектуальных игр, олимпиад, подготовки и защиты научно-исследовательских проектов, оказывают помощь учителю в подготовке занятий. Получая индивидуальные учебные задания на основе уже имеющихся качеств социальной активности, ответственности они выполняют их на высоком уровне, рассматривая их не только как средство самореализации в группе, но и как дополнительный источник одобрения со стороны учителя. В ситуации итоговой аттестации, будучи подготовленными в рамках проектной деятельности, имея значительный опыт участия в олимпиадах такие дети демонстрируют высокие знания, что благоприятно отражается как на рейтинге школы, так и учителя.

Технологически организация диалога как ведущего метода обучения в старших звеньях средней школы и в старших классах опирается на актуализацию, дополнение и обобщение знаний учащихся по базовым знаниям программы, проверке необходимых умений и навыков. Как показывает практика, диалоговое взаимодействие базируется на группе поддержки педагога, интеллектуальных лидерах, имеющих необходимые знания, собственную жизненную позицию, эрудицию. Взаимодействие с группой может разворачиваться в ситуациях решения учебных и ситуативных задач, отработке заданий на комментирование текстов, обобщение необходимой информации, обсуждение актуальных проблем социально-экономического развития страны и событий в мире. Ситуации обсуждения, диалогового взаимодействия провоцируют политинформации, проводимые учащимися, демонстрации презентаций, докладов, результатов проектной деятельности, обмен опытом. Учебные ситуации создаются учителем для реализации определенных педагогических задач, однако для разворачивания диалога ему необходима группа поддержки, состоящая из лидеров, признаваемых группой и организующих взаимодействие. Задача учителя в этой ситуации состоит в том, чтобы направлять диалоговое взаимодействие, обращать внимание на наиболее важные моменты, следить за тем, что значимая информация была зафиксирована учащимися и доступна, понятна всем участникам взаимодействия.

Таким образом, диалог полностью реализует те изменения, которые требует новый Федеральный образовательный стандарт, формирует личность, обладающую такими важными для современного российского общества качествами, как социальная активность, гражданская ответственность, наличие собственной точки зрения, эрудированность. Диалог создает такую социокультурную среду, где конструктивно идет обмен

информацией, жизненным опытом между учащимися, формируются и сплачиваются команды для совместного участия в олимпиадах, конкурсах научно-исследовательских проектов, интеллектуальных играх.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.00)

СЕКЦИЯ №8.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.01)

«СОЮЗ ПОЛЬЗЫ, БЛАГА И ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ЦЕННОСТИ»: ЗНАЧЕНИЕ ДРАПИРОВКИ В ФОРМИРОВАНИИ АНТИЧНОГО КОСТЮМА

Окружко К.В., студентка ЕГУ им. И.А. Бунина

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Логвиненко С.В.

История костюма отражает историю человечества, дает четкое представление о культуре общества, его социальном устройстве и духовной жизни народа в различные периоды развития.

Свой вариант костюма, в котором раскрылась бы самобытность народа, греки искали долго. И такой костюм сформировался под влиянием культа физически крепкого тела и законов гармонии человека и природы. Красота человеческого тела или недостатки фигуры подчеркивались или скрывались одеждой, искусно задрапированной. Так возникла тесная связь между костюмом и телом, на которое он был надет. Греки стали подходить к ткани, учитывая ее пластические свойства и управляя ими на основе законов красоты, в результате чего создавалась одежда, отвечающая идеалу. В ее основе лежала драпировка. Уникальность античной одежды заключалось в том, что для ее изготовления не нужны были выкройки и сшивание: «По канонам того времени одежду не кроили. Кроеного костюма древние греки не знали» [См.4]. Л. Надточий определил античный костюм «как самый богатый и в то же время самый скромный, создание которого основывалось на искусстве драпировки». [5,28].

Мы не разделяем мнение Р.В. Захаржевской, утверждающей, что «называть греческую одежду костюмом неправомерно, так как драпировка есть искусство обращения с куском ткани» [2, 41]. Следует отметить, что античная одежда отвечала нескольким критериям. В ней сочетались красота и целесообразность. Так, многие исследователи рассматривают костюм как «союз пользы, блага и эстетической ценности». С одной стороны, одежда защищала тело греков от неблагоприятных погодных условий, с другой – украшала его. Основой для построения античного костюма стало прямоугольное полотнище ткани. Однако разнообразие форм античного одеяния определялось особой системой, применяемой к скалыванию, обертыванию, сгибанию и укладыванию этого полотнища ткани на теле человека. Мастерство рук человека определяло количество складок и красоту их линий. Таким образом, подвергая один и тот же кусок ткани различным манипуляциям, греки получали различные формы костюма, изящные и величественные. Одними из них являются хитон и тога.

Хитон – нижняя одежда для мужчин и женщин. Это прямоугольный кусок ткани, который был сложен пополам. Линия сгиба проходила с левого бока туловища. Часто греки увеличивали ширину ткани, чтобы из большого куска собрать складки. В этом случае хитон становился разновидностью драпированной одежды. С верхним краем хитона можно было выполнять различные манипуляции: отгибать его параллельно плечам, и тогда он приобретал сложную форму, или опоясывать. Пояс мог находиться на талии, бедрах или крест-накрест на груди. Иногда для отворота одеяния использовалась другая ткань, которую драпировками укладывали на плечах вдоль груди. Такую «накидку» составляли и из двух полотнищ. Для их укладки использовали разнообразные виды соединения, в результате чего образовывались различные по форме складки.

Тога – это одежда, по форме напоминающая эллипс. Материя драпировалась вокруг тела. Ткань складывалась вдвое и в результате сложных манипуляций оборачивалась вокруг фигуры, как бы окутывая ее. Будучи сложной для одевания, она требовала от человека предварительных операций по компоновке ткани на манекене. Тога перестала зависеть от движений тела, ее основным назначением стало сокрытие под куском задрапированной ткани тела человека, без акцента на его фигуре. Подобный подход изменил и масштаб ткани, который значительно превышал пропорции тела человека. Тога как одеяние должна была нести через форму определенную эстетику и красоту. Их основные положения закрепили в соответствующем регламенте правил,

отражающем требования и к укладыванию складок, и к фиксированию линий драпировки, и к их неподвижности при движении. За нарушение этих правил был установлен штраф. Если ткань украшалась каймой, то раппорт шел по горизонтали, что подчеркивало вертикальное направление складок драпировки, четкость и выразительность линий. Так люди пытались передать красоту человеческого тела и пластику его движений.

Античный костюм строился на принципе свободы, но тяготение к прекрасному сделало его совершенным. Греки не просто брали прямоугольные куски, а подходили к ним творчески: они меняли их размеры, пропорции, принципы складывания, расположения на теле, крепления и фиксирования на плече. Так греки стали искусными мастерами в изменении пластики ткани, зависящей от движений человека. Складки выполняли особую роль, повторяя движения человека, сливаясь с его телом и обозначая формы. В состоянии покоя они были неподвижны, а при малейшем изменении положения человека становились динамичными. Это позволило вложить в неживую ткань одухотворенность и экспрессию.

Таким образом, в основу античного костюма легло гармоническое слияние ткани с формами человеческого тела. Перестал существовать античный мир, а вместе с ним и драпированный костюм. Но он сыграл значительную роль, раскрыв Европе законы пластики и красоты в одежде.

Список литературы

1. Дудникова Г.П. История костюма. Учебник. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. 416 с.
2. Захаржевская Р.В. История костюма: от Античности до современности. – М.: Рипол Классик, 2005. 288 с.
3. Каминская Н.М. История костюма. – М.: Легпромбытиздат, 1986. – 168 с.
4. Орленко Л.В. Терминологический словарь одежды. – М.: Легпромбытиздат, 1996. 344с.
5. Надточий Л. Античный костюм. Юный художник., №7, 1982. 48 с.

СЕКЦИЯ №9.

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 24.00.03)

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.00.00)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.00)

СЕКЦИЯ №10.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.01)

ПЕРЕВОДЫ БАЛЛАДЫ «ВОРОН» ЭДГАРА ПО: ПОЭТИЧЕСКОЕ СОСТЯЗАНИЕ К.Д. БАЛЬМОНТА И В.Я. БРЮСОВА

Устиновская А.А.

Международный гуманитарно-лингвистический институт, старший преподаватель, г.Москва

Аннотация:

Э. По – американский поэт-романтик – был одним из любимейших авторов русских символистов, в частности – К.Д. Бальмонта и В.Я. Брюсова. И Бальмонт, и Брюсов оставили нам свои варианты перевода баллады Э. По «Ворон». Художественный перевод этой баллады стал для русских поэтов-символистов своего рода поэтическим состязанием.

Ключевые слова: баллада, художественный перевод, образ-символ ворона, поэтическое состязание

О взаимном притяжении К.Д. Бальмонта и В.Я. Брюсова писали многие авторы, но одним из первых исследователей, поставивших вопрос об их литературном соперничестве, был Д.Е. Максимов. «Длительные, очень сложные жизненные и литературные отношения Бальмонта и Брюсова представляют собой целый роман, в

котором восторженная дружба, связанная с влиянием Бальмонта на молодого Брюсова, сменяется несогласиями, соперничеством, охлаждением и даже враждой»⁷. О.А. Жиронкина в работе «К. Бальмонт и В. Брюсов: состязание в поэтической практике» считает, что К.Д. Бальмонта современники даже считали «литературным двойником» и «антиподом» В.Я. Брюсова, показывая этим, что поэты не просто оказывали взаимное влияние друг на друга, но были вовлечены в своеобразные, уникальные, конкурентные отношения⁸.

В 1894 – 1905 годах поэты активно ведут диалог как в переписке, так и в оригинальном творчестве. В их стихотворных сборниках появляются стихотворения с посвящениями и эпитафиями (например, «К.Д. Бальмонту» В.Я. Брюсова с эпитафией из стихотворения К.Д. Бальмонта «Ожесточенному»), ответными посланиями и даже вызовами друг другу (например, стихотворение «Выбор» К.Д. Бальмонта). Но к 1906 году подобная полемика прекращается, передав эстафету критическим высказываниям поэтов друг о друге. Первая статья В.Я. Брюсова, посвященная недавно вышедшему стихотворному сборнику К.Д. Бальмонта «Будем как солнце», появляется в 1903 году. В ней он еще довольно искренне восхищается поэзией друга, но уже бросает пару упреков в адрес его таланта. В последующих же статьях упреков появляется все больше, положительных оценок все меньше, а суждения становятся все жестче. В.Я. Брюсов упрекает К.Д. Бальмонта в недостаточности новизны и оригинальности в его поэзии, неестественности образов и узости таланта, пока, наконец, не выносит приговор его творческому потенциалу: «Но, как писатель, как определенный деятель нашей литературы, Бальмонт, конечно, уже сказал свое последнее слово»⁹. К.Д. Бальмонт отвечает В.Я. Брюсову весьма сходным замечанием о том, что «как лирический поэт, он близок к смерти»¹⁰, и поднимает в своей статье вопрос о творческих принципах, которыми должен руководствоваться поэт. И все же, несмотря на большую разницу в поэтических и жизненных принципах поэтов, они до самого конца поддерживают интерес друг к другу, и в 1921 г., за три года до смерти, В.Я. Брюсов все еще трудится над статьей «Что же такое Бальмонт?».

Эта статья так и не была опубликована при жизни поэта, оставшись в архивных материалах в качестве черновиков и доработок. Несмотря на это, вопрос состязательности в творчестве поэтов так и остался неизученным. Говоря о переводах на русский язык стихотворений Э. По, заметим, что именно вокруг перевода стихотворения «Ворон» велись ожесточенные споры между представителями старших символистов: Д. Мережковским, В. Брюсовым и К. Бальмонтом. В переписке с В.Я. Брюсовым К.Д. Бальмонт сам указывает на стихотворение «Ворон» как «состязательное»¹¹.

При этом оба поэта перевели не только «Ворона», но и почти все другие стихотворения Эдгара По. Кроме того, каждый из них составил собственный сборник переводов стихотворений Эдгара Аллана По, сопроводив его комментарием, краткой биографией поэта и критической оценкой его творчества. Перед нами не просто состязание в переводе стихотворения, - это состязание в принципах составления и издания целого сборника стихов, где в спор вступают как сами переводы, так и методы работы с материалом и способы презентации иностранного автора русским читателям. Поэтому, анализируя перевод поэтами стихотворения Э. По «Ворон», отметим, что состязательный характер литературных взаимоотношений К.Д. Бальмонта и В.Я. Брюсова «напоминал их современникам взаимоотношения Моцарта и Сальери»¹²: молодой Брюсов ориентировался на поэзию Бальмонта, стараясь превозмочь его талант и преодолеть его влияние, в то время как для Бальмонта поэзия Брюсова не представляла подобной значимости. Хотя жажда литературной борьбы была более близка В.Я. Брюсову, чем К.Д. Бальмонту: «В.Я. Брюсов стремился ко вступлению в любую полемику, и любой диалог он превращал для себя в состязание, с обязательным условием сделать как можно лучше, сделать правильнее. К.Д. Бальмонт при этом не был настолько же склонен к поэтическим спорам, как его друг-соперник»¹³.

Чтобы выявить особенности перевода «Ворона» Э. По К.Д. Бальмонтом и В.Я. Брюсовым, обратимся к истории знакомства русского читателя с творчеством американского поэта-романтика. В 1850 – 1860-е гг. творчество Эдгара По становится известным в Европе, а с 1847 года и в России. В 1880-е гг. его художественные произведения и эстетическая теория начинают оказывать влияние на литературу и искусство. Наиболее полно художественная концепция американского романтика была воспринята символистами; при этом ими на первый

⁷ Максимов Д. Е. Брюсов. Поэзия и позиция. - М. : Советский писатель, 1969. С. 173.

⁸ Жиронкина О. А. К.Д. Бальмонт и В.Я. Брюсов: состязание в поэтической практике. Автореферат. М. Издательство РГГУ, 2013.

⁹ Гуковский Г.А. К вопросу о русском классицизме (Состязания и переводы) // Г.А. Гуковский Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века / Общ. ред. и вступ. ст. В.М. Живова. – М.: Языки русской культуры, 2001. – С. 252 – 277.

¹⁰ Нинов А.А. Переписка с К.Д. Бальмонтом // Литературное наследство. Т. 98. Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 1. – М.: Наука, 1991. С. 30-151.

¹¹ Жиронкина О. А. К.Д. Бальмонт и В.Я. Брюсов: состязание в поэтической практике. Автореферат. М. Издательство РГГУ, 2013. С. 15.

¹² Жиронкина О. А. К.Д. Бальмонт и В.Я. Брюсов: состязание в поэтической практике. Автореферат. М. Издательство РГГУ, 2013. С. 9.

¹³ Там же.

план выдвигается именно поэзия Эдгара По. Не случайно именно Э. По В. Брюсовым, К. Бальмонтом и Д. Мережковским был назван предтечей русского символизма¹⁴.

Именно в это время появляется значительное число переводов поэзии Э. По на русский язык. Русские символисты открыли для себя, благодаря поэзии Э. По, нечто гораздо большее, чем внешний поэтический стиль, который может быть повторен сознательными и несознательными имитаторами, они восприняли в качестве поэтического наследия Э. По новый способ поэтического видения мира, который и назвали символистским. Это «способ мыслить в соответствии с законами сотворения мира», призывая на помощь интуицию, овладевая «знанием без доказательств».

Традиционной идее познания мира в искусстве символисты противопоставили идею конструирования мира в процессе творчества. В понимании символистов творчество – это интуитивная, иррациональная «тайнопись неизреченного», требующая от поэта только необыкновенной чуткости, но и тонкого владения искусством намека, «придали русскому поэтическому слову неведомую прежде подвижность и многозначность, научили русскую поэзию открывать в слове дополнительные оттенки и грани смысла, расширили ритмические возможности русского стиха»¹⁵. Мало кто из русских поэтов-символистов не испытал на себе магического влияния творческого наследия Эдгара По, но проявлялось оно каждый раз по-разному.

«Если К. Бальмонт акцентировал и нередко имитировал иррациональное, «магическое» начало Эдгара По, а З. Гиппиус усвоила его интеллектуализм и переняла некоторые ключевые образы, то В. Брюсов и А. Блок (каждый по-своему) учились у американского предшественника искусству соединения смысла и формы, содержания и стилиевой отделки стиха»¹⁶. Вполне естественно, что вокруг переводов поэзии Э. По на русский язык возникла ожесточенная полемика, что связано, в первую очередь, с проблемой переосмысления, личностного толкования подлинника автором перевода. Как высшую похвалу переводчику изучающие особенности переводческой деятельности приводят известное место из письма Гоголя Жуковскому о том, что переводчик превратился в такое прозрачное стекло, что кажется как бы нет стекла. В идеале так и должно быть. Но как только обращаешься к художественному тексту, «как только в тексте вырисовывается лицо автора, его индивидуальный стиль, так почти неминуемо возникает рядом и лицо переводчика»¹⁷.

Художественный перевод, как и всякий творческий процесс, исходит не из слова, а из произведения в целом, которое включает в себя не одни только языковые его элементы, поэтому, воссоздавая на другом языке действительность, уже закрепленную в известной стилиевой форме, переводчик должен тонко чувствовать именно этот обязательный для него стиль, обладать изощренным музыкальным слухом, позволяющим ему сохранить богатство и чистоту языка оригинала. Полемика вокруг авторских переводов поэзии Э. По, в первую очередь, связана с переводами на русский язык баллады «Ворон». Образ этой демонической птицы присутствует в поэзии А. Блока и олицетворяет олицетворяет тишину, смерть, тление жизни и боль:

«... Там ворон каркает высоко,
И вдруг - в лазури потонул.
Из бледноватого далека
Железный возникает гул»¹⁸.
(А. Блок, «Я тишиною очарован...»
18 апреля 1902 г.).

Заметим, что Ворон - демонический образ славянской мифологии. Он считался самой мудрой и вешей птицей. В волшебных сказках ворон добывает мертвую и живую воду, символизирует ветер. Согласно христианским традициям, эта птица стала символом дьявольских сил.

Первый перевод «Ворона» принадлежал С. Андреевскому и был опубликован в марте 1878 г. в «Вестнике Европы». По справедливому замечанию Е.К. Нестеровой¹⁹, перевод этот представляет собой «практически пересказ, сделанный четырехстопным ямбом». Вскоре появились другие переводы «Ворона» - Л. Пальмина (1878), И. Кондратьева (1880), Л. Оболенского (1886); существует даже прозаический перевод неизвестного автора, помещенный в сборнике «Повести, рассказы, критические этюды и мысли Э. По» (М., 1885). В ранних

¹⁴ Забаева Э.Ю. Эдгар По и старшие символисты. М. Издательство государственного областного университета, 2011. 229 с.

¹⁵ Забаева Э.Ю. Эдгар По и старшие символисты. М. Издательство государственного областного университета, 2011. 229 с.

¹⁶ Нестерова Е.К. Русские переводы стихотворения Э. А. По «Ворон» / Е. К. Нестерова // Тетради переводчика . 1974 . Вып. 11 . С. 22-36

¹⁷ Осорин М. Переводчики и перевозчики //Русск. речь. 1995, №4 С. 34. .

¹⁸ Блок А. Я тишиною очарован/Блок А.А. Собр. Соч. в 20 томах. М.: ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, Наука, 1973. Т 1. С. 142.

¹⁹ Нестерова Е.К. Русские переводы стихотворения Э. А. По «Ворон» / Е. К. Нестерова // Тетради переводчика . 1974 . Вып. 11 . С. 22-36 .

переводах «заметно стремление переводчиков «подогнать стихотворение По под привычные поэтические формы, в результате чего американский поэт полностью теряет свою индивидуальность»²⁰.

«Языковой барьер» обусловил одну особенность: многие первые переводы делались не с английского, а с французского языка - таким образом, здесь был «двойной» перевод. Существовал даже перевод «Ворона» в прозе. Во всех ранних переводах стихотворений По заметно было стремление «подогнать» его поэзию под привычные формы – под Апухтина или Надсона. И лишь символисты в 80-90-х гг. увидели в Эдгаре По своего предшественника.

В 1894 году К.Д. Бальмонт публикует перевод баллады Э. По «Ворон». Сопоставим первоисточник, подстрочник и сам перевод баллады «Ворон», осуществленный К.Д. Бальмонтом.

Первое, на что мы обращаем внимание, анализируя поэтический перевод К. Бальмонта, это на особый ритм и музыкальность баллады. Бальмонт использует шестистишие, однако, в отличие от классического шестистишия, используемого в гимнах, когда используется строфа из шести стихов, обычно на три, реже на две рифмы. При этом среди шестистиший на три рифмы чаще всего встречаются два типа, соответствующие двоякому построению строфы: симметричному и концевочному. Для первого построения (3+3) характерна «тернарная» рифмовка aabccb (нем. Schweifreim, англ. tail-rhyme), подобную рифмовку мы встречаем у А.С. Пушкина.

Такая рифмовка была введена в употребление в средние века, однако строфа у Бальмонта намного длиннее, это двенадцатистопный ямб, хотя поэт использует классическую для шестистишия укороченную последнюю строфу, последние слова укороченной строфы повторяются, как эхо: «тьма и больше ничего», «эхо, больше ничего», «ветер, больше ничего», затем повторы в укороченной строфе приобретают мистическую окраску: «тьма, и больше ничего», «ворон молвил: «Никогда», Ворон каркнул: «Никогда», «Не восстанет никогда». При этом в подстрочнике используется повтор «Никогда больше». Вариативность повторов и особая музыкальность стиха заимствованы Бальмонтом у Э. По, за музыкой Бальмонт видел царство чистых звуков, «слов-символов», исполненных первобытной силы.

Если американский поэт сумел расслышать волшебные звуки в голосах людей, животных, растений, то Бальмонт в переводе создал свою поэтическую музыку, завораживающую, мистическую. Эта мистическая музыкальность бальмонтского перевода особенно видна в последнем шестистишии баллады:

«И сидит, сидит злоеший Ворон черный, Ворон вещий,
С бюста бледного Паллады не умчится никуда.
Он глядит, уединенный, точно демон полусонный.
Свет струится, тень ложится, - на полу дрожит всегда.
И душа моя из тени, что волнуется всегда,
Не восстанет – никогда!» (К. Бальмонт «Ворон»)
Если в подстрочнике читаем:
«Ворон, неподвижный, все сидит и сидит.
На светлом бюсте Паллады рядом с дверью моей комнаты,
И его глаза кажутся глазами демона, который спит,
И свет лампы над ним, струясь, бросает тень на пол,
И моя душа из этой тени, что растеклась на полу,
Не воскреснет – никогда больше!».

Двойной повтор - «сидит злоеший Ворон черный, Ворон вещий» - с характерным «щ», вызывает у читателя ужас, это не просто «ворон все сидит и сидит», это читатель ощущает звуки преисподней.

В переводе В. Я. Брюсова эти строки более пессимистичны:

И не вздрогнет, не взлетит он,
все сидит он, все сидит он,
Словно демон в дреме мрачной, взгляд навек вонзив мне в грудь,
Свет от лампы вниз струится, тень от ворона ложится,
И в тени злоеший птицы суждено душе тонуть...
Никогда из мрака душу, осужденную тонуть,
Не вернуть, о, не вернуть!» (Брюсов В. Я. «Ворон»)

Брюсов выделяет строки «не вернуть», для него невозвратность сильнее голоса преисподней, и хотя Ворон назван демоном, ощущения щемящего сердце ужаса строки не вызывают.

Мы видим, что перевод Бальмонта более музыкален, он наполнен особой внутренней музыкой, что было характерно и для поэзии Эдгара По, музыкальность которого общеизвестна. «Быть может, именно в музыке, -

²⁰ Там же.

писал По, - душа более всего приближается к той великой цели, к которой, будучи одухотворена поэтическим чувством, она стремится, - к созданию неземной красоты... Часто мы ощущаем с трепетным восторгом, что земная арфа исторгает звуки, ведомые ангелам. И поэтому не может быть сомнения, что союз поэзии музыкой в общепринятом смысле открывает широчайшее поле для поэтического развития»²¹. Само понятие «музыкальность» По воспринимал шире, нежели просто мелодическая интонация стиха; он понимал под музыкальностью всю звуковую организацию произведения, включая ритм, поэтический размер, метрику, рифму, строфику, рефрен, ассонанс, или аллитерацию и т.д., в органическом единстве со смысловым содержанием. Все эти элементы он ставил в зависимость друг от друга и подчинял общей задаче – достижению эффекта.

Для Бальмонта понятие музыкальность созвучно понятию зрительному – зеркальности, строки перевода зеркально музыкальны, отражаются одна в другой. Принцип зеркальности у Бальмонта предполагает не просто закон взаимоотражения «всего во всем»²², но представлен как закон преобразования взаимоотраженных сущностей и рождения небывалого, вновь сотворенного существа - поистине чуда. Полем трансформации мира и ее образом становится сам стих, в котором чудо преображения совершается в слове, превращающемся из слова номинативного в слово-образ.

Бальмонт, используя русские, пушкинские размеры стиха в своем переводе добился такой мелодичности, когда сначала «исчезает слово и чудится звук неземного напева», а затем мы слышим звуки запредельной реальности, наполненной мистическим ужасом. Бальмонт заимствовал у По прием повторов, однако так его разнообразил, что именно бальмонтовские повторы в «Вороне» сложились в особую бальмонтовскую систему повторов, с использованием внутренней рифмы, созвучий, прием аллитераций.

4-5 июля 1895 г. появляется набросок перевода первой строфы «Ворона», осуществленный В. Брюсовым:

Once upon a midnight dreary, while I pondered, weak and weary, Over many a quaint and curious volume of forgotten lore -While I nodded, nearly napping, suddenly there came a tapping, As of some one gently rapping, rapping at my chamber door.

«'T is some visiter», I muttered, «tapping at my chamber door -Only this and nothing more» [4. Vol. 7. P. 94].

(Однажды полночью унылой, пока я размышлял, слабый и уставший,

Над старинными и любопытными томами забытых знаний - Пока я клевал носом, почти дремал, неожиданно появился стук, Словно кто-то легко стучал, стучал в дверь моей комнаты. «Это какой-то гость, - я пробормотал, - стучающийся в дверь моей комнаты -Только это и ничего более»)2.

Как-то полночью ненастной <1 слово нрзб.> пленный, безучастный

Над томами древних знаний позабытых навсегда Я <1 слово нрзб. > полусонный шуткой <2 слова нрзб. >

И услышал стук <1 слово нрзб.> в полусне <2 слова нрзб.> «Это знать», пробормотал я, прошептал не без труда Это гость стучит сюда [5. К. 14. Ед. 5/3. Л. 43].

Перевод этот весьма вольный, многие образы переданы не точно («пленный», «безучастный») либо потеряны, некоторые добавлены самим Брюсовым («шутка», «не без труда»). Начинаящий переводчик стремится в первую очередь передать размер и рифмовку «Ворона».

Таким образом, с 1894 по 1901 годы происходит период наиболее тесного сотрудничества и взаимного влияния Бальмонта и Брюсова друг на друга. С начала же XX века поэты все больше и больше расходятся в своих поэтических принципах и понимании задач искусства, из-за чего диалог-соперничество превращается в спор и противостояние. При этом близость стихотворного творчества К.Д. Бальмонта и В.Я. Брюсова сочетается с кардинальной разницей в выборе поэтических принципов и их понимании творчества. К.Д. Бальмонт придерживался импрессионистических (романтических) принципов в поэзии, когда каждое стихотворение воплощает собой запечатленное мгновение и является непосредственным отражением жизни. В.Я. Брюсов был более близок к идеям Парнасской школы, которая сравнивает поэта с работником, который в труде и постоянном совершенствовании достигает идеала своих творений. Отметим, что переводческие позиции К.Д. Бальмонта и В.Я. Брюсова соотносятся с их поэтическими принципами и отражают их общие идеи и взгляды.

К.Д. Бальмонт ставил акцент на содержании текстов, их образности и мелодике. Форма имела у него второстепенное значение, он готов был ею жертвовать ради создания определенного впечатления от стихотворения. В.Я. Брюсов же избирает основным элементом именно формальную организацию стихотворения, то есть лексико-грамматический уровень. Ради сохранения размера и формы стиха он жертвует некоторыми оборотами и образами.

²¹ По Э. Поэтический принцип. //Эстетика американского романтизма. М.: «Художественная литература», 1977. С. 139.

²² Петрова Т. С. Принцип зеркальности в поэзии Бальмонта. Иваново, Издательство Ивановского университета, 1999. С. 27.

РОЛЬ А.Д. КАНТЕМИРА И Ф. ПРОКОПОВИЧА В СТАНОВЛЕНИИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Александрова И.Б.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

XVIII век в русской литературе – особая эпоха, которая характеризуется изменением концепции личности, становлением гибкой системы стилистических средств – а точнее, нескольких, свойственных различным литературным направлениям подсистем, которые помогают создать яркий, многоцветный портрет человека. От образа-«чина» поэты переходят к образу личности, стремящейся познать гармоничное устройство мира через изучение законов природы и творчества, воспринимающей себя как «государственного» человека, как частицу Божьей Вселенной. Изменение критериев изображения личности отражается в смене литературных направлений (от барочных явлений в начале века через классицизм, сентиментализм во второй половине столетия) и в появлении предромантизма – комплекса идейно-стилевых тенденций второй половины XVIII – нач. XIX в.

Человек XVII и XVIII столетий – это личность эпохи просветительства (в терминологии П.Н. Беркова: «...русское просветительство имело двухсотлетнюю длительность и растянулось от Симеона Полоцкого до просветителей 40-60-х годов XIX века... просветительство – это такое философско-политическое течение, которое видело единственно возможное средство улучшения жизни общества в распространении образования и пропаганде знаний и вытекающих из этого постепенных изменениях, реформах всех сторон социально-экономического и государственно-правового уклада») (Берков 1981: 174, 177). Но качество этого «человека просветительства» в литературе допетровской и Петровской эпохи было различно. В поэзии Симеона Полоцкого, в частности в «Вертограде многоцветном», личность изображается в соответствии с представлениями о «чине». Это понятие было сформулировано царем Алексеем Михайловичем в предисловии к «Книге, глаголемой Урядник, новом уложении и устройении чина сокольничья пути»: «...и чтобы всякой вещи честь и чин и образец писанием предложен был, потому: хотя мала вещь, а будет по чину честна, мерна, стройна, благочинна...» (Собрание...1856: 90). Следование принципу «чина» предполагает изображение человека в соответствии с идеологическим каноном – с представлением о его социальной роли. Как пишет Л.А. Черная, идеологический канон «доминирует в культурах, вошедших в фазу теоцентризма, когда канон выражает принцип «старинности», принимается за раз и навсегда данную истину и выводит идею развития из движения назад, вспять, к утраченному идеалу» (Черная 1999: 113). Именно он диктует и изобразительный канон, при котором человек в поэтическом произведении воплощается как «каноническая маска того или иного социального типа, соотношенного с религиозной шкалой добродетелей и пороков» (Черная 1989: 223).

Философия, литература, искусство допетровской эпохи подготовили появление в поэзии личности, активно участвующей в государственных преобразованиях, стремящейся к энциклопедической образованности, к «новизне» как к особому качеству жизни, – личности динамичной, отказавшейся от незыблемости «канона» и стремившейся обрести новые формы духовного бытия и взаимодействия с миром. Человек хочет найти свое место в мире социума и универсума, познать себя как личность социальную и духовную. Зарождение такой личности отражено в творчестве А.Д. Кантемира, который воплощает в художественном слове собственное стремление познать психологические и философские основы жизни: «...в одном только тружуся, чтоб познать самого себя и научить прямым путем истинныя добродетели ходити, да обрящу собственное духа моего спокойство...» (Кантемир 1868: 23). Изображая в сатирах различные нравы, он постепенно подходит к проблеме создания в художественном произведении не «чина», а характера – образа, в котором сочетаются обусловленный эпохой тип личности, с присущим ей способом восприятия мира, и осмысление автором нравственных основ представленного в произведении человека, его этико-философская концепция.

Убежденный в воспитательной силе искусства слова, Кантемир стремится запечатлеть наиболее важные, философско-этические грани личности. В первой сатире – «К уму своему» – он размышляет о выборе жизненного и творческого пути, стремясь «испытать души силу и пределы», «выведать премену иль причину строя мира и вещей» (Кантемир 1956: 58). Во второй сатире – «На зависть и гордость дворян злонравных» – поэт, рассуждая о подлинном благородстве и подлости, осмысляет эти понятия в этическом ключе. Человек должен заслужить уважение своими деяниями, а не «породой»:

Разогнал ли пред собой враги уstraшены?
Облегчил ли тяжкие подати народу?
Суд судя, забыл ли ты страсти?
Знаешь ли чисты хранить и совесть и руки?
Не завистлив, ласков, прав, не гневлив, беззlobен?

Верить ли, что всяк тебе человек подобен? (Кантемир 1956: 70)

Но, как пишет Кантемир в пятой сатире (первоначально она носила название «На человека»), «человек один одарен ума светом...// В темноте ходит век свой...//Без притчины радостен, без притчины скорбен.// Наудачно он любит, гонит, смирен, злобен». Впоследствии поэт меняет название этой сатиры, уточняя объект осуждения – «На человеческие злонаравия вообще» – и смягчая категоричность суждений о человеке. Он приходит к выводу, что личность можно воспитать – «в добрых нравах утвердить, чтоб чрез то полезен // Сын твой был Отечеству, меж людьми любезен» (Кантемир 1956: 159). Характерно, что не только в сатирах, но и в русских переводах барочной поэзии, сделанных А.Д. Кантемиром, звучат просветительские мотивы: стихотворец советует стремиться к «вышнему наследству», а не следовать принципу гедонизма, который исповедовала личность эпохи барокко.

Творчество Кантемира отражает эстетический идеал поэта, его представления о том, каким должен быть человек, – и это мировосприятие художника-гуманиста. При этом он не стремится создать в поэзии образ личности, сочетающей в себе противоречивые, взаимоисключающие черты, ему не свойствен психологизм. Внутренний мир человека во всем его многообразии в это время еще не стал предметом искусства. Скорее следует говорить о риторической интенции и модальности, которые определяют собой мир художественного бытия личности в XVIII веке. Авторы воспитывают своего читателя, просвещают его, рисуя фигуру характерного для этого столетия «вымышленного» человека. Это еще не портрет, не зеркало – это образ, при помощи которого «поэзия» выполняет свою главную задачу – просвещать сознание, стремиться силой художественного слова формировать идеал эпохи.

Именно такую задачу ставит перед собой Феофан Прокопович, давая определение поэзии: «...поэзия есть искусство изображать человеческие действия и художественно изъяснять их для назидания в жизни», «сочинять хвалы великим людям и память о их славных подвигах передавать потомству», «поведать о тайнах природы и о наблюдениях над движением небесных светил», «наставлять и гражданина, и воина, как жить на чужбине» (Прокопович 1961: 362, 419, 342). Поэзия, таким образом, стала зеркалом Универсума, от грандиозных его составляющих до «частицы бытия» – человека (термин «поэзия» Прокопович употребляет в значении «искусство слова», «художественная словесность»). Очевидно риторическое, воздействующее, воспитательное наполнение понятия «поэтическое творчество», при котором читатель становится объектом приложения просветительских задач искусства слова. Для этого периода развития поэзии не характерна лирическая интенция, которая предполагает отражение внутреннего мира личности во всем его многообразии, когда человек, его эмоциональный облик самоценен; создание «портрета души»; изображение личностного восприятия картин природы, чувств, событий. Не случайно в «Поэтике» Прокоповича термин «лирическая поэзия» употреблен в одном ряду с буколической, сатирической, элегической и эпиграмматической поэзией, то есть осознается не как обозначение рода литературы, а как жанр – разновидность формы (единства таких аспектов формы, как композиция, образность, речевые и ритмические особенности). Следовательно, формирование лирической поэзии шло от «жанра» к «роду», который объединил собой произведения, отображающие внутренний мир личности. Впрочем, возможно, что проблема разграничения «рода» и «жанра» еще не стоит перед литературоведением первой четверти XVIII века, так как первые отечественные термины поэтики еще только начинают появляться (например, понятие «тропов» в трактате Стефана Яворского, переведенного на русский язык Ф. Поликарповым; определения «песни, элегии, эклоги, «анакреонтовых песен», данные А.Д. Кантемиром в примечаниях к «Разговорам о множестве миров» Фонтенеля). Теория литературы и стилистики формируется в России одновременно с появлением новых поэтических форм, новых явлений в поэзии.

Список литературы

1. Берков 1981 – Берков П.Н. Основные вопросы изучения русского просветительства // Проблемы исторического развития литератур. - Л.: 1981.
2. Кантемир 1868 – Кантемир А. Сочинения, письма и избранные переводы. Т.2. – СПб.: 1868.
3. Кантемир 1956 – Кантемир Антиох. Собрание стихотворений. Л., 1956.
4. Прокопович 1961 – Прокопович Ф. Сочинения. - М.-Л.: 1961.
5. Собрание... 1856 – Собрание писем царя Алексея Михайловича с приложением Уложения сокольничья пути. - М.: 1856.
6. Черная 1989 – Черная Л.А. Концепция личности в русской литературе второй половины XVII - первой половины XVIII в. // Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII – нач. XVIII в. - М.: 1989.
7. Черная 1999 – Черная Л.А. Культура познающего разума // Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. - М.: 1999. - С. 113.

**СЕКЦИЯ №11.
ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С УКАЗАНИЕМ
КОНКРЕТНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИЛИ ГРУППЫ ЛИТЕРАТУР)
(СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.02)**

**СЕКЦИЯ №12.
ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.03)**

ГРЕХ И ВОЗМЕЗДИЕ В НОВЕЛЛЕ ЛЮДВИГА ТИКА «БЕЛОКУРЫЙ ЭКБЕРТ»

Григорьева В.И., Максимова М.В.

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г.Якутск

В наши дни каждый человек, считающий себя частью культурной сферы, знает, кто такой Данте Алигьери. В воздухе витает не только имя великого итальянского поэта, политического деятеля, но и названия его трудов. Одним из самых известных произведений Данте является «Божественная комедия». Эту поэму разбирают на цитаты, проводят различные анализы, используют известные словосочетания из поэмы в разговорной речи. И в рейтинге 100 самых лучших книг обязательных к прочтению американского журнала «Newsweek», «Божественная комедия» занимает почетное десятое место. Опираясь на концепцию Ада в произведении «Божественная комедия», проанализируем произведение немецкого писателя Людвиг Иоганна Тика «Белокурый Экберт».

В 1796 году в свет вышла одна из самых эффектных новелл Людвиг Иоганна Тика «Белокурый Экберт», после прочтения которой, у читателя остается ряд вопросов, например, за что был наказан Экберт? Почему бегство от лесного уединения приводит к трагедии? Ключ к ответам на этот вопрос - анализ содержания новеллы «Белокурый Экберт» Л.Тика.

В основе новеллы «Белокурый Экберт» лежит основной для романтизма принцип пересечения двух миров: главная героиня, Берта, рассказывает историю, которую слушают два, на первый взгляд, не значительных персонажа. Однако новелла построена по принципу «рассказ в рассказе». Главная героиня Берта, сбежав от родителей, попадает в сказочный мир, в котором живет: бабушка, собака, сказочная птица, несущая яйца, с жемчужинами или самоцветами. Пространственно-временная организация «Белокурого Экберта» уже на первый взгляд демонстрирует его существенное отличие от сказки в традиционном смысле этого слова. Главным для повествователя было не указать на определенное место действия, а сообщить о его изолированном характере, об отчужденности персонажей от внешнего мира.

Рассмотрим образ старухи. Когда Берта встречает ее возле водопада, то в глаза читателя сразу же бросается описание внешнего вида старухи. «Она была почти вся одета в чёрное; чёрный капор закрывал ей голову и большую часть лица; в руке она держала клюку» [3]. Одежда старухи напоминает одежду монахини. Образ жизни, который она ведет, также вызывает ассоциации с образом жизни монахов. Старуха в новелле является отшельницей и ведет уединенный образ жизни. Помимо этого, она предложила Берте в качестве еды хлеб и вино, которые являются религиозными символами.

Почему Берта согласилась пойти вместе со старухой? Только из-за того, что ей некуда было идти? Думаю, что ответ кроется в более глубоком, то есть в религии. «...пела пронзительным голосом духовную песнь. Когда же она кончила, то велела идти за собою» [3]. Именно сила религии и веры заставила девочку следовать за старухой.

История Берты – основная часть новеллы Тика. В этой части мы узнаем о становлении личности Берты, так как она прожила в сказочном мире несколько лет. После прочтения книг, мечтая о богатствах и прекрасном принце, Берта сбежала от старухи с волшебной птицей. Птица - символ свободы. Покинув дом старухи, девушка снова оказывается в реальном мире и птица, которую она принесла с собой, перестала петь чудные песни.

«Уединенье –
Мне наслажденье.
Сегодня, завтра,
Всегда одно

Мне наслаждение –
Уединенье». [3]

«По вечерам она учила меня читать; и я скоро освоилась с этим искусством, и чтение стало для меня в моем уединении неисчерпаемым источником наслаждения, потому что у старушки было несколько старинных рукописных книг с чудесными сказками». [3] Основываясь на этой цитате, и на том, что старуха имела образ монахини, можно сказать, что убежище Берты было неким монастырем.

Старуха, от которой скрылась Берта, как-то раз сказала: «Ты молодец, дитя, – сказала она мне однажды хриплым голосом, – если и впредь будешь так себя вести, тебе всегда будет хорошо; но худо бывает тем, которые уклоняются от прямого пути, не избежать им наказания, хотя, быть может, и позднего» [3]. За что хвалит старуха Берту? Стоит заметить, что перед тем, как найти водопад, символизирующий начало чего-то нового, Берта пробиралась сквозь скалы, пустыни, что снова отбрасывает нас к библейской тематике.

Наказание постигло Берту, которая умирает от мыслей о старухе, Экберта, который убивает Вальтера, боясь разоблачения с его стороны. Также Экберт узнал, что Берта приходилась его сестрой, которая была отдана на воспитание в семью пастуха Мартина. «Почему же эта ужасная мысль всегда являлась мне как предчувствие? – воскликнул Экберт» [3]. Совесть является Берте в образе Вальтера и губит её. Она терзает и Экберта: он убивает ее в облике Вальтера, но она вновь является ему в облике Гуго фон Вольфсберга. Экберт решает отправиться в путешествие, но от совести не убежишь, и она настигает его в лице крестьянина. От угрызений совести герой сходит с ума и умирает. Перед смертью в его ушах звенит песенка об уединении, проходящая лейтмотивом через его с Бертой жизнь.

Берте и Экберту кажется, что уединение – это гармония, но жизнь без веры не может принести наслаждения. «Боже, в каком страшном уединении прожил я всю свою жизнь!» [3]. В произведении показано, что религия, сопровождая «все действия и поступки человека». «Цель религии – направить человека на путь истинный» [1]. Берта покидает дом старухи в надежде на лучшую жизнь, желая познать земную жизнь.

Ссылаясь на произведение Данте Алигьери «Божественная комедия», замечаем, что люди такого типа как Экберт и Берта отбывают свое наказание в 7 круге Ада в 3-ем поясе, который называется «Горючие пески». Здесь отбывают свое наказание насильники над божеством (богохульники), против естества (содомиты) и искусства (лихоимство).

Основная идея новеллы – это неспособность сделать выбор между религией и праздной жизнью, так замкнутое пространство не позволяет человеку достичь самореализации, а земная жизнь угнетает. Тема новеллы – поиск путей к счастью через добродетель и через грех. «Пути к счастью для героев новеллы «Белокурый Экберт» закрыты: и сковывающая добродетель, и грех сталкивают человека с истинного пути» [2].

Список литературы

1. Косарева А. Религиозная символика в новелле Людвиг Тика «Белокурый Экберт» / А. Косарева // Слово — текст — смысл: сб. студен. науч. работ / Урал. гос. ун-т, [Филол. фак.]. — Екатеринбург, 2006. — Вып. 2. — С. 23-29.
2. Т.Ю. Суходольская. Жанровое своеобразие романтической сказки Людвиг Иоганна Тика «Белокурый Экберт» (1797). – Минск: Изд-во БГУ, 2007. – № 2. – С. 44.// <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/13611/1/suhodolskaja%2039-44.pdf>
3. А.А. Шишков. Перевод новеллы И Людвиг Иоганна Тика «Белокурый Экберт» // http://az.lib.ru/t/tik_1/text_0010.shtml

НАСТАВНИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Т.СЫДЫКБЕКОВА

Аскар уулу Т.

Нарынский государственный университет имени С. Нааматова

Аннотация. В этой статье рассматривается наставническая деятельность Тугельбая Сыдыкбекова; раскрываются различные аспекты его наставнической деятельности; отмечается наставническая направленность его публицистических произведений.

Ключевые слова: Тугельбай Сыдыкбеков, наставник, наставническая деятельность, особенности наставнической деятельности.

Annotation. This article focuses on mentoring Tugelbaya Sydykbekova. It reveals the different aspects of his mentoring. There mentoring orientation of his journalistic works.

Keywords: Tugelbai Sydykbekov, mentor, mentoring, especially mentoring activities.

Тугельбай Сыдыкбеков известен как один из лучших писателей кыргызского народа. Писатель особенно знаменит своим вкладом в развитие жанра романа в кыргызской прозе. Он такую вершину достиг нелёгким путём. Как и все творческие личности, художник в своем пути прошел этапы обучения, взросления. Лишь после такой сложной и интересной творческой пути он дошел до степени наставника.

В наставнической деятельности Т. Сыдыкбекова имеется трехсторонний аспект. Первое, от его творчества, от его литературно-художественных творений молодые писатели брали необходимую для себя уроки, освоили таинства создания художественного произведения. Второе, когда к нему обращались молодые авторы или редакции с просьбой рассмотреть и дать отзывы, он никогда не отказывался, всегда перечитывал и редактировал рекомендованные произведения, давал советы авторам и в личной беседе и через свои рецензии, опубликованные в страницах газет и журналов, таким образом давал пример всем. Третье, написал и опубликовал в страницах печати статьи о тайнах художественного творчества, об общественной задаче художественных творений. Взгляды Т. Сыдыкбекова насчет художественного творчества ясно видны в его статьях “Самые маленькие и самые нужные”, “За мастерство!”, “Молодые побеги большой литературы”, “Мысли после совещания”, ”Деревья без корней не зеленеют”, ”За хорошее произведение” и др. В этих статьях находили себе место самые нужные для молодых писателей советы.

Т. Сыдыкбеков тоже отмечает, чтобы стать писателем человеку сперва необходимы природные склонности, способности. Этот взгляд писателя созвучен с мнением А.Токомбаева. Т.Сыдыкбеков говорит: «...у писателя должен быть рожденная вместе с ним склонность (талант). Эту склонность закаляет, острит труд. Насколько склонность закаляется, писатель настолько уверяется в своей профессии, ее лучше осваивает, работает без усталости, и достигает успеха» [1, 403-б.]. Разумеется, если не будет склонностей, способностей, быть писателем, создать художественное произведение тяжело. В этом плане в мыслях кыргызских писателей старшего поколения больше правды.

Однако Т.Сыдыкбеков хорошо понимает значение наставничества в художественном творческом процессе. Поэтому огорчается тем, что в свое время не было старших наставников, оказавших им путь. Отмечает чрезмерную необходимость освоения опытом для молодых писателей от старших. Рассказывает о том, что в их время молодые поэты и писатели друг другу давали уроки мастерства, делились опытом. Это обстоятельство выражает следующим образом: «Как говорят ”Сирота режет свой пуп сам”, азбуку литературы взаимно осваивали. Один другому был наставником. Мне Мукай, Жусуп, Жоомарт стали наставником, а я, будучи болен туберкулезом, направивший из села в Союз писателей свои стихотворения, молодым претендентам давал советы в письменном виде. Наиболее понравившиеся стихотворения предлагал к журналам и газетам» [1, 578-б.]. Это явление для тех времен было характерным. У поколения, сформировавшегося в начале XX века кыргызскую профессиональную письменную литературу, и взаправду не было национального литературного образца, опоры. Сперва им фольклор, устное народное творчество служило таким образцом, опорой, почти все художники слова старшего поколения долгое время были под влиянием фольклора. Все же творческий опыт именно этого старшего поколения стало образцом, примером для следующих поколений кыргызских поэтов и писателей. Среди них есть и творческая мастерская Т. Сыдыкбекова.

Мудрый художник отмечает, что для создания высококачественного произведения надо потратить немало усилий. По его мнению: «Скажем, правильно освещая художественных образов богатых по содержанию, с широкими целями, образцовых прекрасных жизненных событий, придавая им художественный оттенок, светлую идею, создание истинных произведений, годные стать сегодня – образцом, завтра – наследием, для деятелей литературы и искусства не будет легким трудом» [1, 197-б.]. Главная мысль писателя – необходимость неустанного труда для сотворения истинной художественной ценности. В этом и заключается сложность, муки творческого процесса. Никогда истинная художественность, или прекрасное, не создается легко и просто. В деле создания высококачественного литературно-художественного произведения имеются множество трудностей.

Т. Сыдыкбеков как истинный наставник, предупреждает молодым, что в художественном творчестве не все идет гладко, в нем иногда допускаются и недостатки, и главная задача писателя устранения таких недостатков: «Сила писателя в нахождении своего недостатка, не ожидая посторонней помощи. Искусный плотник, творя красивую вещь, множество раз выбирая, отмеряя, проверяя, работает тщательно, так и писатель своё произведение должен создавать не спеша, основательно. Трудится с легкостью, не чувствуя мук творчества, не сильная сторона писателя, а легкомысленность. Кто работает поверхностно и легко, как бы ни был огромным его роман, повесть по объему, но остается по содержанию дряблым, незрелым» [1,103-б.]. С этим мнением невозможно не согласиться. В нем содержится очень ценный совет для всех художников слова. Однако,

поверхностное отношение к художественному творчеству, спешное сотворение малохудожественных произведений до сих пор продолжается. Значит, этот наставнический завет Т. Сыдыкбекова и сегодня актуален.

Т.Сыдыкбеков предъявляет высокие требования к писательской профессии. Он отмечает необходимость поддержания на высоком уровне призвания писателя, не укрываясь злободневной темой: «Прежде всего мы должны сохранить высокое звание советского писателя чистым, должны лучше освоить эту благородную профессию, только потом станем искусным, мудрым, ясным художником. Просто надо хранить истинную писательскую благородность, писательскую прозорливость, справедливость, разумность» [1, 131-б.]. В этой мысли писателя есть зерно истины. В любой эпохе, работа над повседневной темой принес временную победу творческой личности, но не смог стать предпосылкой вечного существования его художественных творений. Истинный художник стремился работать над вечными темами. Как видно из этого, Т.Сыдыкбеков давал молодым претендентам очень полезные в плане художественного творчества советы, показал высокий пример наставничества.

Мы смогли получить следующие результаты от исследования наставнической деятельности Т. Сыдыкбекова:

1. Т. Сыдыкбеков очень хорошо понимал необходимость в литературном процессе наставников, показавших путь к молодым претендентам. С сожалением отметил, что у него в начале творческой пути не были таких наставников. Говорил, что сформировавшее кыргызскую профессиональную литературу поколение повлияли друг другу, обучали друг друга. Это историческая правда.

2. Т. Сыдыкбеков стал известным как истинный художник благодаря неустанному труду, неудержимому поиску, впоследствии и сам достиг степени советника, наставника молодых поколений. Он своими советами, отзывами разрезал пути у многих молодых писателей, открывал для них дороги в мир литературы.

3. Художественный мир, сотворенный Т.Сыдыкбековым, художественно-эстетические качества его романов служили для последующих молодых поколений кыргызских писателей своеобразным высоким примером, опорой. Прочитывая его произведения, молодые писатели брали необходимый для себя творческий опыт.

4. Т.Сыдыкбеков, ознакомившись с произведениями многих писателей молодого поколения, давая им советы в плане художественного творчества и устно, и в страницах периодической печати через свои рецензии, претворял в жизнь эффективную и серьезную наставническую деятельность.

5. Статьи писателя, поделившиеся со своими мнениями насчет создания художественных творений, насчет общественно-исторического значения художественной литературы служили образцом, примером для молодых писателей. Он в своих статьях ясно отмечал и задачи писателя. Т. Сыдыкбеков предъявлял высокие требования к идейным-художественным качествам литературного произведения. Эти требования для молодых писателей выполняли роль ориентира.

6. Т. Сыдыкбеков всегда давал справедливую оценку художественным творениям молодых писателей последующего поколения, явственно показывал и недостатки, и достижения, старался быть всегда объективным в критике, таким образом давал им правильные ориентиры для исправления своих недостатков.

Список литературы

1. Сыдыкбеков, Т. Мезгил сабактары [Текст] / Т. Сыдыкбеков. – Ф: Кыргызстан, 1982. – 424 б.

НАСТАВНИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. ТОКОМБАЕВА

Аскар уулу Т.

Нарынский государственный университет имени С. Нааматова

Аннотация. В этой статье рассматривается наставническая деятельность Аалы Токомбаева; особое внимание уделяется к его росту как писателя и наставника; отмечается наставническая направленность его творческой деятельности.

Ключевые слова: Аалы Токомбаев, наставник, наставническая деятельность, особенности наставнической деятельности.

Annotation. This article focuses on mentoring Aaly Tokombaeva. Attention is paid to its growth as a writer and as a mentor. There mentoring focus of his creative activity.

Keywords: Aaly Tokombaev, mentor, mentoring, especially mentoring activities.

Аалы Токомбаев – кыргызский писатель старшего поколения. Он в 1934-1949 годы работал председателем Союза писателей Кыргызстана. Союз писателей был образован по его инициативе. Деятельность по управлению творческой среды возлагала на него ряд серьезных задач. К таким задачам относится и наставничество молодым писателям, преподавание им творческих уроков. Поэтому А.Токомбаев и во время руководства Союза писателей, и после этого выражал в страницах периодической печати свои взгляды к опубликованным произведениям кыргызских поэтов и писателей. Его литературно-критические статьи, рецензии, отзывы в некоторой степени повлияли к развитию кыргызской профессиональной литературы. Но некоторые из кыргызских художников не воспринимали правильно критику в свой адрес, а иногда критик не мог объективно выражать свои оценки, в результате чего среди поэтов и писателей возникали различные интриги. Это явление и по сей день продолжает существовать в кыргызском литературном процессе.

Принципы А. Токомбаева к художественному творчеству ясно показаны в его исповеди «Моя автобиография». Значение этой автобиографии – содержание в нём наставнических мнений к молодым претендентам литературы. А. Токомбаев в своей автобиографии откровенно признается, что его взгляды к вопросу обучения не сразу были сформированы, в начале творческой пути он не раз ошибался. Например, он говорит: «Вначале я вопрос «обучение» понял превратно. Если я писатель, тогда не должен брать образец от кого-то. Если я стану писателем, научившись от кого-то, тогда я не писатель, если научившись, стану писателем, тогда все люди могут быть писателями. Это ошибочное мнение меня долгое время держало в рамках фольклора» [1, 676-б.]. Как видно из этого, в начале творческого пути к вопросу обучения А. Токомбаев относился отрицательно. Позже он убедился в пользе для молодежи обучения от других. Тогда приходит к мысли, что «Большие художники непременно влияют молодому писателю». Однако, отмечает существование у молодого писателя одного единственного любимого автора. Говорит, что молодой писатель чаще всего бывает под влиянием этого автора, в творчестве использует его приемы, это явственно просвечивается в произведениях молодого художника. В глубоком убеждении А. Токомбаева «Основной наставник писателя – сама многогранная, таинственная жизнь, чего только не бывает в жизни, всего этого один человек не может объять. Писатели осваивают всего лишь части того неисчерпаемого естественного богатства – общественной жизни, природных явлений» [1, 676-б.]. Он прав – всякий художник, кем бы он ни был, реалистом или фантастом, в своем произведении отражает впечатления, полученные от жизни. Творческая деятельность самого А. Токомбаева – верное доказательство этому. И в «Кровавых годах», и в «Раненом сердце», и в «Летащем времени» воплощена правда жизни, впечатления от жизни.

Интересен взгляд писателя к вопросу о наставничестве в творческой деятельности. Он прекрасно понимает, что и наставники учатся от жизни, становятся учениками жизни. По его мнению «И сами писатели, бывающие в роли наставника, бывают одним из умных маленьких учеников той большой жизни» [1, 676-б.]. Правильность этого мнения подтверждает и жизненный путь самого А.Токомбаева. Он всегда извлекал уроки от жизни, от судьбы. Жизнь часто преподавала ему горькие, огорчительные уроки. Свидетельством этого служат изъятие его произведений, попадание поэта в тюрьму, несправедливые нарекания творческой среды к нему.

А. Токомбаев говорит нам о своем влиятельном наставнике в его творческом пути. Его наставник, владеющий его душой – русский пролетарский писатель А.М. Горький. О своем наставнике писатель отзывается так: «Алексей Максимович Горький для меня святой из святых, когда я читаю его произведения, мне как будто дополнительно чего-то напоминают. В мире немало мастеров, похожих на Алексея Максимовича, каждый из них по-своему велик, однако не могут мне повлиять как Горький. Произведения Горького, особенно романтические рассказы, непременно сильно повлияли на моё творчество» [1, 677-б.]. Как видно, А. Токомбаев особо уважал А.М.Горького, считал его святым человеком. Значит, наставник должен стать святым для каждого ученика.

А. Токомбаев предупреждает, чтобы стать творческой личностью, художником, у человека должны быть талант, склонности, способности. По его мнению, только большой природный талант способен расти в высокой степени. И отмечает, что человек не должен бездействовать, веря в свой талант и способности. Потому что «...если оставить, не развивая большие способности, уповать только на свой талант, остаться без труда, без знаний, в стороне от многогранных таинств жизни, тогда талант само собой утрачивается» [1, 678-б.]. Таким образом, по мнению А.Токомбаева, творческие личности всегда должны стремиться вырастить, выпестовать свои склонности, свой талант. Только тогда они могут достичь неплохих результатов в творчестве.

Таким образом, исследуя наставническую деятельность А. Токомбаева, мы можем сделать следующие выводы:

1. Вначале в отношении А.Токомбаева к художественному творчеству были ошибочные мнения. Так, он не мог ясно понять необходимость обучения для становления мастеровитым писателем. В результате, в начале творческого пути не смог выйти от рамок устного народного творчества. Позже отошел от этого мнения, начал обращать серьезное внимание к обучению от других, к освоению опыта от других.

2. Чрезвычайно уважаемой личностью А. Токомбаева был русский пролетарский писатель А.М. Горький. Он считал его своим наставником, увидел в нём святого из святых. Причина этого кроется в том, что в большинстве произведениях русского писателя отражается его тяжелая жизнь. И сам А. Токомбаев в своем жизненном пути встречал множество трудностей. В судьбе двух художников было много общего. Поэтому произведения А.М. Горького глубоко проникли в его душу. Особенно романтические рассказы Горького способствовали восхождению творчества А.Токомбаева в новый уровень.

3. А. Токомбаев как руководитель Союза писателей Кыргызстана напрямую повлиял на творческое развитие молодых писателей. Эту задачу он осуществлял и в собственно личностном, и в творческом плане. Если взять личностную сторону его наставничества, он серьезно повлиял на вхождение А. Осмонова в творческую среду, устроив его на работу в редакцию журнала «Чабуул». Впоследствии А. Осмонов поднял кыргызскую поэзию на новую высоту. Творческая сторона наставнической деятельности А. Токомбаева сопровождалась выражением своего мнения к литературно-художественным творениям кыргызских писателей. Его отзывы не всегда всем в равной степени нравились, иногда порождали бурные отклики. Однако А.Токомбаев в связи своим служебным положением, сделал попытки правильно разъяснить молодому поколению значение и задачи художественной литературы, в некотором роде играл для них роль наставника.

4. А.Токомбаев и впоследствии на страницах печати выражал свои критические мысли по поводу художественных творений поэтов и писателей, тщательно наблюдал за изменениями, происходившими в кыргызской советской литературе. Его мысли чаще всего обосновались на его творческих принципах. А. Токомбаев до конца своей жизни был верен коммунистической идеологии, в творчестве ставил её во главу угла. Никогда не отступал от своих убеждений. В результате за некоторые мысли его критиковали коллеги. Явный пример этому скандал в начале 80-х годов XX века, вышедшего в связи с его мнением насчет эпоса «Манас». Тогда А. Токомбаев правильно выразил свои опасения насчет некоторых обстоятельств в содержании великой эпопеи. Но некоторые личности направили ход прений в другую, отрицательную сторону, и потоптали своими необоснованными упреками великого поэта. Это было в корне неправильным поступком. Новые споры в первом десятилетии XXI века, развивавшиеся вокруг эпоса «Манас» (появление адептов секты жайсанчи), доказали правильность и своевременность его тогдашней мысли.

5. Творчество А.Токомбаева, его художественные творения и сегодня могут служить для молодых писателей высокими образцами. Так, роман в стихах со сложной судьбой «Кровавые годы» дает большие жизненные уроки для читателей поэзии. Потому что в нем правда жизни на высоком уровне преобразована в художественную правду. Художественно-эстетическая и историко-литературная ценность этого произведения по сей день стоит на очень высоком уровне. Современные поэты вряд ли могут сотворить равные этому произведению творения.

6. Наставническая деятельность Аалы Токомбаева полнее показана в сборнике «Сложная путь величия». Он в своем жизненном пути и в творчестве смог достичь преподавания молодым поколениям образцового, достойного подражанию примера.

Список литературы

1. Токомбаев, А. Тандалган чыгармаларынын үч томдук жыйнагы [Текст]: 3 томдук / А. Токомбаев. – Ф.: Кыргызстан, 1973. 3-т. – 802 б.

ОБ АКСИОЛОГИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ

Жангаев А.С.

Нарынский государственный университет имени С. Нааматова

Аннотация.

В статье идет речь об аксиологическом значении литературоведческих понятий. Анализируется ценностное значение ключевых литературоведческих категорий, таких как, автор, читатель, произведение. Упоминается о глубоком ценностном содержании этих терминов.

Ключевые слова: Аксиологическое значение, автор, читатель, произведение, ценностное содержание, единство смысла и ценности.

Annotation.

The article deals with the literary meaning of axiological concepts. We analyze the key value-the value of literary categories, such as the author, the reader, the product. It mentions deep evaluative content of these terms.

Keywords: Axiological value, the author, the reader, the product, value content, the unity of meaning and value.

Мы не можем серьезно вести речь о ценностных свойствах и качествах художественных произведений, прежде не истолковав аксиологическое значение литературоведческих понятий. Художественные произведения – это производные от художественного творчества. А художественное творчество – это деятельность людей по созданию художественных, эстетических ценностей. Мир творчества богат и разнороден. Творения искусства имеют свойство художественной ценности. Поэтому образцы художественной литературы должны анализироваться, исследоваться в ценностном аспекте

Опираясь на классическую эстетику и на труды аксиологического направления современных ученых, можно выделить три взаимосвязанные и существенные аспекты у художественного творчества: эстетический, познавательный и мирозерцательный. Если рассматривать эстетический аспект, искусство выступает как создание эстетических ценностей. По мнению В.Е. Хализева «Искусство – это прежде всего явление эстетическое. Его сфера – созданные творческим усилием человека произведения, предназначенные для эстетического восприятия» [10, с.16]. Таким образом, раз эстетические ценности (художественные произведения) созданы, значит, они должны рассматриваться, анализироваться в аксиологическом плане. В таком случае значимые литературоведческие понятия, такие, как автор, произведение, персонаж, читатель, такие категории, как эстетическое и художественное, прекрасное, возвышенное, трагическое и комическое, безобразное, низшее и др., непременно обладают оценочным свойством, и не подлежит сомнению их аксиологическое значение.

В труде древнегреческого мудреца Аристотеля «Об искусстве поэзии» («Поэтика») отмечается: «Поэзия, смотря по личным особенностям характера [поэтов], распалась на разные отделы: именно поэты более серьезные воспроизводили прекрасные деяния, притом подобных же им людей, а более легкомысленные изображали действия людей негодных, сочиняя сперва насмешливые песни, как другие сочиняли гимны и хвалебные песни» [1, с.49-50]. Здесь явно имеет место оценивания художественного творчества. По мнению выдающегося мыслителя, серьезные творческие личности описывают прекрасные действия, а легкомысленные лица делают мишенью своего творчества негодные поступки. Тут нам ясно – какими будут придерживающийся автор ценности, его произведения тоже будут такими. Другими словами, глубокомыслящие, высоко нравственные художники мыслят о вечных темах, и создадут глубокомысленные, высоко нравственные произведения, а умом не обделенные, не отличающиеся человечностью писатели работают только в обыденных темах. Таким образом, само художественное творчество обладает аксиологическим содержанием.

Теоретик французского классицизма, живший в XVII веке, Никола Буало-Депрео в своем теоретическом трактате «Поэтическое искусство» пишет:

Пускай ваш труд хранит печать души прекрасной,
Порочным помыслам и грязи непричастной:
Сурового суда заслуживает тот,
Кто нравственность и честь постыдно предает,
Рисуя нам разврат заманчивым и милым [4, с.100].

В данном фрагменте имеются указания к художникам по поводу ценностных основ литературы. Автор выражает свое мнение о том, что произведения должны быть далекими от порочности, должны быть возвещателями прекрасного. Предупреждает о том, что безнравственные художники, описывающие аморальность, строго обвиняются. Значит, в каждой эпохе, в каждом произведении на переднем плане должны стоять положительные ценности, присущие человеку. Только тогда произведение искусства продолжит свой путь к вечности, станет истинной художественной ценностью.

Теперь мы обратимся к ценностному содержанию некоторых основных литературоведческих понятий. Те понятия, к которым мы обратим свой взор, составляют костяк литературоведческой науки.

1. Аксиологическое значение понятия автор. Все художественные творения создаются конкретным автором. Этому понятию в «Литературном энциклопедическом словаре» дается следующее определение: «Автор (от лат. *auctor* – виновник, основатель, сочинитель) как филологическая категория – создатель литературного произведения, налагающий свой персональный отпечаток на его художественный мир» [8, с.13]. Как видно из этого, автор определяет художественный мир своего творения, «наложить свою печать». Его печать – это ценности, которым он придерживается. Во всех произведениях отражаются сознание, внутренний мир, переживания автора. Некоторые стремятся стать известным в жизни. А другие заботятся о будущем своего детища, своего произведения. Выдающиеся кыргызские ученые-литературоведы К.Асаналиев и Р.Кыдырбаева об этом явлении высказываются так: «Писатель в своей личной жизни может стоять вне общественно-социальной

жизни, но он как бы то ни было своим творчеством не может прямо не вмешиваться к судьбе человека, значит, и к судьбе общества. Если рассмотреть в этом плане, ответственность автора перед искусством напрямую сводится к ответственности перед человеком, перед обществом» [7, с.37]. Вывод один, категория автор обладает глубоким аксиологическим значением.

Знаменитый русский литературовед В.Е. Хализев о категории автор размышляет таким образом: «Это, во-первых, творец художественного произведения как реальное лицо с определенной судьбой, биографией, комплексом индивидуальных черт. Во-вторых, это образ автора, локализованный в художественном тексте, т.е. изображение писателем, живописцем, скульптором, режиссером самого себя. И, наконец, в-третьих (что сейчас для нас особенно важно), это художник-творец, присутствующий в его творении как целом, имманентный произведению. Автор (в этом значении слова) определенным образом подает и освещает реальность (бытие и его явления), их осмысливает и оценивает, а также демонстрирует свою творческую энергию» [10, с.68-69]. Здесь есть очень важное обстоятельство – это осмысливание и оценивание автора реальностей жизни в своем творении. Эту работу каждый автор проводит соразмерно своему потенциалу, интеллекту и опыту. В результате через речь, мысль автора ясно выражается лицо художника, станет известным, кто он, какой человек, каких ценностей придерживается в жизни. Это ясно показывает нам, что категория автор в литературоведении имеет глубокий ценностный смысл.

Во второй половине XX века к автору был вынесен резкий приговор. Так, французский ученый Р.Барт объявил о смерти автора. Он думает, что художественный текст независим от субъекта, т.е. от автора. Самый главный ценитель и потребитель текста – читатель. Логика Р. Барта такова: «...рождение читателя приходится оплачивать смертью Автора» [2, с.391]. По этому мнению, после создания своего произведения автор автоматически лишается от прав на него. Теперь судьба родившегося произведения попадет в руки читателя. Но не все поддерживают эту точку зрения. Например, ученик Р. Барта, А. Компаньон противится этому, высказав свои доводы: «Конечно, смерть автора влечет за собой полисемию текста, выдвигание на первый план читателя и невиданную доселе свободу комментария, но, при непродуманности природы отношений между интенцией и интерпретацией, не оказывается ли читатель просто подставным автором? У текста есть всегда какой-нибудь автор – не Сервантес, так Пьер Менар» [5, с.62]. Таким образом, понятие автора среди литературоведов часто порождает споры ценностного плана.

По правде говоря, связь между художником и читателем имеет двустороннюю природу. Если к читателю какой-то писатель нравится или не нравится, значит, надо понять, что сам читатель стал интересным и содержательным собеседником автора. Автор выражал свою мысль в своем произведении, теперь понять или не понять, поддержать или не поддержать этого, читатель сам решает. Это зависит от уровня соответствия ценностей автора и читателя. Рождение противоположных мнений в оценке, в анализе литературно-художественных творений исходит из этого. Расхождений во мнениях литературоведов к конкретному художественному творению мы встретим в изобилии в истории развития литературы. И этот факт подтверждает того, что у понятия автор имеется глубокая ценностная основа.

2. Аксиологическое значение понятия читатель. Кто такой читатель? В «Литературном энциклопедическом словаре» дается такое обобщающее сведение: «С появлением письменности, а позднее книгопечатания читатель был и остается главным стимулом и конечной целью литературной деятельности. Читательский спрос, особенности восприятия, культура читателя, в значительной степени определяемые доступной ему и понятой им литературой, сложно и многозначно воздействуют на ход историко-литературного развития, на труд писателя. Читатель – одновременно и объект воздействия литературы и субъект литературного процесса, «подстрекающее» начало искусства слова» [8, с.496]. Да, каждый писатель свое произведение посвящает какому-то читателю, или читательской среде, пытается быть доступным, понятным для них. Если не сделать так, тогда сегодня выходящую в свет творению завтра кто будет читать и оценивать?! Значит, в создании всякой литературной произведении читатель участвует в опосредованном виде. Это – читатель в мыслях или скрытый читатель. А после выхода в свет произведения он попадет в руки реального читателя. «Реальный читатель является той почвой, на которой формируется в творческом сознании писателя его адресат и, далее, создается образ читателя в произведениях» [11, с.561]. Продолжить ли свою жизнь художественное произведения, будет ли восприниматься в обществе, теперь зависит от него, от реального читателя. Как видно, в литературном процессе у читателя есть своё место, своя роль. Он – прямой потребитель художественного творения, даже прямой ценитель. Значит, понятие читатель тоже имеет ценностный смысл.

Вкусы читателей различны. Писатели в своем творчестве ориентируются на это. Некоторые авторы пишут для интеллектуалов, другие для простой массы. Ученые-литературоведы – интеллектуальные читатели. Именно они выявляют свойства и качества нового художественного творения, разъясняют его смысл и содержание. Поэтому великий кыргызский художник слова Чингиз Айтматов в одном собрании в шутку говорил, о чем я

писал, сам понял после разъяснения смысла моего творения литературоведов-критиков. Однако, опираясь только на мнения литературоведов, определение художественных ценностей является односторонним. По мнению А.Компаньона: «Вслед за такими литературными элементами, как литература, автор и внешний мир, самым настоящим предметом рассмотрения оказывается читатель» [5, с.164].

Некоторые читатели склоняются к чтению глубоко содержательных, философских произведений, а другим нравятся приключенческие книги. Наш второй читатель не понимает книг, требующих вдумчивого чтения, так как это его сознание не воспринимает. А первый читатель просто перелистывает приключенческие произведения, но не читает с увлечением. Потому что в них не находит нужную для себя информацию. Как видно из этого, восприятие читателей художественных творений зависит от их системы ценностей. Таким образом, категория читатель тоже имеет ценностное значение.

3. Аксиологическое значение понятия произведение. Термин художественное произведение составляет ствол литературоведения. Все научные исследования литературоведческого плана проводятся вокруг него. Однако, по мнению литературоведов, «дать ему четкое определение нелегко» [10, с.181]. В.Е.Хализев, отмечая существование в словарях нескольких значений понятия произведение, делает следующий вывод: «Для нас важен один из них: произведение как продукт немеханической деятельности человека, как предмет, созданный при участии творческого усилия (будь то фиксация научного открытия, плод ремесла либо высказывание философского или публицистического характера, либо, наконец, художественное творение)» [10, с.182]. М.Е.Крошнева его перефразирует: «литературное произведение – это продукт немеханической деятельности человека; предмет, созданный при участии творческого усилия» [6, с.26]. А Л.И. Чернец говорит: «Литературное произведение представляет собой высказывание, зафиксированное как последовательность языковых знаков, или текст (лат.: *textus* – ткань, сплетение)» [11, с.83]. По мнению Ю.Борева: «Художественный текст — носитель концептуально нагруженной и ценностно ориентированной информации, физическое бытие социально значимой художественной мысли. Вне потребления существование художественного текста неполноценно, он существует лишь как потенциальное произведение» [3, с.124]. Таким образом, информация в художественном тексте имеет ценностную ориентацию. А также художественный текст является единством смысла и ценности.

Литературоведы отмечают, что слова текст и произведение не являются синонимами. В этом плане «...текст – материальный носитель образов, он становится произведением, когда его читают» [11, с.83]. А процесс чтения сопровождается с психологическими действиями осмысления, понимания, оценивания читателя. Как видно, произведение непременно рассматривается в качестве ценности. К чрезвычайно важным, значимым произведениям используется понятие шедевр.

Термин «шедевр» возник в средневековья в цехах и мастерских французских ремесленников. Вначале он обозначал образцовую вещь, нужный ремесленнику для получения звания мастера. Впоследствии это название перешло в мир искусства и литературы, и стал показателем самого высокого результата творческого труда, т.е. прекрасных литературных произведений стали называть шедеврами. Литературовед Б.С.Михайличенко считает: «Произведение – шедевр наделяется редким свойством, оно не теряется во времени, вырастает вместе с ним, открываясь для новых поколений читателей своими художественными глубинами, которых взгляд современников не охватывал» [9, с.152]. Мы здесь опять встречаемся с действием оценивания. Поэтому нельзя сомневаться, что шедевр, художественное произведение обладает ценностным содержанием.

Если вкратце резюмировать, почти все литературоведческие понятия обладают ценностным содержанием. Таким образом, в самом литературоведении, в его терминологическом арсенале заложены основы аксиологического исследования художественных творений. Поэтому появление в кыргызском или всяком другом литературоведении исследований аксиологического содержания является закономерным и давно назревшим процессом.

Список литературы

1. Аристотель. Об искусстве поэзии. – Москва: Гослитиздат, 1957.
2. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – Москва: 1989.
3. Боров, Ю.Б. Эстетика: Учебник/Ю.Б. Боров—Москва: Высш. шк., 2002.
4. Буало. Поэтическое искусство. – Москва: Гослитиздат, 1957.
5. Компаньон А. Демон теории. – Москва: Изд. им. Сабашниковых, 2001.
6. Крошнева М.Е. Теория литературы. – Ульяновск: УлГТУ, 2007.
7. Кыдырбаева Р.З., Асаналиев К. Кыргыз адабий илиминин терминдер сөздүгү. – Бишкек: БИЛД, 2004.
8. Литературный энциклопедический словарь. – Москва: Советская энциклопедия, 1987.
9. Михайличенко Б.С. Проблемы литературоведения: теория литературы. Монография. - Самарканд: СамГУ, 2009.

10. Хализев Е.В. Теория литературы. – Москва: Высшая школа, 2002.

11. Чернец Л.В. и др. Введение в литературоведение – Москва: Академия, 2011.

ФРАНЦУЗСКИЙ ФИЛОСОФСКИЙ РОМАН 20 ВЕКА

Григорьева В.И., Максимова М.В.

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г.Якутск

Роман французского философа Жан-Поль Сартра был написан в 1938 году. Это произведение по праву является одним из самых известных романов 20 века. В данном романе Сартр поднимает вопросы существования, что является типичным для философии существования. В романе переплетаются темы хаоса, абсурда человеческой жизни, отчаяние и безысходность. Для философа важно то, что значит для человека свобода, трудности, которые возникают на пути к свободе и те возможности, что возникают в процессе преодоления трудностей.

Философский роман — это роман, в основе которого лежит философская концепция. В основу романа «Тошнота» легла философия существования «Экзистенциализм». Главный герой романа стремится вырваться из повседневности, пытается разобраться в своем отношении к окружающему миру. Весь мир абсурден, жизнь иррациональна. В данном романе философия существования раскрыта не как система, а как настроение, переживание главного героя.

«В любом случае мы можем сказать с самого начала, что под экзистенциализмом мы понимаем такое учение, которое делает возможной человеческую жизнь и которое, кроме того, утверждает, что всякая истина и всякое действие предполагают некоторую среду и человеческую субъективность». [2]

Роман «Тошнота» оформлен в виде дневника Антуана Раконтена. В данном романе изображены несколько дней из жизни героя. Главного героя гложет какая-то перемена, приключившаяся с ним. Он хочет разобраться с ней как можно скорее. Временами на него наступает тошнота. В данном романе Сартр подтверждает тезис о чувстве, сравнимым с тошнотой, возникающим с осознанием своего одиночества. Антуан Раконтен – герой, прошедший путь экзистенциального героя. Он внезапно обнаруживает, что мир «есть», что он «вне».

Герои Сартра мечутся по жизни в поисках своей мифической «свободы», находясь под давлением чувства ответственности. Каждый подобный герой выступает как «потерянное», одинокое и беспомощное создание перед лицом трагического и абсурдного мира, полного враждебных выпадов, неожиданных ловушек и испытаний. «Сам по себе мир просто неразумен, и это все, что о нем можно сказать. Абсурдно столкновение между иррациональностью и исступленным желанием ясности, зов которого отдается в самых глубинах человеческой души. Абсурд равно зависит и от человека, и от мира. Пока он – единственная связь между ними. Абсурд скрепляет их так прочно, как умеет приковывать одно живое существо к другому только ненависть» [1]

Сартр вложил в образ Антуана Раконтена общее понятие человека и акцентировал внимание на его горестном положении в мире. Сартр демонстрирует абсурдность бытия в романе «Тошнота». Люди-горожане уже давно смирились со своим существованием, но не Антуан. Раконтен смог преодолеть отчуждение сущности и задался вопросом: «Что делать?»

Итог романа заключается в том, что Антуан Раконтен «нашел себя». Он нашел своеобразный выход из состояния тошноты. Творчество – спасение. Он слушал пластинку в кафе и нашел ответ в своей любимой песне. Главный герой пришел к выводу, что музыка, как часть творчества, не принадлежит общему существованию. Музыка существует отдельно, она вне времени. Именно эти мысли натолкнули протагониста к идее написания книги, которую будут читать люди и вспоминать о жизни Антуана Раконтена.

В основе романа лежит философское направление «экзистенциализм». Сартр раскрывает философию существования в своем романе, опираясь на основные черты экзистенциализма. Во-первых, важную роль играет тематика «абсурдности существования». Говоря о главном герое, стоит отметить, что протагонист находится в вечной борьбе с обществом, государством, так как они навязывают ему свою волю. Они не признают чужих приказов, так как самое главное в жизни – свобода личности.

Список литературы

1. Камю А. Бунтующий человек: философия. Политика. Искусство. – М.: Изд-во полит. литературы, 1990. – С. 34.
2. Сартр Жан-Поль. Экзистенциализм – это гуманизм. Сумерки богов. - М.: «Политиздат», 1989. - С. 319-344.

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КЫРГЫЗСКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА

Жангаев А.С.

Нарынский государственный университет имени С. Нааматова

Аннотация.

В статье раскрывается художественно-эстетическое значение, общественно-политическое содержание кыргызской поэзии XX века. Указываются сложности в восприятии и оценивании художественных творений минувшего века.

Ключевые слова: XX век, кыргызская поэзия XX века, художественно-эстетическое значение кыргызской поэзии XX века, особенности развития кыргызской поэзии XX века, особенности восприятия и оценивания кыргызской поэзии XX века.

Annotation. The article reveals the artistic and aesthetic value, socio-political content of the Kyrgyz poetry of the twentieth century. Specified complexity in the perception and evaluation of art works of the last century.

Keywords: The twentieth century, the Kyrgyz poetry of the twentieth century, artistic and aesthetic value of the Kyrgyz poetry of the twentieth century, particularly the development of the Kyrgyz poetry of the twentieth century, especially the perception and evaluation of the Kyrgyz poetry of the twentieth century.

Кыргызская поэзия XX века дала ряд творений, имеющих высокую художественно-эстетическую ценность. Они вошли в сокровищницу мировой литературы. Но восприятие и оценивание этих образцов кыргызской поэзии отнюдь не было однозначным. Мы приведем несколько конкретных примеров, которые помогут понять ход восприятия и оценивания произведений, являющимися образцами новизны.

Сегодня творчество Алыкула Осмонова является бесспорным литературным фактом, который внес большой вклад в обновление кыргызской советской поэзии, имевший пропагандистко-агитационный путь развития. Большинство исследователей творчества этого яркого поэта придерживаются такого мнения [5; 10; 14]. Однако, когда была опубликована сборник стихов А.Осмонова «Махабат» («Любовь»), ставший беспрецедентным художественно-эстетическим поворотом в творчестве поэта в частности, и в целом в развитии кыргызской советской поэзии, многие взялись яростно критиковать этот сборник. Так, один из лучших поэтов того времени, М.Алыбаев замечает: «Прочитав «Махабат», встречали не только неточно написанные лопотания, но и политически некорректные мнения» [2]. А Ж.Самаганов по своему обыкновению делает такой поспешный вывод: «это пример однозначного толкования, идеализации прошедшей эпохи» [13, с.55-61]. В настоящее время почти никто не сомневается в том, что «А.Осмонов оригинальный поэт, оставивший в истории кыргызской литературы неизгладимый след...» [11, с.147]. Произведения поэта настолько глубоко проникли в сердца читателей, и после смерти А.Осмонова его сборники стихов выходят в свет с завидным постоянством и сразу разлетаются. В течение 1995-2000 гг. опубликовались три сборника, в них стихи поэта были размещены параллельно на кыргызском и на английском языках. И этот факт явно свидетельствует о получении достойной оценки привнесенного этим поэтом в кыргызскую поэзию художественно-эстетического обновления.

На пути развития кыргызской советской поэзии, один из поэтов, создавший равную А.Осмонову художественно-эстетическую высоту, – С. Эралиев. И его творчество в кыргызском литературоведении было воспринято и оценено неоднозначно. Особенно к его пробам силы в форме белого стиха или свободного стиха было сказано множества резких критических отзывов. Например, в 1964 году, когда была опубликована поэма «Путешествие к жизни, звездам» в журнале «Ала-Тоо», «в страницах газет, журналов появились и его поддерживавшие, и его критиковавшие, различного содержания статьи, рецензии» [7, с.558]. Поэма обсуждалась в Союзе писателей Кыргызстана, в результате, «его поддерживавшие, и его критиковавшие разделились на две группы. В такой ситуации было трудно ждать хладнокровности, справедливости» [3, с.52], – вспоминает Т. Аскарров. Сам автор поэмы, анализируя положения после выхода в свет произведения, оценивает своё творение так: «...явно обнаруживалось, что она была создана раньше своего времени» [15, с.92]. В этой обстановке, когда опыт С.Эралиева в сфере свободного стиха породил горячую полемику, его поддерживает теплым словом Ч. Айтматов. Он опубликует в «Советской Киргизии», потом в «Правде» статью «Открытие берега», в ней говорится: «И как хорошо, что он почувствовал себя все же стесненным в этих привычных, пусть уже превосходно освоенных им рифмах и традиционных поэтических образах, что он, не щадя себя, ринулся на поиски новой формы, новой ритмики в киргизском стихосложении, чтобы полней, глубже, эмоциональней,

сильней выражать содержание, новой, современной ему жизни, мысли, чувства и переживания своих современников» [1]. Таким образом, мы достигаем положительному оцениванию поэмы «Путешествие к жизни, звёздам».

Полемика по поводу свободного стиха с этим не останавливается. После опубликования в страницах еженедельника «Кыргызстан маданияты» в 1968 году анкеты «Три вопроса к поэтам», споры вновь продолжаются. В страницах этой газеты ответы поэтов публикуются в течении двух-трех месяцев. В этих ответах содержатся в отношении к свободному стиху и поддержавшие, и отвергавшие мнения [9]. В результате жизнь формы верлибр в кыргызской поэзии и дальше продолжается, еще многие таланты обращаясь к этой форме, создадут свои оригинальные произведения.

Из этих двух примеров нам станет ясно, что в развитии кыргызской советской поэзии художественно-эстетические обновления не всегда поддерживались двумя руками, и они постепенно находили свои места. Конечно, это весьма закономерное, характерное явление для литературы, у которой письменные поэтические традиции только в этом веке и были сформированы.

В настоящее время, когда обновляются, изменяются культурные традиции, стали обновляться, изменятся и отношения к художественным ценностям прошлого. Мир перешел к новому этапу художественно-эстетического опыта и бытия художественно-эстетического сознания. К примеру, многие художественные творения кыргызской поэзии, созданные в течении XX века, сегодня не читаются, они не вызывают у читателей эстетического наслаждения. Некоторые литературоведы видят первопричины такого явления в культурном развитии от ограниченности эстетики социалистического реализма [6, с.86-141]. А социалистическому реализму дано следующее определение в I съезде советских писателей: «Социалистический реализм, являясь основным методом советской художественной литературы и литературной критики, требует от каждого художника правдивого и историко-конкретного изображения действительности в ее революционном развитии. При этом правдивость и историческая конкретность художественного изображения должны сочетаться с задачей идейной переработки и воспитания трудящихся людей в духе социализма» [13]. Если вдумчиво читать эти строки, никак не наблюдаются ограничения свободы художников. Все дело в другом. С изменением характера времени, эпохи, творческие личности тоже устремились к модным обновлениям, и предавались господствующим в новых исторических условиях идеям.

Если внимательно оглянемся к истории мировой литературы, где возникает вопрос, чем же отличаются произведения всемирной литературы, получившие оценку художественной ценности, как они до наших дней не потеряли свою читаемость, влияние? Например, чем привлекают людей к себе и по сей день поэмы древнегреческого поэта Гомера «Илиада» и «Одиссея», драмы античных драматургов Софокла, Эсхила, Еврипида, Аристофана, лирики Сапфо, Алкея, произведения представителей эпохи Возрождения Данте, Боккаччо, Рабле, Петрарки, творения художников слова Древнего Востока Калидасы, Ашвагхоши, Шудраки, Амару, Конфуция, Лао-цзы, Ли Бо, Ду Фу, Басё и многих других? Чем завоевали произведения этих творческих личностей оценку художественной ценности? Да, они не писали на методе социалистического реализма, однако и они в своих произведениях отражали в определенной степени реалии своей эпохи. В то же время другие творческие личности тоже создали свои произведения, и распространили среди народа. В их творениях находили место мысли, противоположные идеям вышеназванных личностей. Значит, и те, и другие были в плену каких-то идей. Так было во все времена в мировом литературном развитии.

Такая же картина относится и к классикам кыргызской профессиональной письменной литературы. Они тоже в своих произведениях выражали дух своей эпохи, поддерживали господствующие в своём времени идеи. Это мы ясно наблюдаем в творчестве кыргызских поэтов прошлого века.

Таких примеров, как примеры А.Осмонова и С.Эралиева, мы можем привести бесконечно. Потому что, в кыргызской литературе XX века очень много поэтов, отличавшиеся ценными по художественно-эстетическому содержанию произведениями. Однако наша цель в другом – мы хотели показать, что творения кыргызской поэзии XX века сразу после создания не оценивались положительно по художественно-эстетическому содержанию, по общественно-социальному значению. Судьба настоящих художественных ценностей бывает таким сложным. Видный кыргызский философ А. Салиев по этому поводу замечает: «Насытившемуся к различным духовным богатствам, смотревшему весьма разборчиво к разным предметам в современной эпохе, чтобы сохранился, не угасая в памяти, следует быть произведением с высокими свойствами» [16, с.174].

Таким образом, с течением времени в плане восприятия и оценивания художественных произведений происходят изменения. Бывает и случаи, что произведения, многие поколения читателей считавшие классическими, теряют эстетическое влияние, уменьшается их художественный потенциал. Такое явление обнаруживается и от существования шедевров мировой литературы. Но это не значит, что они совсем перестали быть значимыми. После некоторого времени может повысится значения художественных произведений

прошлого. Такие изменения не присущи только более-менее отдаленному прошлому (античной эпохе, эпохе Возрождения, эпохе Просвещения, XIX веку, XX веку), такие процессы имеют глобальный характер. Другими словами, отношения к современной литературе могут быть различными. Никто не может точно предсказать, какое решение вынесет грядущее к старым и новым литературно-художественным творениям. И поэтому нельзя огульно охаивать произведения прошлой эпохи, попрекая их тем, что они созданы на методе социалистического реализма. И среди них имеются произведения, довольно высокого художественно-эстетического содержания. Этому служит примером стихотворения великого кыргызского поэта Алыкула Осмонова. Как мы убедились выше, интерес к произведениям этой замечательной личности, и по сей день не угасает. Если вкратце подытоживать, самый главный результат в развитии кыргызской поэзии XX века – это её вхождение на путь профессионально-письменного развития. Мы не должны забывать этот исторический факт.

Список литературы

1. Айтматов Ч. Открытие берега // Советская Киргизия, 1964, 13 сентября
2. Алыбаев М. Мааниси жок «Махабат» // Кызыл Кыргызстан, 1946, 15-ноябрь
3. Аскарров Т. Образдуу ой жүгүртүүнүн чексиздиги. – Бишкек: МТЖЭБ, 2000.
4. Асаналиев К. Чыңгыз Айтматов: кечээ жана бүгүн. –Б.: 1995.
5. Кыдырбаева Р. Лирика Алыкула Осмонова: Дисс. ...к.ф.н. – Фрунзе, 1956.
6. Кыргызстан маданияты, 1968, февраль-май айлары
7. Кыргыз совет адабиятынын тарыхы. 1-том. – Фрунзе: Илим, 1987.
8. Литературный энциклопедический словарь. – Москва: Советская энциклопедия, 1987.
9. Первый Всесоюзный съезд советских писателей, 1934. Стен.отчет. –М.: 1934.
10. Садыков А. Традиции и новаторство в творчестве Алыкула Осмонова: Дисс. ...к.ф.н.: 10.01.03. – Ф., 1961.
11. Садыков А. Кыргыз залкарлары. Он томдук. 2-том. – Бишкек: Бийиктик, 2013.
12. Салиев А. Акыл-эс дүйнөсү жана көркөм элес. – Фрунзе: Мектеп, 1981.
13. Самаганов Ж. Бир чыгармага арналган үч макала тууралуу // Советтик Кыргызстан, 1948, №1, 55-61-бб.
14. Шамшиев Б. Роль поэтического наследия Алыкула Осмонова в развитии кыргызской поэзии 50-60-х годов: Дисс. ...к.ф.н.: 10.01.03. – Ф., 1990
15. Эралиев С. Сага айткан сыр. – Бишкек: Шам, 1999.

СЕКЦИЯ №13.

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ТЕКСТОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.08)

СЕКЦИЯ №14.

ФОЛЬКЛОРИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.09)

СЕКЦИЯ №15.

ЖУРНАЛИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.01.10)

ТОЧНОСТЬ СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЯ КАК КОМПОНЕНТ КУЛЬТУРЫ ЖУРНАЛИСТСКОЙ РЕЧИ

Славкин В.В.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

«Прекрасный наш язык, под пером писателей неученых и неискусных, быстро клонится к падению. Слова искажаются. Грамматика колеблется. Орфография, сия геральдика языка, изменяется по произволу всех и каждого. В журналах наших еще менее правописания, нежели здравого смысла...» (Пушкин 1981). Российская Академия, 1836). Очевидно, что и в 1836 г., когда Пушкин писал эти строки, и сейчас далеко не все благополучно с культурой устной и письменной речи, и это предмет особой тревоги писателей и ученых.

Современное общество – и в этом сходятся практически все исследователи языка – стало медиационным. Сейчас человек не только получает информацию в СМИ – он ее производит, распространяет в

социальных сетях, использует медиа (прежде всего, конечно, Интернет) как рабочую сферу, делает свою частную жизнь достоянием многих. И средства массовой информации, в каком бы виде их ни использовать, влияют и на формирование картины мира современного человека, и на особенности его речевой деятельности. В последнем случае можно говорить о продолжении той, особо свойственной российской культуре традиции, когда слово написанное или изреченное в СМИ воспринималось как образец для подражания.

Столь же очевидно, что современные СМИ далеко не всегда придерживаются норм грамотной, литературной речи. Причин тому – и объективных, и субъективных – много, и мы здесь рассмотрим только один (но весьма важный) аспект современной медиаречи, а именно точность словоупотребления. Данная проблема является одной из ключевых в современной речевой среде, поскольку прямо связана с культурой речи.

Культура речи – это одновременно и часть общей духовной культуры общества, и одна из активно развивающихся прагматических лингвистических дисциплин, цель которых – изучение современной речи в самых разных ее проявлениях. То есть речеведение.

Для современного журналистского дискурса характерна ярко выраженная субъективизация, т.е. усиление личностного начала в тексте, актуализация самых разнообразных речевых средств, говорящих о присутствии автора в текстовом пространстве. И от того, какой предстанет перед читателем, зрителем, слушателем языковая личность журналиста, во многом зависит эффективность его деятельности.

Точность словоупотребления в медиатексте не тождественна понятию правильности использования тех или иных лексических единиц. Следование существующим орфографическим, пунктуационным, орфоэпическим нормам – это *condicio sine qua non* для профессионального журналиста. К сожалению, именно этот, собственно ортологический аспект культуры речи стал весьма частотным, если брать весь массив нарушений норм в российском медиaprостранстве. Приходится говорить о том, что современные СМИ остро нуждаются в возрождении профессиональной корректорской и редакторской службы. Это связано и с общим снижением уровня владения родной речью, что не могло не сказаться и на журналистской профессии, и с тем, что практикуемый многими информационными ресурсами рерайтинг (Лашук 2013) далеко не всегда исправляет речевые недостатки первичного текста, хотя и ориентирован на это.

Мы не ставим перед собой цель описать все типы встречающихся в СМИ грубых орфографических, грамматических и пунктуационных ошибок, нарушений известных еще со школы правил. Каждый может составить свой объемный список подобных «речевых преступлений». Например, А. Хинштейн допускает ошибку, описанную еще М.В. Ломоносовым в «Российской грамматике» и известную всем школьникам, сдающим ЕГЭ по русскому языку: Оказавшись в СИЗО, нервы и язык у Малова не выдержали... (МК, 11.04.2014). А радио «Эхо Москвы» на своем сайте сообщает: Первая жертва появилась после взрыва и пожара на Тайвани. (27.06.2015).

Но давайте обратим внимание на несколько «горячих точек» современного правописания, актуальных именно для практики СМИ. Это образование и употребление сложных слов (эконом-класс и экономкласс, клиенто-ориентированный и клиентоориентированный и др.), написание новейших заимствований (чайлдфри, массмедиа) и, естественно, употребление прописных букв в названиях должностей и организаций. Последнее заслуживает более подробного рассмотрения.

Собственно говоря, многое из того, чем мы сегодня руководствуемся при выборе прописной либо строчной буквы в названиях, определяется в известном справочнике Д.Э. Розенталя (Розенталь 1984). Некоторые написания были очевидно мотивированы идеологически: так, при обозначении высших государственных органов власти социалистических стран и некоторых стран третьего мира предлагается прописная (Государственное собрание Венгерской Народной Республики, Народная палата Индии, Союзное исполнительное вече Социалистической Федеративной Республики Югославии), в то время как по отношению к США, Великобритании и под. в соответствующих контекстах использовалась строчная – конгресс США, бундестаг ФРГ, палата общин в Великобритании.

С течением времени некоторые способы обозначения имен собственных изменились. Например, согласно современным нормам мы пишем Первая мировая война, Средневековье, Новое время, Гражданская война в США и др. Для журналистов очевидно, что президент Путин – это обычное наименование высшей государственной должности, если речь не идет об официально-деловом стиле, и Президент Российской Федерации В.В. Путин – это сугубо официальная номинация.

Однако некоторые трудности еще сохраняются по отношению к тем именованиям, которые имеют важный исторический контекст. Например, Госдума.

Первым документом, регламентирующим статус и название этого учреждения, был манифест, изданный Николаем II 6 августа 1905 года, в котором указывалось: «... признали Мы за благо учредить Государственную Думу и утвердили Положение о выборах в Думу». Отметим, что манифест изобилует характерным для

официальной традиции того времени употреблением прописных букв – «Мы», «Самодержавные Цари, Наши Предшественники», «Министр Внутренних Дел» и т.п. При этом вряд ли кто обратил внимание на то, что использование прописных букв в обоих компонентах нового названия вошло в логическое противоречие с другим, возникшим столетием ранее. Это был Государственный совет, высший законосовещательный орган Российской империи. Причем это различие отразилось даже в названии царского манифеста «О изменении Учреждения Государственного совета и о пересмотре Учреждения Государственной Думы» от 20 февраля 1906 г.

В статье 95 действующей Конституции РФ обнаружим: «Федеральное Собрание состоит из двух палат - Совета Федерации и Государственной Думы». Таким образом, с прописной буквы пишутся все компоненты составных названий высших органов законодательной власти РФ (кстати, аналогично Президиум Верховного Совета СССР).

В то же время в «Орфографическом словаре русского языка. Прописная или строчная?» В.В. Лопатина, Л.К. Чельцовой и И.В. Нечаевой, в §33 «Правил употребления прописных букв», указано, что «в официальных названиях органов власти, учреждений, организаций ... с прописной буквы пишется первое слово и входящие в состав названия имена собственные...». Далее приводятся примеры – Федеральное собрание РФ, Государственная дума, Конституционный суд РФ (Лопатин, Чельцова, Нечаева 1999: 26).

Написание Государственная дума дает и «Орфографический словарь русского языка» Б.З. Букчиной, И.К. Сазоновой и Л.К. Чельцовой, выпущенный в серии «Словари XXI века» (Букчина, Сазонова, Чельцова 2008). Отметим, что этот словарь открывает «Список грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации», утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 8 июня 2009 г. № 195. То есть поступать нужно так, как требует этот словарь. Или все-таки согласно Конституции?

Очевидно, что логика употребления, да и законопослушание, в конце концов, подсказывают написание обоих слов с прописной буквы.

Итак, ортологический аспект точности словоупотребления заключается в строгом следовании системе норм, сложившихся в современном русском литературном языке, т.е. в правильности речи.

Следующий аспект – содержательный. В данном случае мы имеем в виду фактологическую точность текста, соответствие объективным реалиям, что, к сожалению, также не всегда наблюдается в журналистских текстах. Несколько примеров.

На сайте «Российской газеты» 9.04.2014 появилось сообщение с заголовком «Ракетный крейсер ВМС США войдет в Черное море 10 апреля». Далее в тексте: Второй американский эсминец ВМС США Donald Cook войдет в акваторию Черного моря в рамках договоренностей с Киевом к четвергу. Обратим внимание на ошибку в порядке слов (договоренностей с Киевом к четвергу), но самое главное, отметим несоответствие заголовка тексту: сначала речь идет о крейсере, затем – об эсминце.

Этот же корабль назвали крейсером такие авторитетные информационные источники, как Russia Today на русском, МИР24, портал Kogabel.ru, агентство «Аксакал».

Возможно, кому-то это покажется незначительной неточностью. Но это не так. Автор и редактор текста (скорее всего, не думая об этом) повысили не только класс американского боевого корабля, но и градус военного и политического противостояния в черноморском регионе: здесь у России единственный ракетный крейсер «Москва», флагман флота, и получается, что в Черное море вошел такой же по мощи корабль.

Еще пример. 16.04.2014 было сообщено о возбуждении уголовного дела в отношении президента ракетно-космической корпорации «Энергия» Виталия Лопоты. РБК, «Московский комсомолец», «Независимая газета» и Интерфакс назвали его Лапотой, не удосужившись заглянуть на сайт корпорации. «Эхо Москвы» сделало эту же ошибку, но затем на сайте было помещено исправление.

Неточность может касаться не только фактов, но и предлагаемых оценок и выводов. Также 16.04.2014 ИТАР-ТАСС, РИА Новости и другие ведущие ресурсы сообщили, основываясь на оценках директора департамента Минфина Орешкина, что «бюджет России в 2014 году может недополучить 1 трлн рублей». Фиксируется предположение. Business FM и BBCRussian.com эту же информацию представляют с другой модальностью – уверенности: «Бюджет РФ в 2014 году недополучит свыше 1 трлн рублей».

Таким образом, фактологическая неточность, в том числе изменение модальности сообщения, может привести к искажению содержательного пространства текста.

Наконец, третий аспект проблемы точности словоупотребления – понятийный. В этом случае следует говорить о неправильном выборе автором слов и словосочетаний, что искажает смысловую структуру сообщения, нарушает коммуникативные конвенции общения адресанта и адресата, в том числе и с точки зрения лингвистики.

Затонувший лайнер Costa Concordia доставлен в Геную для утилизации («Эхо Москвы в Петербурге», 28.07.2014). Можно обсуждать, насколько реальная степень погруженности этого круизного судна в воду позволяет назвать его затонувшим, но в любом случае в Геную был доставлен все-таки поднятый на поверхность воды лайнер.

Вряд ли автор следующего предложения задумался о том, какой абсурдный смысл оно имеет: В Москве погибшим журналистам вручили премию имени Анны Политковской (сайт «Новости регионов России», 8.09.2014). Налицо элементарное непонимание словарного значения слова вручить.

У журналиста должно быть особое, обостренное чувство слова. Требование это тем более существенно, что значительная часть лексических элементов в медиаречи обладает социальной оценочностью (термин Г.Я. Солганика). И эта оценочность базируется на множестве факторов, среди которых не последнюю роль играет культурный код, принятый в обществе в данное время. Журналисты, не учитывающие его, могут назвать легендарных корифеев МХАТа мастодонтами, а победу в Великой Отечественной войне – великолепной (прямо как в спорте!).

Проблема точного выбора слова связана в том числе и со степенью допустимости просторечия в журналистском дискурсе. Не случайно в 2013 г. законодательная власть была вынуждена запретить нецензурную лексику в СМИ (хотя это и так вытекает из федерального закона о русском языке как государственном языке СМИ). Значит, при том, что данный запрет был облечен в не самые совершенные языковые формы, он отразил потребность общества в ограничении нелитературной речи в публичном пространстве.

Столь же серьезную тревогу вызывает широко распространенная манера речевой деятельности журналистов, которую люди сдержанные называют «излишне свободной», а молодежь – «отвязной». Показательным и скандальным стал эфир программы «Болячки» на «Маяке» 4.10. 2012, где Виктория Колосова и Алексей Веселкин в недопустимом, оскорбительном тоне говорили о больных муковисцидозом. Ведущие строили рожи, засовывая сушки в рот и изображая клыки, острили про то, что с больными детьми «хорошо текилу пить» (из-за нарушения обмена веществ на коже у больных муковисцидозом выступает соль), или подетсадовски хохотали при слове «меконий» (фекалии новорожденного). К чести нашей аудитории, подобное стёбное поведение авторов (журналистами их не хочется называть) вызвало шквал негодования в интернете и привело к серьезным мерам административного воздействия. К сожалению, подобной манеры ведения придерживаются многие ведущие электронных СМИ и авторы печатных текстов, полагая, видимо, что профессионализм заключается прежде всего в хлесткости оценок, а не в их соответствии культурным и нравственным нормам поведения в обществе.

Итак, для журналистского текста точность словоупотребления заключается в следовании языковым нормам, в правильном воспроизведении фактов окружающей действительности и в уместном, стилистически верном и адекватном употреблении лексических единиц. В совокупности данные факторы являются залогом эффективной журналистской речи, соответствующей культурным канонам нашего общества.

Список литературы

1. Букчина, Сазонова, Чельцова 2008 – Букчина Б.З., Сазонова И.К., Чельцова Л.К. Орфографический словарь русского языка. – М.: АСТ-ПРЕСС. 2008.
2. Лашук 2013 – Лашук О.Р. Рерайтерские новостные сообщения: создание и редактирование. – М.: МедиаМир. 2013.
3. Лопатин, Чельцова, Нечаева 1999 – Лопатин В.В., Чельцова Л.К., Нечаева И.В. Орфографический словарь русского языка. Прописная или строчная? – М.: АСТ-ПРЕСС. 1999.
4. Пушкин 1981 – Пушкин А.С. Российская Академия. – Собр. соч. в 10-ти томах. – М.: Правда. 1981. – С. 244.
5. Розенталь 1984 – Розенталь Д.Э. Прописная или строчная? (Опыт словаря-справочника). – М.: Русский язык. 1984.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.00)

СЕКЦИЯ №16. РУССКИЙ ЯЗЫК (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.01)

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗА ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ В КУБАНСКИХ КАЗАЧЬИХ ПЕСНЯХ

Епатко Т.А.

Краснодарское высшее военное авиационное училище лётчиков, г.Краснодар

Известный исследователь выражения образного мировидения средствами русского языка М. Н. Эпштейн писал: «Если читать всю национальную поэзию как единую книгу, то в ней можно выделить устойчивые мотивы, которые принадлежат поэтическому сознанию всего народа» [14, с. 34]. Его высказывание можно отнести и к такой составной части национальной поэзии, как поэзия фольклора. В данной статье рассматриваются средства языкового выражения и поэтизации военных мотивов в кубанском песенном фольклоре, где военная составляющая, безусловно, относится к числу устойчивых. И это закономерно, так как кубанское казачество всегда было служилым сословием, основной задачей которого была охрана рубежей России: «...границы защищаты от лютых врагов» [4, с. 82, № 37]. Военные мотивы в песнях кубанских казаков эксплицируются целым рядом образом: казака, защитника Родины; его коня, надёжного спутника в бою; коварного врага; пути-дороги, уводящей казака от родного дома; казачьей доли – погибнуть в бою или вернуться домой – и, конечно же, в образах оружия, как вражеского, так и «своего».

Остановимся на реализации военных мотивов образами казачьего огнестрельного оружия. Было обследовано 530 текстов военных песен черноморских и линейных казаков, а также кубанских казачьих песен гражданской войны и Великой Отечественной войны. Образ «своего» оружия присутствует в 122 текстах. Он складывается из образов холодного оружия (сабли, шашки, клинка, штыка и т. д.) и огнестрельного оружия (винтовки, пушки (орудия), ружья, автомата, патрона, снаряда и т. д.). Наиболее часто в казачьих песнях упоминается такое огнестрельное оружие, как винтовка (берданка – «однорядная винтовка» [11, с. 41]) и пушка (орудие). Индекс частотности слова-образа «винтовка» («берданка») – 12, слова-образа «пушка» («орудие») – 16.

Образы казачьей винтовки и пушки присутствуют только в песнях линейных казаков, а также в песнях гражданской и Великой Отечественной войн и в большинстве рассмотренных текстов имеют прямую экспликацию. Наиболее частотной функцией образа винтовки является функция вещи-характеристики казака-воина, актуализирующая категориальную сему слова «винтовка» – сему оружия. В данном случае оружие (винтовка) – это составная часть портрета защитника родины. Историк кубанского казачества О.В. Матвеев отмечает, что оружие в народной картине мира было одной из величин, составлявших богатырскую силу воина [9, с. 203]. В песне «Открой, маменька, окошко...» девушка говорит, что на милого, уходящего на войну, «шинель серую надели и винтовочку дали» [8, с. 31, № 58]. Песня «Спят все рощи и долины...», напротив, рисует портрет возвращающегося с войны казака:

Ой да, в его шапка набекрени
Да весь мундирчик во крови
Ой да винтовочка заряжена,
Остра шашка при боке [3, с. 189, № 109].

Образ пушки также может выполнять атрибутивную функцию. Пушки – это необходимая воинская принадлежность не одного казака, а казачьего полка, армии в целом. Вот как описывает расположение советской армии песня «Расцветали яблони и груши...»:

Слева пушки, танки и «Катюши»
И пехота – матушка полей [8, с. 43, № 85].

Если в лексическом наполнении образов винтовки и пушки при их атрибутивной функции принимают участие глаголы, то они имеют сему «(не) дать» или «(не) получить»: дали (винтовку), дадут (винтовку), взяли (винтовку), отправляют (пушки).

Лексико-семантические контексты, реализующие образы винтовки и пушки (орудия) в ситуации исполнения казаком своих служебных обязанностей, включают образы оружия в качестве объекта действия,

реальный или подразумеваемый образ субъекта-человека (казак, я, пушкарь, бойцы, мы) и глагольную лексику, называющую действия человека с винтовкой или пушкой: стою (с винтовкою), стоит (на пушке), стянешь (винтовку с плеча); (винтовка) заряжена была, (винтовка) смазана была, (винтовочки) начищенные. В данных контекстах прямое воплощение образов винтовки и пушки (орудия) эксплицирует мотив несения службы. На первый план здесь выступает сема оружия слов «винтовка» (ручное огнестрельное оружие [11, с. 80]), «пушка» (длинноствольное артиллерийское орудие [11, с. 624]), «орудие» (общее название артиллерийского оружия [11, с. 451]).

В двух песнях из обследованных нами текстов образ винтовки, эксплицирующий мотив несения службы, олицетворяется. В песне-письме с фронта «Отцветали яблони и груши...» образ оружия «оживает» с помощью характерного для фольклора сравнения-приложения:

И когда стою в ночном дозоре
Я с винтовкой, другом боевым... [8, с. 63, № 131]

Песня «Полно вам, снежочки, на талой земле лежать...», описывая жизнь казаков в походе, также олицетворяет образ винтовки как родного, любимого человека:

Домик казака – черна бурочка,
Жена молодая – всё винтовочка [3, с. 65, № 33].

В этих случаях винтовка как предмет сравнения сопоставляется с объектом сравнения – человеком – на основе «общности признака, подлежащего ассоциативной интерпретации, который оказывается общим у реалий данного типа» [5, с. 230]: оружие так же, как друг и жена, в трудной ситуации спасает казаку жизнь, служит ему опорой и защитой.

Наиболее ярко образ винтовки, эксплицирующий мотив несения службы, представлен в казачьей песне, которая так и называется – «Винтовка». Здесь в рамках одного текста можно проследить, как «поэтическое развитие семантики отдельного слова-образа структурируется по типу поля на основании отношений полисемии» [6, с. 16]. Образ винтовки имеет здесь два плана выражения: прямой и метафорический. «Образы того или иного ряда могут иметь не только символические и метафорические преломления, но и прямой план» [12, с. 32]. Для прямого воплощения образа винтовки казачья песня использует только субстантивную и адъективную лексику: винтовка, стрельба, мушка, выстрел, мишень дальняя, пуля первая. Существительные имеют значение конкретного предмета или процесса и соотносятся как наименования компонентов ситуации стрельбы. Прилагательные уточняют значения существительных.

Но уже с первых строк песни происходит и метафоризация образа винтовки: казак сравнивает своё оружие с верным другом:

Ты, винтовка, друг мой верный,
Кто служить с тобой не рад! [7, с. 366, № 14]

Сравнение-приложение «винтовка, друг мой верный» оживотворяет образ винтовки. Далее казак обращается к винтовке уже не как к другу, а как к невесте или к жене:

Не журишь, моя милая,
В чёрном траурном чехле... [7, с. 368, № 14]

В данном контексте, как и в некоторых других песнях, произошёл перенос значения с наименования близкого человека, помощника и защитника (друг, милая) на обозначение артефакта (винтовки) благодаря общему признаку – способности защитить, спасти.

Созданию антропоцентрического образа винтовки способствуют эпитет «чёрный» и его контекстный синоним «траурный», определяющие цвет чехла винтовки. Значение «траурности» в контексте песни распространяется на прилагательное «чёрный», не имеющее в толковом словаре такой семы, хотя Потемкина указывает на то, что эпитет «чёрный» в фольклоре символизирует печаль, смерть [12, с. 32]. Градация определений «чёрный», «траурный» в сочетании с приёмом олицетворения нагнетаются и рисуют образ женщины, «милой» в траурном платье.

Как отмечал В. Я. Пропп, «образность в фольклоре всегда зрительная, воображаемая» [13, с. 144], поэтому эпитеты используются как для описания внешнего вида винтовки (красива, в чёрном траурном чехле), так и для описания действий, производимых казаком с винтовкой:

Разберу я всю тебя
И прозрачною водою
Смою чисто, добела [7, с. 368, № 14].

Примечательно, что ситуация промывания огнестрельного оружия водой не соответствует действительности. Для ухода за огнестрельным оружием нужна не вода, а оружейное масло. Почему же в песне казак моет детали винтовки водой? Известно, что в славянской мифологии вода была символом очистительного

начала: «Умыванье студёной ключевой водой, упоминаемое в начале многих великорусских заговоров, есть ... предохранительное для произносящего заговор средство» [12, с. 43]. Глагол «смою» в контексте песни расширяет своё значение и символизирует сакральное очищение, предохранение «своего» оружия от любого негативного воздействия на него. Нагнетание синонимичных определений «чисто», «добела», относящихся к глаголу «смою», усиливается определением «прозрачная (вода)», также имеющим сему «чистый». Этот комплекс эпитетов завершает символическую картину «очищения», защиты оружия.

Интересно, что для метафорического воплощения образа винтовки в песне использованы и глагольные метафоры:

Ты наружностью красива,
Нас прославила собой;
Ты нам славу подарила
Превосходною стрельбой [7, с. 367, № 14].

И глагол «прославила», и глагольное словосочетание «подарила славу», употребляясь в переносном значении, дополняют олицетворённый образ винтовки. Кроме того, они являются синонимами и, употребляясь в тексте песни рядом, выполняют ту же роль, что и логическое ударение в интонационной структуре предложения, – обращают на себя особое внимание слушателя. Здесь антропоцентрический образ винтовки приобретает функциональный статус субъекта, а не объекта или инструмента действия, оружие становится самостоятельным действующим лицом. Обращаясь к винтовке, казак просит её не журиться – не печалиться. Употреблённый в переносном значении, этот глагол тоже, метафоризируясь, оживотворяет образ оружия, украшает его человеческими эмоциями.

У глагола «быть» в словаре Ожегова [11, с. 63] отсутствуют переносные значения. В песне же глагол метафоризируется не только благодаря лексическому окружению, но и в силу своей грамматической формы 2-го лица. Казак утешает винтовку и обращается к ней как к живому человеку, к любимой:

Завтра с утренней зарёю
Со мной будешь на стрельбе [7, с. 368, № 14].

Так путём метафоризации и олицетворения в казачьей песне создаётся антропоцентрический образ винтовки – друга, помощника, любимой казака. Источник такого оживотворения образа казачьей винтовки – его семантический потенциал. «...в семантическом потенциале образа артефакта отражается его связь с человеком. В этой закономерности проявляется антропоцентризм образа как результата отражения окружающего мира в сознании» [5, с. 91].

Таким образом, статусом субъекта в песне «Винтовка» обладает не только образ казака, стреляющего из оружия, но и образ самой винтовки в его метафорическом воплощении. Совокупность двух субъектных образов выражается с помощью глагольной лексики. О глагольных метафорах, характеризующих образ винтовки, было сказано выше. Образ казака характеризуют следующие лексико-семантические группы глаголов: названия действий человека в отношении винтовки: служить (с тобой), наведу (мушку), дам (выстрел), разберу (тебя); ряд глаголов движения с винтовкой: пошёл (взяв винтовку), приду (с тобой); наименование чувства казака по отношению к винтовке: гордится (тобой). В результате образ казака и характеризующая его глагольная лексика косвенно (метонимически) тоже называют денотат «винтовка» и воплощают образ винтовки, образуя вместе с другими лексико-семантическими средствами выражения этого образа его текстовое лексико-семантическое поле.

Итак, образ казачьей винтовки, выражающий мотив несения службы, в песне «Винтовка» имеет двуплановую реализацию. При прямом воплощении образа главным является функциональный аспект семантики слова: винтовка – это оружие казака. При метафорическом развитии это слово-образ изображает друга, любимую, защитника, который всегда рядом.

При описании в казачьей песне ситуации сражения, боя с врагами образы винтовки и пушки (орудия) используются в функциональном значении инструмента действия. Эксплицируя мотив сражения, эти образы огнестрельного оружия характеризуются глаголами в прямом значении с семой процесса или результата стрельбы: (винтовку) сдвинула, (с берданы грудь) пробил, (пушки) заряжает. А в песне «Кзаки в Нетрополе биваком стоят...» глагол «угостить» употребляется в переносном значении, метафоризируя образ винтовки:

Как кубанцы-пластуны
Грудью встретили врагов,
Угостили из берданок... [2, с. 64, № 32]

Эта метафора (берданки – посуда, из которой казаки угощают своих врагов) основана на традиционном для славянского фольклора образе пира, символизирующего битву [12, с. 12].

Невозможно представить себе бой без грохота артиллерии, поэтому в тех контекстах, где при реализации мотива сражения образ пушки (орудия) выступает в качестве самостоятельного субъекта действия, большинство

характеризующих этот образ глаголов имеет сему мощного звучания: загремели (пушки), грохотали (пушки), гремело (орудие), рокотали (пушки), заговорят (орудия). Метафорический глагол «заговорят» является средством олицетворения образа орудия.

Очеловечивается образ орудия и в песне «В шестьдесят втором году...»: «Прикрывают горы стон...» [2, с. 30, № 12] Перенос значения в этом олицетворении происходит на основе общего сенсорного признака: отзвук пушечной стрельбы сходен со звуком страдающего человеческого голоса. «У слов с семантикой сенсорных ощущений и с эмотивно-оценочной семантикой метафорический потенциал прирастает за счёт возможности сдвига прямого значения на основе сходств по восприятию, эмоциональной реакции и субъективной оценки» [10, с. 206]. В последнем примере и фразеологический оборот «бить тревогу», и отглагольное существительное «стон» имеют эмоционально окрашенную сему звучания, а употреблённые при описании ситуации начала боя, они наделяют образ орудия не просто голосом, а тревожным стоном друга, защитника, предупреждающего казака об опасности.

При экспликации мотива сражения образ пушки олицетворяется и в песне «Вознесенская станица»:

Наши пушки, вслед скача,
Смерть врагу бросали [2, с. 50, № 23].

Деепричастие «скача» и глагол «бросали» приобретают в данном контексте метафорическое значение на основе общего наглядного признака: движение пушки на поле боя сравнивается с быстрым движением человека на лошади, а выстрел пушки – с броском руки человека. Сравнение пушечного заряда со смертью происходит на основе метонимического переноса: заряд (причина) → смерть (следствие). Олицетворённый образ пушки (орудия) в контекстах казачьих песен вырастает в образ полноценного воина, в одном ряду с казаками защищающего родину.

Итак, в прямом воплощении образы винтовки (берданки) и пушки (орудия) могут выполнять атрибутивную роль вещи-характеристики, элемента «справы» казака (винтовка) или вооружения казачьего полка, армии (пушка). Эксплицируя мотив несения службы (в функции объекта или субъекта действия) и мотив сражения (в функции инструмента или субъекта действия), образы «своего» огнестрельного оружия имеют в казачьих песнях двуплановую реализацию: прямую и метафорическую. При метафорическом воплощении часто возникает антропоцентрический образ оружия – друга, воина-защитника или жены. Но наиболее частотным в казачьих песнях является прямое воплощение образов «своего» оружия, актуализирующее функциональный аспект слов-денотатов, называющих различные виды казачьего оружия. Возможно, это связано с тем, что роль главного защитника родины казачья песня отводит человеку, а не его вооружению.

Список литературы

1. Бигдай А.Д. Песни кубанских казаков. Том I. – Краснодар, 1992. – 440 с.
2. Бигдай А.Д. Песни кубанских казаков. Том II. – Краснодар, 1995. – 512 с.
3. Захарченко В.Г. Народные песни Кубани. Вып. 1. – Краснодар, 1987. – 320 с.
4. Захарченко В.Г. Народные песни Кубани. Вып. 2. – Краснодар, 1997. – 586 с.
5. Илюхина Н.А. Метафорический образ в семасиологической интерпретации. – М., 2010. – 320 с.
6. Кондрашова О.В. Семантика поэтического слова. – Краснодар, 1998. – 279 с.
7. Концевич Г.М. Народные песни казаков. – Краснодар, 2001. – 448 с.
8. Мартыненко Л.Б., Уварова И.В. Песни и частушки периода Великой Отечественной войны. – Краснодар, 2005. – 210 с.
9. Матвеев О.В. Историческая картина мира кубанского казачества: особенности военно-сословных представлений (конец XVIII – начало XX вв.): дис. ... докт. истор. наук. – Краснодар, 2009. – 630 с.
10. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. – СПб. – 2007. – 819 с.
11. Ожегов С.И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1994. – 928 с.
12. Потебня А.А. Символ и миф в народной культуре. – М., 2000. – 480 с.
13. Пропп В.Я. Поэтика фольклора. – М., 1998. – 352 с.
14. Эпштейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: система пейзажных образов в русской поэзии. – М., 1990. – 303 с.

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В ТЕКСТАХ РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Алехина Т.А.

г.Казань

В современном социуме одной из актуальных задач в области рекламной коммуникации является поиск новых ярких способов для подачи рекламного сообщения с целью наибольшей эффективности. Реклама представляет собой так называемый «односторонний» тип коммуникации, целью которого является привлечение внимания и убеждение реципиента в пользу рекламируемого товара, услуги, компании и т.д. Поэтому главная задача копирайтера – сделать текст более действенным, запоминающимся, что становится возможным, если он обладает множеством отличительных качеств (информативностью, эмоциональностью, точностью, лаконичностью, доходчивостью, неординарностью, экстравагантностью), среди которых важное место занимает метафоризация. Метафора представляет собой не просто фигуру речи; это именно то средство, с помощью которого выразительно проявляется креативность мышления автора. Одним из ключевых свойств метафоры является моделирующая функция: метафора не только формирует представление об объекте, но и предопределяет способ и стиль мышления о нем [Ахманова, 2008:52]. Именно эта особенность метафоры определяет её позицию в создании рекламного образа. «Рекламная» метафора близка поэтической метафоре, но всё-таки ее цели направлены на эффективное привлечение внимания и формирования позитивного интереса к рекламному продукту. [Щукина Т. Ю.: 2012] Рекламная метафора «дает возможность осмысления одних объектов через свойства или качества других» и нацелена на создание оригинального рекламного образа и/или привнесение какого-либо оценочного эффекта в рекламный текст [Лакофф Дж., Джонсон М.: 2004].

Перейдем к рассмотрению механизмов, с помощью которых достигается наибольшая эффективность «рекламной» метафоры. Одним из основополагающих элементов метафоры является концепт, что делает функционирование метафоры более эффективным. В автомобильном дискурсе наиболее актуальными являются метафорические концепты «Реальность» и «Легенда», для которых характерна пространственно – временная локализация, системность внутренней структуры, детерминированность. Данные концепты представляются в рекламном автомобильном дискурсе в локальной и гедонистической когнитивных метафорических моделях:

Изящная мелодия линий, удивительная простота в столь сложной конструкции. Сила и плавность движений, мощь, разбег и неожиданная деликатность. Нет остановки – есть только пауза, гармония динамики и покоя, точно выверенный, поэтому неуловимый баланс. Сочетание стремительного порыва и неторопливого расчета, стихи и проза, будоражащее притяжение скорости, все чувства словно обострились, но волнения нет, наоборот, погружение в абсолютное спокойствие, вот оно – состояние свободного полета. Даже город перестает казаться лабиринтом улиц и зажигает тебе навстречу множество огней; Но это реальность, которую ты ощущаешь всем своим существом, реальность, которая удивляет, восхищает, завораживает – назовем её Kia Quorjis. Искусство в ощущениях [Kia Quorjis, 2013].

Рассмотренный пример представляет собой палитру красок и большой спектр метафорических средств. С выразительной изящностью копирайтеры представляют свой продукт как шедевр, искусство, воплощение в реальность. Метафорические сравнения мелодично сочетаются и превращаются в цельную композицию: изящная мелодия линий, неожиданная деликатность. Текст изобилует антонимическими метафорами: нет остановки – есть только пауза, гармония динамики и покоя, стремительный порыв и неторопливый расчет, волнение – спокойствие. На поэтическом уровне представлено метафорическое сравнение стихи и проза как особая поэтизация гармоничности и эргономичности взаимодействия человека и автомобиля. Используемые метафоры вызывают только положительные эмоции у реципиента и формируют привлекательный имидж товара. В авторекламных текстах является актуальным концепт «Легенда»:

Легенды создаются не сразу, для этого нужны годы поиска, борьбы и достижений. Нужны воля, сила, характер. Новый Ford Explorer – для тех, кто достоин настоящей легенды [Ford Explorer, 2013].

В словаре С.И. Ожегова [С.И. Ожегов: 2009] ЛЕГЕНДА, -ы, ж. 1. Поэтическое предание о каком-нибудь историческом событии. Средневековые легенды. 2. Перен. Вымысел, нечто невероятное. Рассказывать легенды о чем –нибудь. Таким образом, в рекламном тексте автомобилю придается некий мифический ореол. Можно проследить связь между концептом «Реальность» и концептом «Легенда». [Баранов А.Н.: 2003] Разработчики машины вымышленное воплотили в жизнь, из «легенды» создали «реальность». Авторы рекламного текста через призму метафорической игры предлагают реципиенту посмотреть на реальность по –новому.

Интенсивное воздействие на реципиента зачастую осуществляется через обращение создателей рекламных текстов к религиозным темам в сочетании с юмористической составляющей:

- Эй, а ты кто?
- Я ангел-хранитель.
- А кого ты охраняешь?
- Водителя.
- А какую машину он водит?
- Mercedes.
- Да ты лентяй!

Pre – Safe – система превентивной безопасности [Mercedes – Benz, 2013].

Выразительность данного текста в большей степени заключается в использовании, в некотором смысле, антагонистических тем. Каламбур достигается посредством того, что ангел-хранитель посчитал своего коллегу бездельником, потому что за него все делает рекламируемая машина.

Отечественный автопром – да храни Вас Господь! [Антиреклама,2013]

Данный антирекламный слоган, как мы можем догадаться, был создан конкурентами отечественного производителя. Метафорическое воззвание к религии обусловлено тем, что копирайтер отмечает отрицательные стороны отечественного производителя, а именно некачественную сборку и сложные условия эксплуатации автомобиля.

На Бога надейся, а систему Pre – Safe установи [Mercedes – Benz, 2013].

За основу рекламщики взяли фразеологизм с целью эффективного воздействия на массовую аудиторию. Метафоризации подвергается вторая часть предложения, в которой копирайтеры обещают решить все проблемы за автовладельца. Подобная лингвистическая инновация служит вполне определенной цели: привлечь внимание аудитории и оказать на неё влияние. Широко распространено в рекламных текстах использование метафорических средств в сочетании с номинативными предложениями. По своей коммуникативной функции комбинация номинативного предложения и метафорического средства представляет собой наличие называемого в предложении предмета или явления. В рекламе автомобилей подчеркивается исключительность как тех, для кого эта машина создана, так и самих автомобилей:

Обновленный Nissan Teana – статус открывает возможности [Nissan Teana,2013].

В данном примере мы отметили двойную трактовку. В рекламном слогане статус может использоваться в значении определенного класса людей, которые могут позволить себе приобрести такую машину, а возможности является тождественным значением рекламируемой модели. Также статус можно рассматривать как элитность и высококлассность самой марки. В другом примере, рекламируемой обновленную модель более высокого класса Mercedes-Benz, также подчеркивается исключительность и соответствие модели и потенциального потребителя:

Пульс нового поколения. Новый А – класс.

Создатели рекламы метафорически ассоциируют пульс с движением, ритмом, темпом городской жизни, а новый А – класс с «новым» поколением людей: Новое поколение – новая машина.

Существует большое количество рекламных метафор, направленных на эмотивную составляющую массовой аудитории. Это те метафоры, с помощью которых затрагивают тонкие душевные струны. Осуществляется мощный психологический эффект. В сочетании с эмотивной составляющей функция персонификации актуализирует свойство метафоры, заключающееся в перенесении человеческих черт на неодушевленные предметы или явления. Взаимодействуя с метафорой, персонификация приобретает особую образность и экономичность при передаче смысла:

Построить трепет. Nissan Juke - Инновации, которые возбуждают [Nissan, 2013].

Метафоризации подвергается образ модели, представляемый рекламщиком. Эмоции, которые свойственно испытывать людям, становятся неотъемлемой частью метафорического обыгрывания рекламы.

Чувственность и чувство. Новый GLS [Mercedes – Benz, 2013].

В данном примере также следует отметить, что копирайтер придает рекламируемой марке машины человеческие свойства. Метафоризации подвергается внешний облик новой модели, интерьер и экстерьер – модель оживает, к ней хочется прикоснуться и ощутить её.

Удовольствие от вождения – когда оно начинается? Когда заводишь двигатель, набираешь скорость, чувствуешь мощь, когда поворот становится желанием и впереди только дорога – нет! Удовольствие начинается раньше, в тот момент, когда вы видите его, эстетика BMW – дизайн высоких технологий [BMW Group, 2012].

Рекламщик делает акцент на экстерьере машины и её плавной управляемости, что и подвергается метафоризации. Машину хочется проверить на деле, прибавить скорость и войти в поворот. Метафорическое звучание эффективно воздействует, происходит концентрация внимания аудитории на товаре – цель достигнута.

Mazda 6: Экологические технологии раздвигают границы эмоций движения [Mazda 6 Skyactiv. Zoom – zoom, 2014].

Эмоции движения – это тот восторг, который должен испытать автолюбитель, садясь за руль данной машины. Сочная эмоциональная метафора в сочетании с качеством (экологические технологии) не могут оставить равнодушным даже самого искушенного потенциального клиента.

Таким образом, в рекламных текстах используются разнообразные приемы и способы создания метафорического образа. Особую значимость в плане достижения яркости, экстравагантности, привлекательности, запоминаемости рекламы имеют метафоры, в основе которых лежит некий концепт. Они представляют собой текстовый стимулятор и катализатор создания рекламного образа в сознании потребителей. Вызывая у реципиента недоумение, в дальнейшем заинтересованность, метафоры способны на эффективное привлечение и самое главное – на удержание внимания аудитории, тем самым усиливая экономическую эффективность рекламы. Метафоризация способствует повышенной активности восприятия рекламного сообщения, провоцирует реципиента (слушателя, читателя) к сотворчеству с создателем рекламы, что делает адресата равноправным партнером. Установление связи с реципиентом, налаживание контакта с ним будет способствовать психологическому сближению рекламного послания с реципиентом, что особенно важно на фоне общего имиджа рекламы, который сложился у современного массового потребителя. Данные наблюдения подтверждают социальную и функциональную значимость метафоры в процессе создания новой рекламной действительности. Исходя из анализа большого количества рекламных текстов, мы определили, что метафоры привлекают к себе внимание, вызывая положительные эмоции у реципиента.

Список литературы

1. Ахманова О.С. "Лингвистика и семиотика" М.: Изд-во МГУ, 1979.
2. Баранов А.Н. "О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопр. языкознания", 2003, №2, с. 73 - 94.
3. Лакофф Д., Джонсон М. "Метафоры, которыми мы живем" Пер. Н.В. Перцова. // Теория метафоры. М., 1990. С.387 — 415.
4. Ожегов С.И. "Словарь русского языка", М.: Изд-во ОНИКС, 2009.
5. Щуклина Т.Ю.: "Лингвистические средства создания экспрессивности русских рекламных текстов"/ "Филология и культура".-2008. с. 4 - 6

О РЕГИОЛЕКТЕ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Черемисина Е.В.

Курский государственный университет, г.Курск

В условиях глобализации, стирания национальных и региональных отличий всё более значительными становятся регионалистические исследования языка, то есть определение в нём и в художественном тексте как его репрезентации региональных особенностей на всех языковых уровнях: фонетическом, лексико-фразеологическом, грамматическом и других. Филологическая регионалистика имеет большой потенциал в области изучения языка писателя, творчество которого развивается в условиях определённого региона. Языковые и литературные компоненты региональной художественной литературы репрезентируют образ территории. Поэтому «задача филологической регионалистики как отрасли, с одной стороны, филологии, с другой – исторического знания, состоит в системном исследовании литературно-художественных явлений или языковых процессов, генезиса, эволюции региональной субкультуры с использованием филологического инструментария, через постижение особенностей творческой индивидуальности художника» [Полякова 2015: 195-196]. Познание художника слова возможно только через «текст», который содержит в себе местнографический материал.

На сегодняшний день издано большое количество научных работ, посвященных обозначенной выше проблеме. В Курске с 2009 года работает научно-исследовательская лаборатория филологической регионалистики «Курское слово», которая занимается лингвистическим исследованием литературного наследия писателей курского региона, а также тех писателей, чья жизнь и творчество так или иначе связаны с Курским краем. В Тамбове выходит специальный научный и информационно-аналитический журнал «Филологическая регионалистика». В Томском университете сформирована научная школа местных городских «текстов». Л. Полякова говорит об открытом в 1920-е годы «петербургском тексте» и о возникших в более позднее время «московском», «пермском», «елецком», «воронежском», «российском», «германском», «лондонском», «римском», «флорентийском», «крымском», «сибирском», «европейском» и других текстах [Полякова 2015: 187]. Следовательно, изучение филологической регионалистики способствует знакомству с особенностями жизни

региона с опорой на тематические и проблемные классификации литературно-художественных произведений, комментирование, языковой анализ текстов, написание научной биографии писателей.

Филологическая регионалистика как наука обязывает исследователей слова рассматривать художественный текст с краеведческим материалом в контексте творчества самого автора и в общем историко-литературном контексте. Такой подход предполагает исследование духовно-нравственных и общественных ценностей эпохи, которые отражаются в художественной местнографии. Одним из путей познания особенностей жизни региона является литературоведческое краезнание, которое проявляется в языке писателя.

Исследователи художественного слова должны иметь четкое представление о региолекте, регионализме, локальной разновидности, диалекте, просторечии, идиолекте, так как данные понятия напрямую связаны с изучением литературных текстов писателей, творивших в том или ином крае.

Понятие региолекта является относительно новым в лингвистике. Оно возникло как термин романской школы диалектологов во французском языкознании еще в середине XX в., а впервые в обиход российской науки было введено В.И. Трубинским в 1991 году [Трубинский 1991: 157]. Продолжили разработку региолекта Е.А. Оглезнева, Л. Грузберг, Н.В. Хорошева и другие исследователи. В 2001 году А.С. Герд писал о региолекте как «особой форме устной речи, в которой уже утрачены многие архаические черты диалекта, развились новые особенности» [Герд 2001: 23]. Сегодня региолект трактуется как «термин, <...> обозначающий речь жителей средних и малых городов, в которой ощущается влияние местных говоров и просторечия» [Жеребило 2010: 300].

Единицами региолекта являются регионализмы, или «лексемы, распространенные в определенном регионе» [Там же]. Термин «регионализм» оформился по аналогии с традиционным термином «диалектизм», обозначающим единицу диалекта. Т.А. Кадоло определяет регионализмы как «слова, функционирующие на определённой территории, не зафиксированные в толковых словарях литературного языка или получающие в них пометы обл., местн., прост., разг.» [Кадоло 2011: 22]. И.С. Зварыкина уточняет данное определение и предлагает называть регионализмами «лексико-фразеологические единицы, функционирующие на определённой территории, номинирующие значимые региональные реалии, используемые жителями региона преимущественно в устной коммуникации, но также встречающиеся в словарях региональной лексики, в художественной, публицистической литературе региона» [Зварыкина 2013: 34].

О причинах возникновения в составе языка региолекта начал говорить А.С. Герд «Диалекты не умирают, а трансформируются в региолекты» [Герд 2001: 224]. Н.В. Хорошева отмечает промежуточное положение региолекта между диалектом и литературным языком и оценивает причину его появления следующим образом: «В современной социолингвистике все чаще говорят не столько о “вымирании” или “распаде” территориальных диалектов, сколько о видоизменении форм пространственного варьирования языка, приводящем к появлению промежуточных идиомов» [Хорошева 2011: 32]. И.С. Зварыкина формулирует причину появления региолекта следующим образом: «...Происходит “стирание” границ диалекта под влиянием социальных факторов (урбанизация, влияние СМИ и т. п.), в связи с чем возникает принципиально новое языковое образование – региолект» [Зварыкина 2013: 31]. В такой трактовке региолект предстаёт как новое бытие диалекта, возникающее в результате выравнивания региональных различий. Долгое время диалекты в русском языке противостояли литературной его разновидности, сегодня же мы наблюдаем их сближение, в результате которого и появляются региолекты.

Понятие региолекта чаще всего рассматривается исследователями на примере локальной разновидности языка какого-либо конкретного региона. Е.А. Оглезнева, к примеру, анализирует дальневосточный региолект русского языка, утверждая наличие «регионально обусловленной специфики русской речи в Дальневосточном регионе», позволяющее говорить «о существовании дальневосточного региолекта как одной из форм языкового бытия» [Оглезнева 2008: 134]. Л. Грузберг анализирует региолект жителей Перми, обращая внимание главным образом на фонетические особенности их речи, а среди базовых региолектных особенностей называя оканье, еканье и чрезмерную редукцию гласных [Грузберг 2010: 14]. Анализ забайкальского региолекта проводит Т.Ю. Игнатович, отмечая в нём происходящие под влиянием интеграционных процессов «сближение, трансформацию, нивелирование различительных и выработку общих локальных черт» [Игнатович 2010: 344]. И.С. Зварыкина обращается к проблеме разграничения диалектных и региональных языковых явлений на примере лексики Астраханского края. Автор обосновывает мысль о том, что «в современной языковой ситуации уместнее вести речь о региональных, а не о диалектных языковых явлениях» [Зварыкина 2013: 30] и, рассмотрев регионализмы Астраханского края, заявляет: «Природные условия Астраханской области, связанные с обилием водоёмов, выходом к Каспийскому морю, обусловили тот факт, что одним из главных промыслов населения края издавна является рыболовецкий. В связи с этим в языке региона существует довольно большое количество единиц, номинирующих различные виды рыб» [Там же: 31]. Региолект жителей пермского региона исследует Т.И. Ерофеева. Е.А. Корнейко проводит анализ топо-концептов Белгородской области, которые, по мнению автора,

«выступают своеобразными культурными маркерами региона и являются основой для создания топонимических перифраз» [Корнейко 2013: 5]. Региональные особенности русского языка, используемого на Крайнем Северо-Востоке России, стали предметом изучения Ю.А. Резвухиной. А.С. Щербак, Е.В. Жалнина рассматривают региональную ономастику на территории Тамбовской области и утверждают, что «многие ономастические единицы “законсервировали” в себе диалектные корни и являют собой т. н. региональные слова» [Щербак 2011: 42].

При квалификации региолекта как явления важнейшим вопросом становится его отграничение от понятия диалекта. Под диалектом мы традиционно понимаем «разновидность данного языка, употребляемую в качестве средства общения лицами, связанными тесной территориальной, социальной или профессиональной общностью» [Касаткин 1998: 132], учитывая, что термин «диалект» чаще всего относят к территориальным разновидностям национального языка.

Систематизируя отличия региолекта от диалекта можно заметить следующее:

1. Распространение на более обширной территории, меньшая территориальная ограниченность. По мнению Т.В. Жеребило, «от территориального диалекта региолект отличается тем, что распространен на более обширной территории – в группе некрупных городов, расположенных на небольшом расстоянии друг от друга» [Жеребило 2010: 300].

2. Бытование в речи жителей не сельской местности, а средних и малых городов [Жеребило 2010: 300], а также «поселков городского типа» [Герд 2001: 24].

3. Большая динамичность: «Региолект – это звено в системе языковых состояний, находящееся в постоянном движении в отличие от диалекта, который в течение определенного исторического периода (например, феодального) настолько устойчив, что приравнивается к понятию “язык”» [Бородина 1982: 34].

4. Меньшая стабильность. Н.В. Хорошева отмечает в отношении регионализмов «их нестабильное и нерегулярное употребление в речи даже одного информанта» [Хорошева 2011: 33].

5. Время появления. Диалект – изначальное состояние национального языка, из которого на определённой стадии развития общества (на основе одного из диалектов) сформировался литературный язык. По словам И.С. Зварькиной, «изначально диалект служил основой для формирования литературного языка, поэтому его нельзя рассматривать как нечто ущербное по отношению к кодифицированному языку» [Зварькина 2013: 31].

Также необходимо отметить, что у региолекта и диалекта много общего: принадлежность к речи жителей определенной территории; восприятие как нарушение кодифицированного литературного языка.

При исследовании диалекта важно упомянуть и о таком явлении как просторечие. Просторечие входит в «устную некодифицированную сферу общенациональной речевой коммуникации – народно-разговорный язык; имеет наддиалектный характер» [Бельчиков 1998: 402]. Обе анализируемые разновидности языка бытуют в речи городского населения, но региолект отличается от просторечия следующими особенностями:

1. Принадлежность к определённой территории.

2. Культурная коннотация, оценка с точки зрения культуры: просторечие воспринимается как нарушение литературной нормы и имеет отрицательную культурную коннотацию, региолект – как территориальная разновидность языка, и его культурная оценка сегодня всё чаще перестаёт быть отрицательной.

3. Уровень образованности языковой личности, в речи которой реализуется разновидность: просторечие проявляется в речи малообразованных людей, носители же региолекта – «местная городская интеллигенция, служащие административных учреждений» [Жеребило 2010: 300].

«Диалектная и просторечная лексика – это два мощнейших пласта в системе русского языка, не получившие в силу отрицательного к ним отношения со стороны носителей литературной нормы существенного описания в языке художественной литературы» [Евдокимов 2005: 5].

Ещё одним важным понятием, соотносящимся с понятиями региолекта и диалекта, является понятие идиолекта. «Оптимальным объектом для исследования идиолекта языковой личности художника слова является его лексикон... Именно в лексике отражается языковой опыт носителя языка и ярче всего раскрываются особенности его мировосприятия» [Кризская 2009: 6], так как слово «не только устройство для передачи информации, но и инструмент мысли и аккумулятор культуры» [Хроленко 2004: 78]. Функционируя в лингвистике уже в течение нескольких десятилетий, оно определяется как «совокупность формальных и стилистических особенностей, свойственных речи отдельного носителя данного языка» [Виноградов 1998: 171] и «является на сегодняшний день одним из базовых понятий в области исследования индивидуальных особенностей языка» [Богданова 2011: 100]. Термин «идиолект» создан по образцу термина «диалект» и призван обозначать его противоположность – «индивидуальное варьирование языка в отличие от территориального и социального варьирования, при котором те или иные речевые особенности присущи целым группам или коллективам говорящих» [Там же] или «реализацию в устах индивида определенного языка, соединяющего в себе

общие и специфические черты языковой структуры, нормы и языкового узуса» [Ерофеева 2010: 21]. Необходимо учитывать, что язык собственно и является совокупностью идиолектов, то есть конкретных и индивидуальных реализаций языковой системы, региолект же предполагает функционирование в речи группы носителей, что указывает на его социальную природу, привязанность к определённой местности, уровню образования носителей и т. д. Рассмотрение языка писателя предполагает отграничение общего (региолектного) от частного (идиолектного).

Понятие региолекта является новым в современном языкознании, поэтому наличие проблем, которые связаны с региолектом и требуют рассмотрения, решения (региолект и диалект, региолект и просторечие, региолект и идиолект), – естественное явление.

Региолект – понятие, несомненно, лингвистическое, так как региональные особенности, по словам Н.В. Хорошевой, «проявляются на всех языковых уровнях, но наиболее явно на лексическом и фонетическом, при этом синтаксическая специфика выявляется сложнее, поскольку зачастую с трудом дифференцируется от общеразговорных структур» [Хорошева 2011: 33]. Наиболее внимательно изучаются сейчас лексические регионализмы. Т.И. Ерофеева выделяет пять источников их появления: диалектизмы, единицы городского просторечия, слова разговорной литературной речи горожан, литературные слова, «получившие подчёркнуто широкое функционирование в определённом регионе», и устаревшие слова [Ерофеева 2005: 103].

Таким образом, исследование языка и стиля писателя продолжает оставаться актуальным в современном языкознании, так как художественный текст, во-первых, даёт образцы русского языка на разных этапах его существования и разных форм, в том числе образцы его региональных разновидностей, во-вторых, даёт исследователю возможность увидеть особенности языковой личности писателя, в том числе особенности его идиолекта и отражения в языке произведений автора черт региолекта.

Список литературы

1. Бельчиков, Ю.А. Просторечие / Ю.А. Бельчиков // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 402.
2. Богданова, Е.В. О некоторых аспектах изучения термина идиолект в отечественной и западной лингвистике / Е.В. Богданова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2011. – Т. 1. – № 4-1. – С. 100-108.
3. Бородина, М.А. Диалекты или региональные языки? / М.А. Бородина // Вопросы языкознания. – 1982. – № 5. – С. 29-38.
4. Виноградов, В.А. Идиолект / В.А. Виноградов // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 171.
5. Виноградов, В.В. О языке художественной литературы / В.В. Виноградов. – М.: Гослитиздат, 1959. – 656 с.
6. Виноградов, В.В. О языке художественной прозы: Избранные труды / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1980. – 362 с.
7. Герд, А.С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия / А.С. Герд. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. – 488 с.
8. Герд, А.С. Историческая география и регионалистика: взаимоотношение в процессе изучения историко-культурных зон / А.С. Герд // Псковский регионологический журнал. – 2013. – № 16. – С. 107-116.
9. Грузберг, Л. Региолект / Л. Грузберг // Филолог. – 2010. – Вып. 11. – С. 14.
10. Евдокимов, А.Н. Диалектная и просторечная лексика в художественном дискурсе Е.И. Носова: На материале рассказов писателя: дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2005. – С. 223.
11. Ерофеева, Е.В. Вероятностные структуры идиомов: социолингвистический аспект / Е.В. Ерофеева. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. – 320 с.
12. Ерофеева, Т.И. Взаимодействие литературного языка и диалекта (к вопросу о локальных синтаксических явлениях в речи лиц, владеющих литературным языком) / Т.И. Ерофеева // Живое слово в русской речи Прикамья; гл. ред. Ф.Л. Скитова. – Пермь: Перм. ун-т, 1974. – Вып. 4. – С. 3-20.
13. Ерофеева, Т.И. Некоторые проблемы изучения русской городской речи / Т.И. Ерофеева // Наука и бизнес: пути развития. – 2013. – № 4 (22). – С. 103-106.
14. Ерофеева, Т.И. Социолект как инструмент описания языковой ситуации региона / Т.И. Ерофеева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2010. – № 1. – С. 21-25.
15. Жеребило, Т.В. Региолект // Т.В. Жеребило. Словарь лингвистических терминов. – Назрань: Пилигрим, 2010. – С. 300.

16. Зварыкина, И.С. К вопросу о соотношении диалектного и регионального в русском языке (на примере лексики Астраханского края) / И.С. Зварыкина // Гуманитарные исследования. – 2013. – № 2 (46). – С. 30-36.
17. Кадоло, Т.А. Региональная лексика как проявление поликультурности / Т.А. Кадоло // Язык и культура. – 2011. – № 2 (14). – С. 22–28.
18. Касаткин, Л.Л. Диалект / Л.Л. Касаткин // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 132-133.
19. Корнейко, Е.А. Белгородские топонимы и топонимические перифразы в составе региолекта Белгородской области / Е.А. Корнейко // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – Т. 17. – № 6. – С. 5-12.
20. Кризская, Т.В. Язык художественной прозы К.Д. Воробьева: дис... канд. филол. наук. Курск, 2009. – С. 192.
21. Оглезнева, Е.А. Дальневосточный региолект русского языка: особенности формирования / Е.А. Оглезнева // Русский язык в научном освещении. – 2008. – № 2. – С. 119-136.
22. Полякова Л. Филологическая регионалистика как наука // Вопросы литературы, 2015. Май-июнь. С. 186-201.
23. Резвухина, Ю.А. Колымские региональные наименования продуктов из рыбы (на архивном материале 20-х гг. XX века) / Ю.А. Резвухина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2013. – № 6. – С. 68-71.
24. Трубинский, В.И. Современные русские региолекты: приметы становления / В.И. Трубинский // Псковские говоры и их окружение: Межвуз. сб. науч. тр. – Псков: Псков. гос. пед. ин-т, 1991. – С. 156-162.
25. Хорошева, Н.В. Региолект как промежуточный идиом во французском и русском языках / Н.В. Хорошева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2011. – Вып. 3 (15). – С. 32-36.
26. Хроленко, А.Т. Основы лингвокультурологии: учебное пособие/А.Т. Хроленко. – М.: Флинта: Наука, 2004. – С. 184.
27. Щербак, А.С. Региональная антропонимика – составная часть ономастики / А.С. Щербак, Е.В. Жалнина // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – № 10 (114). – С. 42-47.

О РЕФОРМАХ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ: ТВЕРДЫЙ ЗНАК

Лавошникова Э.К.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г.Москва

Аннотация.

Приводятся сведения о реформах русского правописания. Обсуждается избыточность старого и нового русского алфавита: в частности, подвергается сомнению необходимость твердого знака. Приводятся случаи неочевидного выбора написания твердого и мягкого знаков.

Ключевые слова: русский язык, реформы орфографии, омограф, русский алфавит, твердый знак.

Новые правила русской орфографии, которые предлагалось ввести в действие в 2001 году, не были утверждены (население к этому времени уже устало от всевозможных реформ). В частности, предлагалось писать «заец» (через Е) и т.п., чтобы уменьшить в русском языке количество исключений из правил, которые требуют заучивания и запоминания. Предлагалось части некоторых сложных слов разделять твердым знаком. Примеры: «миньюст», «иньяз» и даже «госъавтоѳинспекция».

Алексей Александрович Кретов пишет в своей недавней статье: «В России малейшие попытки что-либо изменить в орфографии встречают отчаянное сопротивление “общественности”. При этом, как правило, сопротивление ожесточеннее со стороны тех, кто слабо разбирается в сути предлагаемых изменений» [1, с. 174].

Характер и частота опечаток в сильной степени зависят от устройства разных клавиатур и специфики отображения символов на экране и на печати [2]. В разных шрифтах нашей кириллицы схожи между собой буквы Ш и Щ, З и Э (а также буква З и цифра 3; ноль можно спутать с буквой О), похожи по начертанию Ъ и Ь.

На роли твердого знака здесь остановимся подробнее. В современной орфографии разделительный твердый знак пишется перед буквами Е, Ё, Я, Ю (с йотированным произношением) – в после согласных. В дореформенных текстах можно было встретить Ъ также и перед гласными А, И, Э.

Чаще всего Ъ встречается после приставок. В сложносоставных словах твердый знак мы видим после префиксов, обозначающих числительные: двухъядерный, трехъякорный, четырехъярусный. Можно привести и

другие примеры с Ъ в сложносоставных словах: волеизъявление, контръярус, межъязыковой, постъельцинский, постъюбилейный, сверхъёмкий, сверхъестественный, трансъевропейский.

Написание примеров слов здесь и далее соответствует академическому словарю [6], рекомендованному Орфографической комиссией РАН 19 мая 2010 года.

Имеется группа слов с Ъ, начинающихся с префиксов «аб-», «ад-», «из-», «ин-», «интер-», «кон-», «об-», «суб-» и др., которые в современном русском языке в некоторых случаях стали восприниматься как часть корня, например: абьюрация, адъютант, изъян, интеръекция, инъекция, конъектура, конъюнктура, объект, объятие, субъект.

Твердый знак иногда можно встретить в иностранных географических названиях и именах – преимущественно в транскрибированных словах из восточных языков. Альтернативой в этих случаях вместо Ъ может быть употребление дефиса.

Твердый знак в современном языке не обозначает отдельного звука, поэтому время от времени возникал вопрос об изъятии этой «лишней буквы» из русского алфавита.

Наша новая орфография была введена декретом от 10 октября 1918 года, опубликованным в газете «Известия» № 223 от 13.10.1918. В этом документе, в частности, было сказано: «отменяется употребление ер (ъ) в конце слов, оканчивающихся на согласную». Но было приказано убрать твердый знак из всех слов, заменив его апострофом. Для надежности декретом Высшего Совета народного хозяйства (ВСНХ) от 4 ноября 1918 года литеры и матрицы буквы Ъ были изъяты из типографий. По подсчетам писателя и филолога Льва Васильевича Успенского, до реформы правописания Ъ занимал примерно 4% объема текстов и на него ежегодно уходило около 8,5 млн лишних страниц.

Однако в 1928 году Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос) признал «несвойственным русской грамматике» использование апострофа в середине слова вместо твердого знака. И эта буква к нам вернулась, хотя многие по инерции продолжали писать «об'явление» (между прочим, подсказка spellera Word 2013 почему-то не дает правильного написания «объявление»), «с'езд» и т.п. И не все пишущие машинки были снабжены буквой Ъ.

Известный языковед Филипп Федорович Фортунатов уже в 1904 году высказывался за полную отмену буквы «ъ».

Русский философ и публицист Иван Александрович Ильин в 1905 году, как и некоторые другие литераторы, отказался от твердого знака на конце слов, но в шуточной поэме «Наше жилище, или Быть и бытие изгнанниковъ», написанной им в 1939 г., во время жизни в Швейцарии, мы видим старую орфографию с «ерами» и «ятями» [4, с. 140–181]. Многие представители русской эмиграции даже через десятилетия, прошедшие после 1918 года, продолжали пользоваться старой орфографией; среди них были, например, поэт Владислав Фелицианович Ходасевич [5, с. 416–420] и философ и публицист Николай Сергеевич Арсеньев [5, с. 54–63].

Некоторые сложносоставные слова в наше время вызывают у пишущих сомнения, нужен ли в них твердый знак: межъязыковой, панъевропейский, трѣхъярусный, фельдъегерь и т.п. При этом без твердого знака пишутся некоторые сокращения: военюрист, госязык, детясли, минюст, партячейка, спецеда, спецюрлицо, хозединица и др. Без Ъ пишется также слово гиперядро (компьютера).

Кроме того, у пишущих иногда возникают сложности с выбором между твердым и мягким знаком. В таких словах, как «адъюнкт», «адъютант», «дизъюнкция», «конъюнктурный», «конъюнкция», говорящие часто смягчают согласный перед Ъ, что может приводить к написанию через мягкий знак, тем более что префиксы в заимствованных словах (после которых перед «е», «ё», «ю» и «я» обычно требуется писать Ъ) распознаются не всеми [3]. С другой стороны, в некоторых случаях пишут по ошибке твердый знак вместо мягкого знака. Примеры таких слов: «обезьяна», «арьергард», «интерьер», «консьержка». В Интернете можно встретить написание слова «коньяк» через твердый знак вместо Ъ. Вероятно, «кон-» в этом слове воспринимается некоторыми как префикс.

Во второй половине XX века начали звучать предложения вообще исключить твердый знак из русского алфавита. Однако заменять его в таком случае имеет смысл не апострофом, как это было в первые годы советской власти, а мягким знаком, тем более что на глаз во многих шрифтах они почти не различимы. (К тому же освободилось бы место на компьютерной клавиатуре в русском регистре для других символов.)

Владимир Андреевич Успенский в 1964 году в статье «Одна модель для понятия фонемы» [7, с. 53] писал:

«...Если считать буквы ь и ъ графически близкими (что довольно естественно), то они окажутся, по-видимому, аллографами одной графемы в письменном литературном русском языке с обязательным употреблением буквы ё».

И далее в сноске В.А. Успенский уточняет:

«Если не употреблять букву ё, то возникает противопоставление «вьемся» – «вёмся», любезно указанное автору А.А. Зализняком. За пределами литературного языка можно найти, по-видимому, еще несколько противопоставлений...»

Препятствий в современном литературном русском языке к этому нет, поскольку отсутствует такая пара слов, которые различались бы только наличием Ё и Ъ в одной и той же позиции, если не считать пары «вьемся» – «вёмся». При исключении из русского алфавита твердого знака и замене его мягким знаком словоформы вьемся и вьешься (малоупотребительные формы глагола вьесться) сольются в омографы со столь же редко употребляемыми личными формами от глагола виться – вьёмся и вьешься (в случае написания через Е), что вряд ли может служить весомым аргументом против этого предложения.

Впрочем, на первых порах можно было бы разрешить писать в словах, в которых сейчас есть «ь», как твердый знак, так и мягкий знак – по желанию.

Кстати, об упрощениях: в некоторых печатных изданиях в последние годы для упрощения набора в роли тире стал употребляться только дефис, окруженный пробелами.

Список литературы

1. Кретов А.А. Русская орфография и вызовы компьютерной эры // Известия ВГПУ. — 2015. — № 1 (266). — С. 174–180.
2. Лавошникова Э.К. Word: Причины пропуска ошибок при компьютерной проверке правописания // Science Time. — 2015. — № 6. — С. 271–275.
3. Лавошникова Э.К. Психология «популярных» орфографических ошибок и их компьютерная коррекция // Science Time. — 2015. — № 7. — С. 168–173.
4. Поэзия Московского университета: от Ломоносова и до... Книга 5: от Андрея Белого до Павла Флоренского / Ред.: Перцова Н.Н., Лавошникова Э.К. — М.: НИВЦ МГУ – Бослен, 2010. — 400 с.
5. Поэзия Московского университета: от Ломоносова и до... Книга 6: от Арсения Альвинга до Владислава Ходасевича / Ред.: Перцова Н.Н., Лавошникова Э.К. — М.: НИВЦ МГУ – Бослен, 2011. — 480 с.
6. Русский орфографический словарь: около 200 000 слов / Под ред. В.В. Лопатина, О.Е. Ивановой. – Изд. 4-е, испр. и доп. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2015. — 896 с.
7. Успенский В.А. Одна модель для понятия фонемы // Вопросы языкознания. — 1964. — № 6. — С. 39–53.

РАБОТА С ЛЕКСИКОЙ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

Куприянова Т.Ф., Джан Ди

Санкт-Петербургский Государственный университет

В практике преподавания русского языка иностранным учащимся значительное внимание уделяется работе с лексикой, так как знание лексики, владение ею представляет собой часть языкового знания. Данное сообщение рассматривает некоторые проблемы обучения глагольной лексике китайских студентов. В методике преподавания русского языка иностранцам указывается, что получение лексических знаний – необходимая часть процесса усвоения лексики осознанного её применения учащимися. В совокупности с лексическим знанием знания в области фонетики, грамматики, синтаксиса помогают учащемуся овладеть и способами построения текста.

Лексический состав языка отличается системностью. Системность языка является базой для объединений слов и словосочетаний с их грамматическими характеристиками и системами управления в системные лексико-семантические группы. Русские учёные описывали лексику с точки зрения полевой организации, выделяли лексико-семантические группы (ЛСГ), изучали отдельные лексико-семантические группы и их взаимодействие и относились к формированию и описанию ЛСГ как к одной из главных задач лексикологии. В китайском языке глаголы также являются центром предложения. Китайские ученые - Лу Шуциану, Ван Вэчэну, Ху Фу и другие — исследовали глагольную систему китайского языка. Предметом рассмотрения китайских учёных Чжао Юня, Чжао Миньшаня стала разница глагольных систем русского и китайского языков.

Исследование лексики как системы предполагает описание совокупности средств языковой сферы, исследование конкретных материальных единиц и частей, её составляющих; исследование внутренней системы отношений и связей, существующих между лексическими элементами; анализ постоянно действующих

закономерных связей и отношений отдельных единиц, сфер и сторон языка. По семантическим, грамматическим или другим особенностям глаголы могут включаться в то или иное лексико-семантическое поле /термин, основанный на учении В. Гумбольдта о «внутренней форме языка», описывающий совокупность слов различных частей речи, объединённых семантической соотносительностью/ или в ту или иную лексико-семантическую группу - составную часть лексико-семантического поля, «где представлена только одна часть речи, любой семантический класс лексем, объединённых хотя бы одной общей лексической парадигматической семьей или хотя бы одним общим семантическим множителем» [Васильев 1971]/.

Лексико-семантическую группу глаголов с общим значением «создание объекта в результате интеллектуальной деятельности» «Толковый словарь русских глаголов» под редакцией Л.Г.Бабенко относит к семантическому полю «Действие и деятельность», подполю «Глаголы интеллектуального воздействия на объект». Типовая семантика данной группы – «создавать, производить что-либо в результате интеллектуального труда, творчески работая над чем-либо». Базовые глаголы этой группы - создавать и производить.

За основу анализа глаголов данной группы взято положение о реляционном характере глагольных лексем, которые представляют некий предмет, имплицитный этим глаголом, который выявляет этот предмет только на уровне минимальной синтагмы, реализующей «модели ‘агенса – его действие’, ‘субъект – его состояние’, ‘действие – его объект’» [Уфимцева 2009: 126-137]. В содержании глагольных лексем превалирует синтагматическая значимость, указание на отношение глагольного действия к его субъекту и объекту. Количество русских /59/ и китайских /57/ глаголов с общим значением «создание объекта в результате интеллектуальной деятельности» почти одинаково, но оно различно в разных подгруппах. Нельзя также говорить о полной эквивалентности русских и китайских глаголов данной группы в плане сочетаемости.

Список русских глаголов с общим значением «создание объекта интеллектуальной деятельности»: ваять, возобновлять, воспроизводить, воссоздавать, восстанавливать, выдавать, выдумывать, выпускать, вырабатывать, делать, досочинять, издавать, измышлять, изобретать, импровизировать, комплектовать, компоновать, конструировать, лепить, моделировать, налаживать, намечать, образовывать, окружать, организовывать, основывать, отображать, печатать, писать, планировать, поднимать и подымать, придумывать, программировать, проектировать, производить, публиковать, работать, разрабатывать, рисовать, рифмовать, систематизировать, складывать, слагать, собирать, создавать, составлять, сочинять, строить, творить, увеличить, углублять, усиливать, устанавливать, устраивать, учреждать, фантазировать, формировать, формулировать.

Китайские глаголы этой группы: 编曲, 编写, 成立, 筹划, 出版, 创立, 创造, 创作, 雕刻, 雕刻, 雕塑, 雕琢, 发表, 发明, 巩固, 构成, 构建, 构拟, 构图, 构造, 构筑, 规划, 绘画, 计划, 加强, 加深, 建立, 建模, 建造, 刊登, 刊载, 刻画, 描绘, 描述, 描写, 拟定, 谱, 起草, 强化, 设计, 设立, 设置, 深化, 塑造, 想出, 写, 写作, 修建, 营造, 制造, 制作, 著述, 组阁, 组建, 作画, 作曲, 作诗

Дистрибутивный метод анализа лексики позволяет разделить глаголы этой ЛСГ на 8 подгрупп:

1. Создание художественного произведения искусства: музыки, произведения живописи, литературного произведения: возобновлять, воссоздавать, восстанавливать, воспроизводить, делать, досочинять, импровизировать, отображать, писать, производить, присочинять, рисовать, рифмовать, складывать, слагать, сочинять, формулировать, выдавать, выпускать, издавать, печатать, публиковать, творить, создавать.

2. Создание скульптурного изображения: лепить, ваять, создавать.

3. Создание технического объекта или его модели: возводить, заводить, конструировать, проектировать, моделировать, строить, намечать, планировать, программировать, изобретать.

4. Создание общества, организации; научной теории или идеи: образовывать, организовывать, основывать, учреждать, формировать, создавать.

5. Создание целого из элементов, приведя их в систему: систематизировать, составлять, создавать, формировать.

6. Создание условий, обстоятельств, атмосферы: налаживать, устанавливать, устраивать, учреждать, окружать.

7. Улучшение, развитие уже имеющего объекта: поднимать, увеличивать, углублять, усиливать.

8. Планирование и создание абстрактного объекта – идеи, мысли, плана: выдумывать, вырабатывать, придумывать, измышлять.

Учёт толкования, семантики объектов и доминанты каждой из подгрупп, позволил распределить китайские глаголы с общим значением «создание объекта в результате интеллектуальной деятельности» по восьми подгруппам.

1. Создание художественного произведения искусства: музыки, произведения живописи, литературного произведения:

编曲, 编写, 创作, 构图, 绘画, 刻画, 描绘, 描述, 描写, 拟定, 谱, 起草, 塑造, 写, 写作, 制作, 著述, 作画, 作曲, 作诗 出版, 发表, 刊登, 刊载,

2. Создание скульптурного изображения:

雕铸, 雕刻, 雕琢, 雕塑, 塑造

3. Создание технического объекта: строения, модели строения:

建造, 建模, 修建, 构造, 构筑, 设计, 构拟

4. Создание общества, организации; научной теории или идеи:

成立, 创立, 创建, 筹建, 建立, 设立, 设置, 组建, 组阁.

5. Создание целого из элементов, приведя их в систему:

组建, 组织, 构成, 筹划, 计划, 规划

6. Создание условий, обстоятельств, атмосферы:

营造, 创造, 设置, 制造, 建立

7. Улучшение, развитие уже имеющегося объекта:

巩固, 深化, 加深, 强化, 加强

8. Планирование и создание абстрактного объекта – идеи, мысли, плана:

创造, 发明, 想出

Рассматривая группу глаголов создания объекта, необходимо сказать о том, как определяется объект в лингвистике. Лингвистический Энциклопедический словарь определяет объект как формальную и содержательную единицу синтаксиса, в содержательном плане представляющую собой «имя предмета или лица, на который направлено действие, выраженное глаголом» [Ярцева]. Логико-философское определение представляет объект как «то, что существует вне нас и независимо от нашего сознания и является предметом познания, практического воздействия» [Кондаков]. В нашем случае актуальным является прямой объект как основная грамматическая форма, указывающая на результат любого воздействия, но также и содержание того нового объекта, который создан в процессе интеллектуальной деятельности. Основной характеристикой интеллектуальной деятельности является её предметность, где предмет в своём независимом существовании подчиняет себе деятельность субъекта, а как образ предмета, с отражением его свойств, он возникает в результате деятельности субъекта [Черкасова 2012].

Взаимозависимость субъекта и объекта в реальном производстве объекта поставила перед необходимостью детального анализа специфики этих компонентов в их лингвистической составляющей. Что может стать объектом, созданным в результате интеллектуальной деятельности? Это может быть написанный писателем роман, разработанный группой архитекторов музейный комплекс, вновь созданное научное общество, обнаруженный и изучаемый учёными генетический феномен. Создание каждого из этих объектов требует от создающего их выполнения определённых мыслительных процессов или воплощения образных задач. Обнаружение нового аспекта в известном ранее физическом или математическом знании можно предсказать, запланировать. Большинство объектов, содержащих эстетическую составляющую, не всегда создаётся методами точного знания. Для максимально адекватного выделения объекта с компонентой интеллектуального воздействия необходимо знать, что представляет собой этот вид деятельности. Интеллектуальную деятельность определяют, с одной стороны, как использование человеком «способностей рационального познания». С другой стороны - это также и творческая – мыслительная, духовная - деятельность, результатом которой может быть только объект, вновь созданный. Рациональная деятельность, как разновидность интеллектуальной деятельности, представляет собой «деятельность, осуществляемую при помощи рациональных, логических умозаключений. Результаты, объекты создания, полученные в результате действия этих двух аспектов интеллектуальной деятельности, оказывают дальнейшее влияние и на последующие научные изыскания, и на поиски в области художественной деятельности субъекта» [Черкасова].

Интеллектуальная деятельность носит идеальный характер. Логически выстроенная мысль, на основе уже известного, но при обязательном наличии нового производит результат в виде объекта – произведения науки, литературы, искусства, в виде изобретения или создания новой организации, структуры, в создании которой принимал обязательное участие субъект. В качестве объекта как результата деятельности рассматриваемой группы глаголов выступают содержащие эстетический компонент произведения художественной литературы, музыки, живописи, скульптуры. От объектов - результатов научно организованного действия, их отличает создание несуществующей, виртуальной реальности, в создании которой принимают участие «многие (если не все) виды искусства...» [Черниговская 2001].

В процессе работы над ЛСГ глаголов интеллектуального воздействия на объект было выделено три вида объекта, которые могут быть результатом действия глаголов интеллектуального воздействия объектов:

-общество, организация, новое научное направление для создания которых требовалось обязательное участие субъектов – носителей того или иного интеллектуального знания: философов, физиков, биологов, политиков, экономистов;

-новый этап в формировании социальных, поведенческих, интеллектуальных основ личности;

-произведение литературы, музыки, живописи.

Отдавая себе отчёт в недостаточно точном выделении и не абсолютно корректном формулировании по своему результативному содержанию объектов, укажем, что за основу в этой работе были взяты те объекты, которые представлены в примерах, приведённых в Корпусе русского языка, а также в примерах из текстов разных уровней. Научно обоснованная формулировка объекта – результата интеллектуального воздействия была обнаружена лишь в текстах правового содержания, где речь идёт о законодательных актах в адрес этого объекта, но которые не содержат определения данного вида объекта. В [Архипова 2000] в качестве интеллектуального объекта упоминаются произведения литературы, музыки, живописи. В макрогруппе глаголов созидания этот автор выделяет группу обобщённого действия с интегральным признаком «творческим трудом и усилием вызывать к жизни, давать существование чему-либо». По характеру создаваемого объекта автор указывает подгруппу с интегральным признаком «создавать художественное произведение (музыкальное, литературное, скульптурное)». В указанной работе не рассматривается сущность интеллектуальной деятельности, а анализ глаголов проводится без указания специфики воздействия на указанные объекты интеллектуальной деятельности, что, вполне вероятно, не являлось целью автора работы.

Отличительной чертой, в определённой степени затрудняющей анализ глаголов данной группы, является то, что глаголы «группы создания объекта в результате интеллектуальной деятельности» тесно связаны с лексико-семантической группой глаголов мышления с доминантой думать, общее значение которых – «погружаться в какие-л. мысли, размышления, предаваться раздумью», направлять мысли на кого-что-н., размышлять» [Гуднов 2014], а также с глаголами физической деятельности.

Значимое отличие глаголов группы «создания объекта в результате интеллектуальной деятельности» от глаголов мыслительной деятельности заключается в участии физического труда, идущего параллельно мыслительному процессу или завершающему создание объекта, что в свою очередь, вызывает связь группы глаголов интеллектуальной воздействия с группой глаголов физического воздействия на объект – класса глаголов со значение «создания объекта, его изменения, разрушения и уничтожения». Связь между глаголами этих групп просматривается в том, что глаголы «группы физического воздействия на объект» в глаголах рассматриваемой группы развили производные значения результатов. Так, глагол производить - производить продукцию развил значение интеллектуального действия: производить анализ. Значение результатов интеллектуальных актов развили глаголы восстановить: восстановить дом – восстановить прошедшее; воспроизводить: воспроизводить капитал – воспроизводить события давно минувших дней [Тропинина1984]. Отмечается, что «к полю 'глаголов физического воздействия на объект' примыкают 'глаголы практической деятельности' в той части, в которую входят глаголы воздействия на объект человеком. Во взаимодействии глаголов этих групп преобладает направление от поля практической деятельности к полю интеллектуальной деятельности: глаголы рисовать, дорисовать рисунок - рисовать, дорисовать образ, проектировать здание – проектировать дальнейшие действия развили значение «представлять» [там же]. В группе глаголов «создание объекта в результате интеллектуальной деятельности» глагол рисовать - «воспроизводить предметы на плоскости /карандашом, пером углем/» имеет прямое значение создания объекта с эстетической составляющей, совершённое при физическом участии автора. И во втором значении: «являться, изображением или описанием чего-либо» также входит в группу «создания объекта в результате интеллектуальной деятельности». Глагол проектировать в анализируемой группе имеет значение «принимать участие в подготовке и планировании объекта архитектурного сооружения», объекта, также вмещающего понятие об эстетическом воздействии.

От глаголов мыслительной деятельности глаголы рассматриваемой группы отличают актантные особенности глаголов этих групп. Для глаголов группы «создание объекта в результате интеллектуальной деятельности» винительный падеж без предлога можно считать доминантным. У глаголов мышления «объектная актантная позиция, сочетание думать с прямым дополнением - думать что – встречается редко», а пример, где этот глагол представлен в сочетании: «...думать одновременно многие мысли» представлен как авторский вариант такой формы [Гуднов 2012: 37]. Отличие глаголов указанных групп заключается и во внеязыковой сфере. Результатом процесса мышления является мысль – идеальный объект, сформировавшийся в сознании субъекта. Вопрос необходимости сделать эту мысль достоянием других решается самим субъектом. Результатом интеллектуального воздействия становится какой-то определённый объект. Он производился с целью стать

известным другим субъектам. Для этого со стороны субъекта – производителя этой деятельности – необходимы физические усилия по изготовлению этого объекта и распространению его. Это объясняет, почему в группу глаголов «создания объекта в результате интеллектуального воздействия» входят глаголы практической деятельности: производить, выпускать, издавать.

Конкретизация значений слов, занимающих субъектные и объектные позиции – важный и необходимый аспект лексической работы в любой аудитории, особенно в аудитории иностранных учащихся и особенно при обучении языку, в значительной степени отличающемуся своим лексическим составом и структурными характеристиками от родного языка. Укажем на некоторые особенности лексической сочетаемости глаголов анализируемой группы в русском и китайском языках. Так, при сопоставлении сочетаемости русского и китайского глагола ваять в подгруппе «создание скульптурного изображения» обнаружилось: русский глагол лексически сочетается прямо с лексемой человек или с лексическим обозначением части организма человека: ваять можно «человека: во всю плоть, в полную плоть; или в полплоти, в четверть плоти и пр.» /словарь В.Даля/. В китайском языке глаголы данной подгруппы не могут вступать в подобные сочетания. Например, возможное для русского языка выражение: Сделал вывод, что в этом деле мало хорошо рисовать и ваять [Корпус русского языка] невозможно в китайском языке, где глагол создавать в качестве объекта имеет только скульптуру человека. Например, «雕塑列宁半身像» – создавать бюст Ленина. Хотя в разговорном стиле возможен вариант – «你在做什么?» - «雕塑列宁» - Что ты делаешь? -Создаю бюст Ленина. В разговорном стиле глагол «雕塑» – «雕» не используется.

Необходимо отметить явление, которое включено в историческую эволюцию любого литературного языка. В своём развитии язык проходит ряд «снижений», переходов из одного стилистического регистра в другой, когда наблюдается использование профессиональной лексики литературного языка в разговорном стиле. Глагол ваять имеет значение «создавать скульптурные изображения из камня, дерева, металла, кости путём высекания, лепки, резания и т.п.». В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова указывается, что глагол «ваять» – «создавать художественные произведения в форме лепных, резных изображений: Скульптор ваяет бюст Наполеона - принадлежит книжной речи. Словари указывают также и на переносное значение этого глагола - «изготавливать что-либо в шутовском контексте»: Она ваяла душераздирающие лав стори, которые критика нещадно ругала за отсутствие вкуса и элементарных писательских навыков [Корпус русского языка]. Это переносное значение позволило перейти этому глаголу в сниженный вариант разговорного стиля речи: Очередную риблуду ваяю ща / анализ состояния завода... в три дня / придурки...[Корпус русского языка].

В сниженном варианте разговорного стиля речи используется и глагол лепить. Актуальное для нашей работы значение «делать изображение, сооружать из пластического, мягкого материала» в современном молодёжном языке приобрело значение «говорить неправду, обманывать». «Что ты мне лепишь?» – говорит молодой человек, если он не верит тому, что ему говорит его друг. А человека, который часто говорит неправду, на языке современной молодёжи называют лепила. Таким образом, наблюдается, как в двух глаголах из группы интеллектуального воздействия на объект, из подгруппы интеллектуального и физического участия создателя этого объекта произошло снижение их первоначального значения с высокого, профессионального - до разговорного, жаргонного.

В китайском языке глаголы данной подгруппы не имеют свойства переходить в состав разговорной, сниженной речи. Но и русский, и китайский глагол из данной узкой подгруппы могут в метафорическом значении использоваться в значении «создавать что-то словами». В русском языке глагол ваять в контексте может иметь значение «создание литературного образа». В китайском языке глагол 塑造 - «создавать скульптуру из пластичного материала» тоже может так использоваться.

В первой подгруппе из выделенных восьми глаголы выдавать, выпускать, издавать, печатать, публиковать имеют значение «выпускать в свет». Субъектом этих глаголов являются и автор, и издательство. В китайском языке такие глаголы также имеют значение «выпускать в свет»: 出版, 刊登, 刊载, 发表. Субъектом этих глаголов, кроме глагола 发表, являются и автор, и издательство. Субъектом глагола 发表 является только автор.

Русские глаголы сочинять, досочинять, писать со значением «создавать музыкальное произведение», одновременно могут иметь значение – «создавать литературное произведение». Но китайские глаголы 作曲, 编曲, 谱, 制作, 创作, 写, / кроме глаголов 创作, 写, которые имеют только значение «создавать музыкальное произведение»/ не используются в значении «создавать литературное произведение»/.

Анализ глаголов данной группы проводился с использованием «Большого толкового словаря русских глаголов» Л.Г. Бабенко; «Словаря русского языка» С.И. Ожегова; «Большого толкового словаря современного русского языка» Д.Н. Ушакова; «Современного толкового словаря русского языка» Т.Ф. Ефремова; «Словаря русского языка в 4-х томах» под редакцией А.П.Евгеньевой. Толкования этих словарей, а также взятые из

Корпуса русского языка примеры, показали, что включение некоторых глаголов в группу «создание объекта в результате интеллектуального воздействия» не совсем правомерно. Те основы, на которых произведено разделение глаголов этой группы – определение субъектных и объектных актантов и их роль в формировании семантики и функционировании глаголов этой группы - не выявляются у некоторых глаголов, объединённых согласно «Большому толковому словарю русских глаголов» в эту группу.

В одной из выделенных подгрупп есть глагол – окружать: «создавать вокруг кого-либо какую-либо эмоционально-психологическую атмосферу». Функцию объекта с глаголами анализируемой группы выполняет винительный падеж. У глагола окружать актантную позицию занимает объект в форме творительного падежа: Она хотела окружить его заботой, лаской, несмотря на недавнюю ссору /Бабенко/, где объекты забота и ласка указывают на созданную атмосферу, необходимую субъекту, но не указывают на произведённый им объект. В китайском языке глагола, эквивалентного русскому глаголу окружать, нет. Чтобы приобрести подобное значение, иероглиф должен содержать определённые добавления.

Глагол собирать в этом словаре описан как синоним глагола компоновать и объясняется как: «создавать что-либо целое из каких-либо отдельных элементов». Но словарь А.П.Евгеньевой из 11 толкований ни в одном не представляет этого глагола с семантикой создания интеллектуального объекта. Большая часть толкований этого глагола представляет этот глагол со значением «создание объекта в результате физической деятельности».

Глагол фантазировать в толкованиях описан имеющим значение «создавать что-нибудь в своём сознании», без указания на конкретный объект. В семантике этого глагола есть компонент «сочинять что-либо». Однако примеры из указанных источников не дали ни одного случая, когда объект в форме винительного падежа представлял бы с этим глаголом созданное что-либо, что можно считать результатом интеллектуальной деятельности.

Глаголам комплектовать - «составлять комплекты, набирать должное количество лиц, дополнять до комплекта» и компоновать – «составлять целое из отдельных частей» - даны толкования, не указывающие на семантику составленного целого. В силу указанных причин представляется проблематичным включение глаголов комплектовать, компоновать, собирать, фантазировать в список глаголов «создание объекта в результате интеллектуальной деятельности».

Глагол работать в «Толковом словаре русского языка» под редакцией С.И. Ожегова в актуальном для исследуемой группы значении толкуется: «1. Трудиться над чем-н., а также вообще находиться в действии, в работе». В словаре А.П.Евгеньевой из семи толкований к анализируемой группе относится второе: «трудясь, создавать, совершенствовать или изучать что-то». Позицию актанта при этом глаголе в данном толковании занимает существительное в творительном падеже: работать над чем. Эта грамматическая форма указывает на процесс создания объекта и имеет общее значение «совершенствование результатов какого-то труда». Этому процессу сопутствует творческий анализ создаваемого объекта, в связи с чем этот глагол может быть актуален в любой из подгрупп данной группы глаголов.

Авторы предполагают, что представленный в сообщении анализ поможет преподавателю РКИ проводить лексическую работу, связанную с системой русского глагола, более производительно.

Список литературы

1. Архипова Л.В. Управление глагола как проявление его семантический свойств: на примере глаголов лексико-семантической группы созидания.// Тамбов. 2000. [<http://www.dissercat.com>]
2. Васильев Л.М. Семантика русского глагола. - М.: Высшая школа, 1981. -184 стр.
3. Гуднов Р. Семантика и функционирование глагольных синонимов с доминантой «думать» в современном русском языке // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. //Филол. наук. - 2012. - № 2. - Стр. 35–46.
4. Кондаков Н.И. Логический словарь. -М.: Наука, 1971.-656 стр.
5. Тропинина Н.П. Лексико-семантические связи групп глагольной лексики (на материале глаголов интеллектуальной деятельности): автореф. Дисс. ...канд.фил.наук. - Киев, 1984. - 17 стр.
6. Уфимцева А.А.Лексическое значение. - М.: Либроком, 2009. - 239 стр.
7. Черкасова С.А. Психолого-педагогические условия благоприятного психологического развития детей с ослабленным здоровьем // Прикладная психология и психоанализ: URL: <http://ppip.idnk.ru> . N3, 2012.
8. Черниговская Т.В. В своём ли мы имени? // Альманах «Канун», вып.2 «Чужое имя». - СПб., 2001. - Стр. 246-260.
9. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. - М.: Рус. яз., 2000
10. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. - М. 1960, с.270.
11. Ожегов С.И.Словарь русского языка. - М.: Русский язык, 1985.- 796 стр.

12. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. - М. Сов. энцикл.: Огиз, 1935— 1940.
13. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1993. - 683с.
14. 范晓 (Фань Сяо) 动词的“价”的分类语法研究和探索. - 语文出版社, 1991. - Стр.23.
15. 孟琮 (Мэн Цон) 汉语动词用法词典. - 商务印书馆, 1999. - Стр. 9.
16. 王丽 (Ван Ли) 试论汉语口语的特点. - 天津师范大学, 2007. - Стр. 15-30.
17. 周国光 (Чжоу Гуогуан) 现代汉语动词的配价研究. - 安徽师范大学语言研究所, 1996. - Стр. 11.
18. 张静 (Чжан Цзин) 新编现代汉语. - 上海教育出版社, 1980. - Стр. 245.
19. 朱景松 (Чжу Цзинсон) 与工具成分有关的几种句法格式. - 安徽师大学报, 1992.-Стр. 15.
20. Национальный корпус русского языка <http://ruscorpora.ru/>
21. 汉语语料库在线 (Онлайн корпуса китайского языка) <http://www.cnscopus.org/>
22. 中国传媒大学文本语料库 (Корпус китайского языка Связи университета Китая) http://ling.cuc.edu.cn/RawPub/zuhejuhao.aspx__

ТЕОРИЯ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ КАК ЧАСТЬ ЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТА: К ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ (ЛИНГВОФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ)

Бузальская Е.В., Любимова Н.А.

Санкт-Петербургский государственный университет

Речевой жанр – многогранный объект исследования, входящий в терминологический аппарат разных лингвистических концепций: как известно, единицы, большие по объёму, чем предложение, изучаются в лингвистике текста, теории текста, стилистике текста, теории речевых жанров (жанроведении) и теории речевых актов (генристике). При этом для описания этих объектов используются такие термины и понятия, как текст, тип текста, жанр речи, дискурс, речевой акт, речевая стратегия, речевая тактика, форма текстовой организации и т.п. Вследствие того, что некоторые термины и понятия используются сразу несколькими областями науки, значение их колеблется. Так, например, все указанные области науки в своём терминологическом аппарате содержат термин жанр, который трактуется в данных областях лингвистики по-разному. Определение значения термина и круга концептуально связанных с ним понятий, необходимых каждый раз при анализе конкретного речевого жанра, зависит от того, в проблематике какой из указанных областей науки находится ответ на вопрос о построении его типологии. Для определения иерархии единиц терминологического аппарата анализа сложного речевого жанра в лингвокогнитивном аспекте необходимо обратиться к описанию общей проблематики развития лингвистической мысли в XX веке.

В настоящее время Теория речевых жанров является, наряду с Теорией речевых актов и Типологией текстов, частью направления, получившего название Лингвистика текста. Вероятнее всего, это термин представляет собой кальку с английского понятия Text Linguistics (дословно: лингвистические характеристики текста), которое сформировалось, в свою очередь, в результате адаптации немецкого Textwissenschaft (дословно: наука о текстах). Текст и в английской традиции, и в немецкой школе, означал и сам объект как результат, и принцип линейной связности его единиц. Вследствие этого можно сказать, что замена компонента «наука» термином «лингвистика» является прямым указанием на то, что в качестве базового основания для построения типологий, имеющих лингвистическое содержание, используются данные других наук (психологии, когнитивистики, литературоведения, культурологии). При этом исследование остается в рамках лингвистики. Данное наблюдение подтверждается и тем фактом, что в исследованиях, имеющих междисциплинарный характер, данная область именуется не Text Linguistics, а Science about texts. Представляется, что Heinrich Plett, выделяя три области науки о тексте – теоретическую, состоящую из теории лингвистики, теории литературоведения и стилистики; прикладную, включающую методологию анализа и практическую стилистику; литературоведческую и стилистическую интерпретацию текста [Plett 1975] – указывал на то, что исчерпывающий анализ такого объекта возможен только при комплексном подходе к исследованию, цель проведения которого может лежать как в области лингвистики, так и стилистики и литературоведения.

Перенесённый в отечественную науку термин «Лингвистика текста» выбивался из традиций привычной схемы именовании областей наук, о чем писали многие исследователи (например [Зиндер 1997: 40-41]). Без учёта специфики значения термина текст конструкция наука какого-либо объекта представляла неясной. Возникло два варианта его «прочтения». 1. Понятие лингвистика (объекта) трактовать как метонимию – как лингвистические

характеристики (объекта) так же, как, например, физика зачастую понимается как физические характеристики объекта (физика твердых тел, физика жидкостей и пр). 2. Возможность существования термина «лингвистика текста» может объясняться и наличием эллипсиса как, например, в понятиях синтаксис разговорной речи (от: синтаксические структуры разговорной речи), морфология слова (от: морфологический состав слова). В любом случае, понятие лингвистика текста изначально было призвано обозначать область лингвистики, задачей которой был анализ характеристик линейного текста для выявления разного рода закономерностей его организации. В связи с этим в отечественной лингвистике текста традиционно были выделены такие объекты анализа, как функциональный синтаксис, средства связности, структура текста, референциальное поле, национальная специфика текста. Это свидетельствует о том, что «текст» понимался в данном случае в значении, близком к исходной трактовке его как полотна (от лат. *textus* – «сплетение», «ткань») – общего принципа связи разнородных языковых единиц, имеющих определённые характеристики и предназначенных для выполнения определённых коммуникативных задач. С течением времени, в связи со сменой научных парадигм, содержание понятия Лингвистика текста менялось.

В Европе лингвистика текста появилась в период структурализма, поэтому её истоки лежат в философии моделирования лингвистических объектов. Согласно точке зрения структуралистов, структура объекта – это некое расположение компонентов, представляющее собой систему, наделённую внутренней связью, которая обнаруживается при изучении её трансформаций, благодаря чему в несхожих с виду системах выявляются общие черты [Levi-Strauss 1967]. Согласно этому определению, в структурализме текст — социальная данность, возникающая на базе разного рода логических структур. В связи с этим в 1950-е годы лингвистика текста трактовалась как одна из синтаксических теорий²³, однако уже в 1960 (в Европе) и 1970-е годы (в СССР) её стали относить к субдисциплинам, входящим в состав лингвистики [Никонова 2008], что позволило поставить вопрос о единицах текста и о его категориях. К концу 1970х гг в мировой науке и в СССР на лингвистику текста стали смотреть уже как на отдельную дисциплину интегративного характера. При этом текст стал восприниматься как суперзнак, который не равен сумме составляющих его элементов [Oomen 1979: 274], или, точнее, как семиотический объект, «который может быть интерпретирован в качестве знака» [Petöfi 1980: 19], поскольку представляет собой единицу коммуникации, а не языковой системы.

В 1980-е годы, вследствие перехода от логики структурализма к постструктурализму, текст стали воспринимать как коммуникативное единство двух разнонаправленных процессов — процесса порождения (конструирования) и процесса восприятия (реконструкции) речевого сообщения. Переход от структурализма к постструктурализму поставил под сомнение релевантность системного подхода к явлениям, созданным человеком. Одним из наиболее ярких событий этого направления является работа Умберто Эко «Отсутствующая структура». Если для структуралистов выявленные структуры текста были объективной данностью, проявляющей механизмы работы мозга, то для У. Эко структура — это всего лишь познавательная модель, из чего автор делает вывод о том, что с онтологической точки зрения структуры не существует. Постструктурализм, отрицающий таким образом социальную природу сложных лингвистических единиц, относится к тексту как к проявлению интертекстуальности – фрагментарности, размытости жанровых и текстовых границ, цитатной природе любого текста, авторской неопределенности. Так, в теории постструктуралистов текст представляет собой «не линейную цепочку слов, выражающих единственный, как бы теологический смысл (сообщение Автора — Бога), но многомерное пространство, <...>; текст соткан из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников» [Барт 1994: 388]. Согласно Р. Барту, в тексте автор не выражает себя, а является всего лишь инструментом, отражающим состояние современной ему культуры. Фактически такая точка зрения на текст и делает его неисчислимой бесконечной материей. Дальнейшие размышления привели исследователей к необходимости замены термина интертекстуальность на транспозицию, «на основе которой становится возможным построение системы трансформаций» [Эко 2006: 343], вероятно, вследствие понимания текста как синтагматической манифестации языковой системы [Hielmslev 1961: 109; Hartman 1972: 3²⁴; Harris 1964: 356-357 и др.], противопоставленной парадигматической, закрытой системе структур.

В России наступившая эпоха исследований сложных лингвистических объектов получила название коммуникативно-прагматической парадигмы. Несмотря на то, что в России, следом за Европейской наукой,

²³ См., например: «Семантическое пространство текста - это гибкая (вследствие выбранного способа членения), рыхлая (вследствие большой локальной неполноты и неоднозначности в естественном тексте), естественная <...> структура, безразличная к важности составляющих её единиц и потому добросовестно отражающая все, что она "поняла" имеющимися у неё средствами. <...> От лингвистического анализа ожидается... построение семантического пространства путём интерпретации связей синтаксической структуры, причём желательно, чтобы узлы этой структуры максимально обозначали границы будущих понятий смысловой структуры. Такую структуру оставляет <...> синтаксическое пространство предложения» [Леонтьева 1982: 133].

²⁴ «Text <...> ist dann Sprache in dem Zustand und in der form, wo sie Äußerung, Mitteilung und damit etwas Verstehbares ist bzw. ist geworden» [Hartman 1972: 3].

произошёл поворот к постструктурализму, отечественные исследователи в большей мере лишь формально следовали общим тенденциям лингвофилософии²⁵. Структурализм оказался генетически сходен с русским формализмом, усиленным (но и в определенной мере и упрощённым) материалистической идеологией. Поэтому идеи М.М. Бахтина, а также позитивистов А.А. Потебни, Д.Н. Овсяннико-Куликовского и некоторых других учёных и оказали столь существенное влияние на европейский структурализм, американский прагматизм (Ч. Пирс) и неопозитивизм (Л. Витгенштейн, Дж. Остин, Дж.Серль и др.). Однако заложенный в начале XX века в трудах П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, А. Ф. Лосева, Г.Г. Шпета и др. синтез структурализма и русской феноменологии оказался отложен на несколько десятилетий. Их труды дали начало особой траектории развития лингвофилософской мысли, глубинной целью которой было доказательство рациональности религиозно-феноменологической основы языковой системы²⁶, в которой слово структурирует бытие и одновременно является его сущностью. Но эта линия была прервана произошедшими геополитическими переменами, и в конце 1970-х гг – начале 1980-х гг. феноменологические категории пришли в отечественную лингвистику «извне», вместе с теорией неисчислимости и децентрированности текста.

С позиций этой теории язык — априорно данный человечеству иррациональный источник, в котором нет объективных критериев для построения каких бы то ни было структур [Derrida 1967]. Так, например, у Лакана законы языка конституируются не социумом, не коллективным сознанием, а прежде всего самим бессознательным, в котором объективно существующее символическое создает человеческое сознание [Lacan J. 1966: 46 цит. по: Эко 2006: 329]²⁷. Постулируемая Ж. Деррида децентрация является не следствием отсутствия каких бы то ни было структур, а результатом принципиальной бесконечности их проявлений в рамках поля «где в пределах замкнутой системы осуществляется непрерывный процесс подмены» [цит. по: Эко 2006: 453]. Следовательно, любая сложная структура в языке предстала как следствие транспозиции предыдущих форм и начало новой формы, основанное на «воображаемой связи» с предшествующими. Деррида [Derrida 1973, Деррида 2007: 35] настаивает на необходимости учёта связи между мыслью и знаком, оставляющим в культуре «след» этой мысли, становящийся началом для нового знака. И.П. Ильин по этому поводу замечает, что в таком случае «вся система языка предстает как платоновская «тень тени», как система следов, т.е. вторичных знаков, в свою очередь опосредованных конвенциональными схемами конъюнктурных культурных кодов читателя» [Ильин 1983: 111]. С этих позиций любой жанр, имеющий историю своего становления, тоже относится к таким «теням теней».

Таким образом в рамках лингвистики текста произошел сдвиг ракурса исследований: 1) с психологических основ формирования линейной материи текста к поиску 2) логических структур, формирующихся под воздействием коммуникативной ситуации и 3) к обнаружению когнитивных структур, лежащих в области коллективного сознания. Несмотря на то, что в философии лингвистики трактовка текста и связанных с ним формаций претерпела столь существенные изменения, смена позиций никогда не выводила объект исследования за рамки лингвистики. Представляется возможным представить современную лингвистику текста в виде трёх уровней, соответствующих трём научным парадигмам XX века:

1) уровень собственно лингвистический, для которого релевантными являются фонетика, морфология, лексикология и синтаксис;

2) психолингвистический (коммуникативно-прагматическая парадигма), в русле которой сформировались а) теория текста – область науки, исследующая процесс порождения текста и его восприятия и б) генристика (теория речевых актов);

3) лингвокогнитивный (современная парадигма, когнитивно-дискурсивная²⁸), с теорией речевых жанров и концептологией (Рисунок 1).

Таким образом, появление теории текста, теории речевых жанров и теории речевых актов (именуемой также генристикой [Дементьев 2010: 43]) является следствием перехода лингвистики сначала к системно-структурной парадигме (структурализм и постструктурализм), и затем к коммуникативно-прагматической (породившей теорию номинации, теорию референции, теорию речевых актов) и, наконец, когнитивно-дискурсивной. Различие в данных теориях связано с тем, как интерпретируется текст, с точки зрения каких параметров он рассматривается: как линейное полотно языковой материи (теория текста), как прагматически

²⁵ Несмотря на это, невозможно считать адекватно передающими реальное положение дел слова о том, что «теоретическое языкознание в Советском Союзе перестало быть наукой и стало идеологией» [Кривоносов 2012: 592].

²⁶ См., например: «наше мышление состоит из духовных явлений, называемых представлениями, в их различных сочетаниях и из чувства соотношения этих представлений. Представлением, как известным духовным явлением называют тот след ощущения, который сохраняется некоторое время после того, как не действует уже причина, вызвавшая ощущение, и который впоследствии может воспроизводиться по действию закона психической ассоциации» [Фортунов 1956: 111].

²⁷ «C'est ainsi que si l'homme vient à penser l'ordre symbolique c'est qu'il y est d'abord pris dans son être. L'illusion qu'il l'ait formé par sa conscience, provient de ce que c'est par la voie d'une béance spécifique de sa relation imaginaire à son semblable, qu'il a pu entrer dans cet ordre comme sujet».

²⁸ Термин, как известно, предложен Е.С. Кубряковой [Кубрякова 1997, 2004, 2009].

ориентированная парадигма речевых актов (генристика) или как реализация культуро-специфических моделей ментального поля (жанроведение).

Рис.1. Структура современной лингвистики текста

Примечание. ТРА – теория речевых актов

Вследствие этого представляется необходимым учитывать изменение значения терминологических единиц, используемых при описании лингвистических объектов. Так, например, в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы речевой жанр можно определить, как лингвокогнитивную структуру, а) принятую геокультурным пространством в качестве модели реализации речевой стратегии; б) обусловленную не ситуативно, а системно; в) потенциально стилистически переходную; г) имеющую историю своего становления в пространстве культуры (оставляющую фиксированный «след» мысли).

Список литературы

1. Барт, Р. Смерть автора [Текст] / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Издат. группа "Прогресс", 1994. – 615с.
2. Дементьев, В.В. Теория речевых жанров [Текст] / В.В. Дементьев. – М.: Знак, 2010. – 600с. – (Коммуникативные стратегии культуры).
3. Деррида, Ж. Позитивизм [Текст] / Ж. Деррида/ пер. с фр. В.В. Библихина. – М.: Академический Проект, 2007. – 160с. – (Философские технологии).
4. Зиндер, Л.Р. Теоретический курс фонетики современного немецкого языка. Учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности "Филология" [Текст] /Л.Р. Зиндер. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. – 184 с.
5. Ильин, И.П. Теории знака Ж. Дерриды и её воздействие на современную критику США и Западной Европы (обзор) [Текст] / И.П. Ильин //Семиотика. Коммуникация. Стил. Сборник обзоров. – М. АНСССР, 1983. – С. 108-125.
6. Кривоносов, А.Т. Философия языка [Текст]/ А.Т. Кривоносов. – М. – Нью-Йорк: Азбуковник, 2012. – 786с.
7. Кубрякова, Е.С. В поисках сущности языка: вместо введения [Текст]/ Е.С. Кубрякова // Когнитивные исследования языка. Вып.4. «Концептуализация мира в языке». М., Тамбов. 2009. – 490с.
8. Кубрякова, Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира[Текст]/Е.С. Кубрякова.– М.: Языки славянской. Культуры, 2004. – 560 с.
9. Леонтьева, Н.Н. О компонентах системы понимания текста [Текст]/ А.А. Леонтьев // Уровни текста и методы его лингвистического анализа. – М. 1982 – с. 124-140.
10. Никонова М.Н. Теория текста: учебное пособие [Текст]/ М. Н. Никонова. – Омск: Изд-во Ом ГТУ, 2008. – 240с.
11. Фортунатов Ф.Ф. Сравнительное языковедение[Текст]/ Ф.Ф. Фортунатов Ф.Ф. //Избранные труды, т.1.- М. 1956. – 924с.
12. Эко У. Отсутствующая структура. введение в семиологию [Текст]/ У. Эко. – Санкт-Петербург : Symposium, 2006. – 538с.
13. Derida J. Force et signification// Derrida J. L'écriture et la différence/ Paris. 1967

14. Derrida J. *Speech and phenomenon and other essays on Husserl's theory of signs*. – Evanston: Northwestern univ.press. 1973. -XIII, 166p.
15. Harris Z.S. *Discourse Analysis*// in J.A. Fodor and J.J. Katz (eds.): *The structure of Language: Reading in the Philosophy of Language*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1964, p. 355-383
16. Hartman P. *Text, Texte, Klassen von Texten*// in W.A. Koch (ed.): *Strukturelle Textanalyse – Analyse du recit – Discourse analysis*. Hildesheim: Olms: 1972, p. 3-22
17. Hjelmslev L. *Prolegomena to a Theory of Language*. Madison: The University of Wisconsin Press, 1961
18. Levi-Strauss C. *Razza e storia*. Torino, 1967
19. Oomen U. *Text and Sentences* // in J.S. Petöfi *Text vs sentences : Basis Questions of Textlinguistics* Yamburg, Buske, 1979
20. Petöfi J.S. *Written, Spoken, and Face-to-Face Verbal Communication: Some Philosophical Aspects of the Investigation of Natural Language*// in H.-J. Eikmeyer, W. Heydrich and J.S. Petöfi 1980, p. 43-72

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СИНОНИМИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ДИНАМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СИСТЕМЕ СРЕДСТВ ОТНОСИТЕЛЬНОГО ПОДЧИНЕНИЯ

Гетманская М.Ю.

Пятигорский государственный лингвистический университет, г.Пятигорск

Данная статья посвящена описанию специфики проявления синтаксической синонимии в системе сложных предложений с относительным подчинением. Под термином синтаксические синонимы в лингвистике понимаются «параллельные синтаксические конструкции в составе предложения, которые, обозначая одно и то же явление действительности и имея общее функциональное значение, отличаются оттенком функционального значения или же стилистически» [Ильенко 1965: 69]. Адаптировав данное определение к специфике изучаемых элементов, получаем следующее исходное положение: синтаксическими синонимами считаются связующие структуры относительных сложноподчинённых предложений, в контексте передающие один тип отношений, но различающиеся семантическим или стилистическим оттенком. С этих позиций синонимия выступает в качестве интегрирующего фактора в семантической системе союзных слов, обеспечивающего функционирование разнообразных элементов как единого целого. Отметим также, что проблема синонимии относительных местоимений современного русского языка не была предметом специального лингвистического исследования.

Специфика отношений связующих элементов синтаксических структур, входящих в состав одного или нескольких смежных функционально-семантических полей и образующих синонимические ряды наиболее ярко прослеживается на примере прономинатива *который*, выступающего в качестве одной из доминант функционально-семантического микрополя «Атрибутивность» и образующего самый длинный синонимический ряд: *который-какой-кой-кто-что-где-куда-откуда-как-когда*. В качестве примеров рассмотрим следующие атрибутивные структуры: *Мы примем меры, которые нам позволят наше положение* (Куприн. *Гранатовый браслет*); *Шарлотты не существует в том простом смысле, в каком существовала бы обычная старящаяся женщина* (Толстая. *Русский человек на randevu*); *Можно пойти в обычную книжную лавку, коих множество ...* (Толстая. *Нехоженная Греция*).

Функциональные синонимы союзного слова *который* (какой и кой) в представленных примерах выражают общий качественный признак, однако, некоторые различия обнаруживаются на стилистическом уровне. Так, в отличие от стилистически нейтральных связующих элементов *который* и *какой*, относительное местоимение *кой* является стилистически маркированным. Заметим, что стилистическая отмеченность данного союзного слова не приобретает в контексте, но содержится в самой семантической структуре относительного местоимения, что определяет его принадлежность к художественному стилю.

Синонимические отношения связующего прономинатива *который* распространяются и на другие структуры. Например, в предложениях: *... ты пришла меня лишить//Того, кого люблю так страстно,//кого слабей нельзя любить* (Лермонтов. *Измаил-Бей*); *Была в том печальная тайна,//Что страстью преступной зовут* (Есенин. *Анна Снегина*) мы наблюдаем синонимию иного плана. В данном случае различие местоимений-синонимов (*который*, *кто*, *что*) скрыто в семантической структуре двух последних элементов. Рассматриваемые предложения можно квалифицировать как атрибутивно-предметные. Причём степень проявления смыслового оттенка предметности в них различна. Во второй конструкции исконное значение объектности редуцировано, что обуславливает усиление атрибутивного признака. Подобные структуры являются выходящими в функционально-

семантическое микрополе «Предметность». Использование терминов входящие и выходящие конструкции указывает на направление происходящих динамических процессов в семантике исследуемых единиц. При этом выходящими считаются элементы, которые развили или развивают семантику, характерную для смежного функционально-семантического микрополя (в данном случае микрополя «Атрибутивность») [Фигуровская 2004: 332].

Своей спецификой обладают и функциональные синонимы элемента который с темпоральным оттенком: Сильвио остановил меня в ту самую минуту, как я собирался уйти (Пушкин. Повести покойного Ивана Петровича Белкина. Выстрел); За все полвека, что мы были знакомы, я не помню у неё на лице ни одной просительной улыбки (Чуковский. Анна Ахматова); Рыбки, собака, пианино появлялись едва ли не в тот же день, когда девочка о них заговаривала (Улицкая. Сонечка). Особое внимание в этой группе примеров обращаем на редкий случай использования относительного местоимения-наречия как в функции релятивного союзного слова с темпорально-атрибутивной семантикой, которая передаётся не собственно связующим элементом, а контактным словом (минута). Относительный прономинатив как лишь отражает значение полнозначного antecedента. Во второй конструкции сема атрибутивность, обнаруживаемая связующим элементом что, дополняется сразу двумя семантическими оттенками, определяемыми природой контактного слова (полвека): темпоральным и квантитативным. В последнем примере релятивное местоимение когда, выражающее темпорально-атрибутивную семантику, также является синонимом союзного слова который. Однако при синонимической замене связующих элементов в рассматриваемых предложениях следует учитывать различия в их морфологической характеристике, соответственно, для замены прономинатива когда используется предложно-падежная форма союзного слова который.

Это же положение актуально для группы функциональных синонимов с атрибутивно-пространственной семантикой: Через десять минут из того же переулка, где скрылись девочки, выкатилось десять солнц разного размера (Липатов. Серая мышь); Я вошёл в сенцы, куда скрылась и моя болгарочка (Куприн. Гранатовый браслет); Блажен, кто вырос в сумраке лесов, // Под кровом скал, откуда ключ студёный // По дну из камней радужных цветов // Струёй гремячей прыгает, сверкая (Лермонтов. Сашка). При оформлении отношений рассматриваемого типа союзные слова где, куда, откуда сохраняют исходную семантическую дифференцированность и, соответственно, значения локальности и направления, которые, в свою очередь, поддерживаются семантикой контактных слов (переулок, сенцы, кров скал). Учёт исконных значений прономинативов функционально-семантического микрополя «Пространство» необходим при метатрансформации связующих элементов, в частности, для подбора соответствующего предлога при союзном слове который. Данное относительное местоимение «гораздо дифференцированнее передаёт различные оттенки» [Формановская 1978: 87] именно благодаря наличию предлога.

Отметим в целом, что все синонимические отношения, устанавливаемые релятивным союзным словом который, являются двусторонними, за исключением, пожалуй, пары который-как, то есть при определённых синтаксических условиях относительный прономинатив который может не только замещаться этими местоимениями, но и выступать в качестве их субститутов.

Вопросительно-относительное союзное слово который, реализующее исконную семантику выбор из ограниченного числа считааемых предметов, устанавливает синонимические отношения лишь с вопросительно-относительным местоимением какой: Не помню, с которой станции поехал (Пушкин. Повести покойного Ивана Петровича Белкина. Метель); Интересно, какое по счёту издание Молоховец было у его матери (Толстая. Золотой век). Эти контексты характеризуются наличием потенциальной семы квантитативность. Устанавливаемые в них синонимические отношения, равно как в рассмотренных ранее примерах, являются двусторонними.

Элементы с атрибутивной семантикой тесно связаны с относительным местоимением чей, реализующим посессивное значение: чей-кой-который: Мои коллеги, чьим вкусам я доверяю, называют имена многих хороших современных писателей (Толстая. Переводные картинки); Лавря-казак обрядился в новый костюм, к борту коего прицепил ордена (Астафьев. Печальный детектив); В ней не было ничего похожего на местных «дивчат», лица которых носят такое испуганное выражение (Куприн. Олеся). Интегрирующим признаком конструкций этого типа является посессивность, выражаемая союзными словами чей, который, кой. Синонимия указанных элементов характерна лишь для восточно- и южнославянских языков [Беличова 1988: 26]. При этом в двух последних примерах, в отличие от первого предложения с союзным словом чей, связующий элемент располагается дистантно и всегда выражается формой родительного падежа. Позиция средства связи в данных синтаксических единицах обусловлена тем, что союзное слово чей содержит в своей внутренней структуре сему посессивность, а для его функциональных синонимов который и кой указанное значение не является первичным, вследствие чего оно выражается не собственно прономинативом, а образуемым им союподобным комплексом с препозитивным распространителем. В отличие от первой структуры, стилистически нейтральной, два последних предложения стилистически маркированы и используются преимущественно в книжной речи. Двусторонние

синонимические отношения свидетельствуют о возможности взаимозамены союзных слов с посессивным значением.

Таким образом, синонимия относительных местоимений является контекстно обусловленной и представляется новым, мало изученным в современной лингвистике феноменом, открывающим широкие перспективы для исследования союзных слов как особых лексико-грамматических явлений.

Список литературы

1. Беличова Е. Придаточные предложения относительные и посессивность в современных славянских языках//Язык: система и функционирование: Сб. науч. тр. – М.: Наука, 1988. – С.22-30
2. Ильенко С.Г. Сложноподчинённое предложение в различных сферах языкового употребления//Уч. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена. – 1965. - № 268. Вопросы синтаксиса и лексики русского языка. – С.5-113
3. Фигуровская Г.Д. «Входящие» и «выходящие» типы предложений в конструктивно-синтаксических полях//Сб. тез. Второй междунар. конгресс русистов-исследователей. – М.: МГУ, 2004. – С. 331-332
4. Формановская Н.И. Стилистика сложного предложения. – М.: Русск. яз., 1978. – 240 с.

СЕКЦИЯ №17.

ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.02)

РОЛЬ АФФИКСОВ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В ОБРАЗОВАНИИ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ

Чиркоева Д.И., Алексеев И.Е.

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г.Якутск

Одним из особенностей употребления аффиксов принадлежности в якутском языке является их роль в образовании служебных (вспомогательных) слов и словосочетаний. Аффиксы принадлежности выступают как словообразующая форма в составе послелогов, служебных имен, частиц, модальных слов и словосочетаний, иногда наряду с формой множественности или падежей. При этом, в основном, употребляется аффикс 3-го лица (-a, ta), аффиксы других лиц встречаются редко (aba – m (1 л.) da baar, xomoi –(yo)ng (2 л.) byatygar).

В современном якутском языке можно выделить более 50-ти служебных имен с аффиксом принадлежности, обозначающие:

1. верх, верхнюю поверхность или сторону предмета yrde, yeheete, kursa, orooyo, tebete, iene, yorgata;
2. низ, нижнюю часть или сторону предмета anna, allaraata, terde, tygege;
3. перед, переднюю часть или сторону предмета inne, tyha, yтарыта;
4. зад, заднюю часть или заднюю сторону предмета kenne, ketege, ungyora, anaraata, antaga, ylagata, argaata;
5. бок, боковую часть или боковую сторону предмета oiogoho, kytyyta, sagata, chanchyga, engere;
6. место вблизи предмета atta, taha, yxsata, betereete, tylata, chygaha, bettege, aiaga, aana;
7. конец или отдаленную точку предмета uhyga, ataga;
8. внутреннюю часть, середину и промежуток между предметами ihe, ortoto, buyha, arda.

Такие служебные имена обозначают, в первую очередь, принадлежность и в предложении выступают только в сочетании с другими именами: die ihe 'внутренняя часть дома', die taha 'место вблизи дома', die inne 'передняя сторона дома', die kenne 'задняя сторона дома'. Также могут склоняться (die) inn-i-ger (дат. п.) 'в передней части дома', (die) inn-i-n (вин.п.) 'переднюю часть дома', (die) in-i-tten (исх.п.) 'с передней части дома', (die) inn-i-nen 'передней частью дома' (твор.п.), (die) inn-i-niin (предл.п.) 'вместе с передней частью дома'. А в предложении более употребительны формы пространственных падежей: Alaas ortotygar argaalata sogys balaachcha oburyu kyex tegyryen kester 'Посредине аласа, чуть западнее, виднелась чуть округлая большеватая синь'. Saiyn kyp-kyex achalaax yolba kytytygar tarbyiaxtar mechchieller 'Летом на берегу озера с зелеными травами паслись телята'. Yus bydylgan byryo buyhunan dieber ystammutum 'Сквозь густой дым я бросился к дому своему'. С аффиксом принадлежности может употребляться и аффикс множественности -лар yrdylere, innilere, attylara.' Хоту tua sagatunан, yallar ketex-ter-i-nen, argas xaldaaiylar kekkelehen tygallar'. 'Севернее, опушкой леса, за домами, стояли рядом неровные долины'. Однако категория числа в таких случаях семантического значения теряет.

Послелогов, образованных аффиксом принадлежности, немало. Их можно сгруппировать на собственно послелогои (saga 'равно', keriete 'подобно') и отыменные:

в притяжательном основном падеже bystynga – kyn bystynga 'в течение дня', ystata – kyn ystata 'в течение дня', tenge – kyn tenge 'подобно солнцу', keringe – ikki kyn keringe 'почти в течение двух дней', ytaata – kyn ytaata 'в самом начале дня';

в притяжательном дательном падеже inn-i-ger – die inniger 'в передней части дома', kenn-i-ger – die kenniger 'в задней части (стороне) дома, за домом', ann-y-gar – die annugar 'в нижней части дома, под домом', yrd-y-ger – die yrdyger 'в верхней части дома', orto-ty-gar – die ortotygar 'в середине дома', tyh-y-gar – kihi tyhygar 'ради человека', ih-i-ger – die ihiger 'внутри дома', tah-y-gar – die tahygar 'во внешней части дома', byuh-y-gar – don byuhygar 'среди большого количества людей, толпы', ikki ard-y-gar 'ykkard-y-gar' - die ukkardygar 'между домом', onn-y-gar – die onnygar 'на место дома'.

в притяжательном исходном падеже kenn-i-tten – die kennitten 'из задней части дома', bah-y-ttan – tua bahyttan 'из опушки леса', inn-i-tten – die innitten 'из передней части дома', ih-i-tten – die ihitten 'из дома, из внутренней части дома', orto-ty-ttan – die ortotyttan 'из середины дома, из средней части дома', tyh-y-ttan – kihi tyhyttan 'ради человека', ann-y-ttan – die annyttan 'из нижней части дома, из-под дома', tah-y-ttan – die tahyttan 'из места вблизи дома'.

в притяжательном орудном падеже yrd-y-nen – die yrdynen 'над верхней частью дома, над домом', ann-y-nan – die annunan 'под домом, под нижней частью дома', tyh-y-nan – kihi tyhunan 'о человеке, ради человека', tah-y-nan – die tahunan 'по внешней части дома', inn-i-nen – die inninen 'по передней части дома', orto-ty-nan - die ortotunan 'по середине дома', ih-i-nen - die ihinen 'по дому, по внутренней части дома. Ханнык да ihin, byhyt veiete ajdammatagyn yrdynen, kini tyhatyttan taxsybyt. 'Несмотря на то, что плотина не развалилась сама, она вышла из строя'. Kini min inniber teheny ereidemmitei da, ochchony min kini inniger ereidenen boryostyoxrυνn bagarabyn 'Сколько он перенес из-за меня неприятностей, столько я хочу ему отплатить своим трудом.

Частиц с аффиксом принадлежности насчитывается больше 20-ти. Как указал Н.Е. Петров, "многие частицы образовались путем десемантизации знаменательных слов в составе изафетного сочетания" {1}. Об этом говорит их нынешняя форма, представляющая собою аффикс 3-го лица ед. числа в обычном виде или с некоторыми морфологическими изменениями: kiene – ogom kiene (мал) 'принадлежит моему ребенку, моего ребенка (вещь)', suuha – kehii suuha 'маленький гостинец', dyoma – yle dyoma 'незначительная работа', aata – kihi aata 'носит человеческое обличие', bagaiyta – bilbit bagaiyta 'всезнающий', baara – abam baara 'досада, к моей досаде', berdei – tygyn berdei 'удивление, радость, возглас'. Частицы dyoma, yrata, ogoto, suuha, употребляются в сочетании с другими именами yle dyoma, tangas yrata, arуу ogoto, kehii suuha и при этом выражают уменьшительно-ласкательное, иногда пренебрежительное отношение. Arai, mas suuha killeree inibin, ontykabyt da byrpyt byhuylaaga 'Может, занесу немного дровишек, которые и то, кажется, кончились'. Ву куга balyk ogoto agallum, tongykka 'Вот принес немного рыбешек, на один раз'. Среди частиц с аффиксом принадлежности можно выделить группу частиц, застывших:

в форме основного падежа в 3-м лице притяжательного склонения badaga – badaga, kini 'кажется, он', byhata – byhata, kini 'если сказать вкратце, он', хата – хата, kini 'к радости, он', хаia – хаia, kihing? 'ну, где твой человек?' beie – beie, ihit ' подожди и послушай';

в форме дательного падежа mektie-ti-ger 'к удивлению и радости', baat-y-gar 'к везению', kyhalga-ty-gar 'к невезению, несчастью', куһуу-ty-gar 'к досаде', min sanaa-b-ar 'по моему мнению', tiheg-e-g 'к концу', tybelte-ti-ger 'к случаю', муһ-у gar 'к тому случаю';

в форме винительного падежа tottery-ty-n 'нарочно';

в форме орудного падежа bastaky-ty-nan 'во-первых', ding-i-nen 'по правде', kyrdyg-y-nan 'по правде', kyoly-ty-nan 'как обычно'.

Аффикс принадлежности входит и в состав многочисленных модальных словосочетаний:

в форме основного падежа притяжательного склонения ol aata 'таким образом', tangara baara 'видит бог', abakkata baar 'досадно', abam da baar ebit 'как мне обидно и досадно', aiууm tangaram 'бог ты мой', berde byolan 'если к добру', delete dyo 'к радости', kyrdyga 'правду сказать', dinge baara 'если правду сказать', dinge dagany 'правда, правду сказать', kyrdyga baran ettexhe 'если всю правду выложить'.

в форме винительного падежа хаia myng-y-n 'сколько можно', aata aiуу-ty- n 'грех какой', ding-i-n yllaхха 'если правду сказать', byha-ty-n ettexhe 'если конкретно сказать', is ding-i-n ettexhe, 'сказать всю правду' kyhagan-y-n yllaхха 'не к добру сказать', onnyg-y-n da ihin 'несмотря на это', etiller-i-n kyrdyk 'как сказано', холобур-y-n ettexhe 'к примеру сказать', aata uchygei-i-n 'как хорошо', tyg-y-n aatai 'как так', ханныг-y-n da ihin 'все-таки';

в форме дательного падежа min sanaa-b-ar 'по-моему мнению', aidaan bya-ty-gar 'к ссоре', aiуу inn-i-ger 'к греху', din-i-ger dagany 'правда что', dol bya-ty-gar 'к счастью', kyhaiyan bya-ty-gar 'к несчастью', en sanaa-

g-ag 'по твоему мнению', хомоіуох bya-ty-gar 'к обиде', myng-a-g ini 'к невезению', yerdyen bya-ty-gar 'к радости', tangara tyh-y-gar 'ради бога';

в форме орудного падежа don bilii-ti-nen 'по знанию людей', don kepseen-i-nen 'по рассказам людей', ikkis ett-y-nen 'во-вторых', ding-i-nen dagany 'по правде сказать', tangara keme-ty-nen 'с помощью бога', kyrdyg-y-nan ettexhe 'по правде сказать', yges byhyu-ty-nan 'по обычаю', synni-y-nen уллахха 'вообщем', sydyrgy tyl-y-nan ettexhe 'сказать по прощю';

в форме местного падежа dinger byollag-y-na 'но если сказать правду', ihe ylynneg-i-ne 'если преувеличивать', itinen byollag-y-na 'значит, если так', kurgata byollag-y-na 'самое малое', manna dien ettexp-i-ne 'если сказать правду на месте', tangara baar-y-na 'видит бог'.

Таким образом, основным критерием образования служебных слов аффиксом принадлежности можно считать обозначение части предмета, целого, пространства и переосмысление и перенос значений в абстрактные понятия, выражающие различные отношения предметов, действий, явлений и субъектов к своему действию и отношению говорящего к предмету высказывания.

Список литературы

1. Петров Н.Е. Частицы в якутском языке. – Якутск: Кн. Издательство, 1978.- с.63.
2. Петров Н.Е. Модальные слова в якутском языке. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1984. – 204 с.
3. Чиркочова Д.И. Категория принадлежности в современном якутском языке. – Якутск: Изд. дом СВФУ, 2013. – с.174-180.

СЕКЦИЯ №18.

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.03)

СЕКЦИЯ №19.

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.04)

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ФЕНОМЕНА СТРАХА

Благий Т.Л.

Московский государственный лингвистический университет
Евразийский лингвистический институт в г.Иркутске (филиал)

Одним из перспективных направлений развития современных гуманитарных наук является постоянно растущее стремление к более углубленному анализу природы человека во всем многообразии форм ее проявления. Язык – это один из обязательных и неотъемлемых атрибутов человека. Лингвистика, являясь специфической областью научного знания, имеет свой материализованный объект – естественный язык, свою методологию и проблемы. Характерной чертой современной лингвистики являются поиски языкового моделирования человека в тесной объективно существующей взаимосвязи с другими сопредельными науками о человеке. Изучение человека, как полагает Ю.М. Малинович, базируется на антропоцентрическом подходе, где в центре внимания оказывается сам человек, а его язык понимается как естественная система, создаваемая им как носителем языка на основании исторического опыта, культуры и знаний. [4, с. 237]

Широко известны возможности языка воздействовать на мышление и сознание людей. Они реализуются не только в лексике, но и в синтаксическом построении высказывания, в выборе грамматических форм и конструкций. В современном мире, когда сообщения о нестабильности и различных неприятных событиях оказывают воздействие на массовое сознание в процессе общественно-политической коммуникации, в обществе формируется различное отношение к происходящим явлениям и проблемам. Одной из таких реакций человека на глобальные проблемы современного общества является страх, который по-разному освещается в средствах массовой информации и для обозначения которого журналисты используют различные языковые средства.

В психологии страх представляет собой эмоционально-психическое состояние, он связан с первой сигнальной системой. В лингвистике же страх связывается с мыслительной деятельностью, которая как известно, имеет выход на вторую сигнальную систему - слово.

В настоящей статье феномен страха рассматривается как категория, как результат когнитивного процесса. Страх - явление универсальное для всех культур и в современном обществе он имеет рациональное объяснение в отличие от первобытного страха, где он представлял индивидуальную проблему человека. Современный страх - социальный феномен и представляет собой интегрированную составную часть рационального общества. Так, А. Вежицкая считает, что страх вездесущ, потому что в основе своей представляет опасность, и человек нигде по-настоящему не находится в безопасности [1, с. 550].

Цель данной статьи – показать антропоцентрическую природу феномена страха и проиллюстрировать на примерах современной немецкой прессы ее вербальную реализацию.

В немецком языке для обозначения страха существуют две основные лексемы *Angst* и *Furcht*. Реализация данной категории в немецком языке отличается своеобразным отображением внутреннего мира носителей языка. Конечно же категория страха намного объемнее и ее языковое выражение не ограничивается только данными лексемами. Категория страха реализуется в языке огромным спектром лексических единиц. Безусловно, данные единицы различаются по стилистической маркированности, эмоциональной окрашенности, однако такое количество лексем является убедительным аргументом в пользу значимости такого явления как страх в языковой картине мира. Человек в языке является субъектом познания, в языке же находят отражение его собственные представления, эмоции и чувства. Это вполне закономерно, так как состояние страха может проявляться в различных формах: вербально, в мимике, жестах, так называемые соматические проявления реакций на страх. В современном немецком языке довольно распространены привативные конструкции *Angst haben*. Глагол *haben* выпадает из подлинно активных транзитивных глаголов и применяется со значением наличия и выражения внутреннего состояния. Указанные конструкции употребляются как в современной немецкой публицистике, так и в художественной литературе, но в отличие от выше приведенных лексических единиц, характерных для художественного стиля, являются предпочтительными в публицистике. Материалы немецких изданий в политических, экономических и других рубриках пестрят данными конструкциями, что наглядно демонстрирует фактический материал из газеты *Zeit Online*.

Eine Angst geht um in Europa. Migranten wandern in die reichen EU-Staaten ein und beantragen dort im großen Stil staatliche Sozialleistungen. (Zeit Online, 2013)

Am deutschen Horizont dämmert etwas auf, was schon öfter zum Untergang Europas geführt hat: Angst. Die deutsche Angst vor einer neuen Aufgabe, vor der Verantwortung und vor seiner Bedeutung in Europa ist die Angst der Angsthasen. (Zeit Online, 2013)

По мнению А. Вежицкой, *Angst* - это особое немецкое понятие. Тот факт, что слово было заимствовано английским языком и используется в нем в различных ситуациях, подчеркивает своеобразие значения немецкого слова *Angst* [2, с. 44]. Что касается феномена страха в немецком обществе, отраженного в СМИ, то он выступает не только как спонтанное восприятие, пережитое чувство, а как референция, код, часть системы ценностей, как доказательства, обоснованные символами, представлениями, признаками. В немецком обществе есть поговорка о том, что страх всегда под рукой, когда говорят о современном мире. *Angst ist rasch bei der Hand, wenn man über moderne Welt redet*. Конечно же речь идет не о психическом страхе, а о рациональном страхе перед экономическими проблемами, проблемами будущего, одиночества, терроризма, страха перед огромным количеством беженцев из африканских стран. В рамках настоящей статьи мы остановимся на реализации феномена страха лексемами *Angst* и *Furcht* и привативными конструкциями *Angst haben* в печатных и электронных средствах массовой информации. Фактический материал показывает более редкое употребление лексемы *Furcht*, чем лексемы *Angst*. Лексема *Angst* обозначает страх перед определенным объектом. Лексема *Furcht*, по мнению М. Шварц-Фризель [6, с.250], является неестественной в этих предложениях, т.к. употребляется редко. Аналогичную семантику с лексемой *Furcht* имеет и лексема *fürchten*, которая также менее употребительна.

Aus Furcht vor mehr Armutszuwanderung aus Bulgarien und Rumänien empfiehlt eine Bund-Länder-Kommission, den Kindergeldbezug an Bedingungen zu knüpfen. (Zeit Online, 2013)

Viele Deutsche fürchten sich vor Sozialhilfetourismus und Zuwanderungswellen aus Rumänien. Die Sorge ist unbegründet – das Problem ist ein anderes. (Zeit Online, 2013)

По Н. Фризу [5, с. 352] *Angst* представляет собой специфическое душевное состояние угрозы, *Furcht* напротив связан с мыслью об источнике этого состояния. В качестве примеров можно рассмотреть наиболее распространенные в употреблении привативные конструкции *Furcht haben*, *Angst haben*. Если расширить обе

конструкции одной и той же предложной группой vor dem Examen, то возникают конструкции с несколькими разными смыслами: а) Furcht haben vor dem Examen б) Angst haben vor dem Examen.

Конструкция (а) имеет смысл: кто-то думает о том, что на экзамене с ним может произойти что – либо плохое, а (в) обозначает то, что некто находится в состоянии страха, вызванное мыслями об экзамене. Привативная конструкция Furcht haben требует дополнительной конкретизации при употреблении, о чем свидетельствуют примеры из прессы.

Ihr Gesicht erinnerte mich an meine Furcht angesichts einer schwierigen Mathematikprüfung. (Zeit Online,2015)

Очевидна такова специфика языкового сознания носителя немецкого языка. В связи с этим уместно привести суждение Т.А. ван Дейка о том, что семантика языковых единиц связана с культурой и социумом, она когнитивно изменчива и относительна. [3, с.20-35] В немецкой прессе последних месяцев отмечается факт присутствия феномена страха, страха неопределенности от ухудшающейся политической и социальной ситуации в связи с беженцами из Сирии, а также совершенно конкретного страха перед ними, как людьми другой культуры и другой конфессии.

Viele meiner Freunde verspürten ähnliche Ängste, vor allem wirtschaftlicher Natur, etwa die Angst vor wachsender Arbeitslosigkeit, geringeren Löhne und höherer Inflation. Hinzu kamen gesellschaftliche Ängste, etwa die Furcht vor möglicher Illoyalität der Ausländer und vor Identitätsverlust. (Zeit Online,2015)

Mit der Globalisierung haben sich auch die Ängste globalisiert, und es ist sinnlos, sie als irrational abzutun, denn Ängste filtern die Wahrnehmung und erzeugen eine eigene, wirkliche Wirklichkeit. Das letzte Krisenjahrzehnt hat eine diffuse Unglückserwartung hinterlassen, die Angst vor allem Möglichen. (Zeit Online,2015)

Таким образом, окружающий человека мир, его страхи и опасения, отраженные в его сознании, материализуется в языке.

Es sind solche Deklassierungsängste, die die Erfahrung kultureller Fremdheit gegenüber Flüchtlingen noch einmal intensivieren, die tief sitzende Furcht vor dem Anderen und Unbekannten. (Zeit Online,2015)

Выше изложенное является подтверждением того, что лингвистов всегда будут привлекать различные проявления человеческой природы в языке, а антропологическая лингвистика как гуманитарная наука всегда будет иметь перспективы в своем развитии.

Список литературы

1. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков [Текст] / А. Вежбицкая: пер. с англ. А.Д. Шмелева. Под ред. Т.В. Булыгиной. - М.: Языки русской культуры, 1999.
2. Вежбицкая, А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики [Текст] / А. Вежбицкая. – М.: Языки славянской культуры, 2001.
3. Дейк, Т.А. ван Язык. Познание. Коммуникация[Текст] / Т.А. Дейк ван - М.: Прогресс,1989.
4. Малинович, Ю.М. Семиясфера культуры в антропологической лингвистике[Текст] / Ю.М. Малинович, М.В. Малинович// Номинация. Предикация. Коммуникация: сб. статей к юбилею проф. Л.М. Ковалевой.- Иркутск: Изд. ИГЭА,2002.
5. Fries, N. Gefühle, Emotionen, Angst, Furcht, Wut und Zorn [Text] / N. Fries: Börner, W. Emotion und Kognition im Fremdsprachenunterricht. - Tübingen: Narr. Tübinger Beiträge zur Linguistik 476, 2004.
6. Schwarz-Friesel, M. Sprache und Emotion [Text] / M. Schwarz-Friesel : Narr Francke Attempto Verlag & Co,KG - 2007.

ДВОЙНАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКЕ НЕМЕЦКОЙ РЕКЛАМЫ

Матвеева Ю.И.

Казанский (Приволжский) Федеральный университет, г.Казань

Целью нашего исследования является выявление факта употребления двойной актуализации фразеологических единиц в современном языке рекламы.

Фразеологическая единица или фразеологизм является устойчивым по своему составу и структуре, целостным по значению и лексически неделимым словосочетанием. Оно обычно не допускает внутри себя перестановки своих частей и употребляется как некоторое целое, которое не поддается дальнейшему разложению на отдельные составляющие.

Во фразеологических единствах значение фразеологизма связано со значениями составляющих его слов, как правило, такие фразеологизмы являются тропами с переносным значением.

1. *Langsam setze er sich auf den staubigen Holzboden, schlug die Beine übereinander und bemühte sich, sein aufgewühltes inneres zur Ruhe zu zwingen* – заставить улыбнуться

Фразеологические сочетания – устойчивые обороты, чье целостное значение вытекает из значений составляющих их отдельных слов. Их состав допускает ограниченную синонимическую подстановку или замену отдельных слов при том, что одна из частей фразеологического сочетания остается постоянной, другие же оказываются переменными.

1. *Rudern gegen den Strom, ich weiß, Papa!* – грести/плыть против течения

Когда речь идет о фразеологии, нельзя не сказать об идиоме. Идиома – это словосочетание, обладающее в своём семантическом и синтаксическом строении отличительные и неповторимые средства данного языка, это фразеологическое единство, которое эквивалентно слову и обычно не поддающееся точному переводу на другие языки, т.к. значение идиомы невозможно вывести из значений составляющих его компонентов. Употребление фразеологических сращений может рассматриваться как неотъемлемая характеристика спонтанной, живой речи.

1. *Man muss nicht immer mit den Wölfen heulen, dachte er.* – присоединяться к общему мнению

2. *Weißt du, wie es ist, jeden morgen aufzuwachen und zu hoffen, dass man heute mit einem blauen Auge davonkommt?* - хорошо отделаться, отделаться легким испугом, отделаться пустяком, легко отделаться

3. *Sag mal, spinnst du?* – ты в своем уме?

В предлагаемом исследовании рассматриваются фразеологические единицы в языке рекламы. Рекламный текст – это текст, содержащий рекламную информацию. Он имеет следующие признаки: во-первых, он содержит информацию об определенном лице; товарах, идеях и начинаниях. Во-вторых, предназначен для неопределенного круга лиц. В-третьих, он призван формировать или поддерживать интерес к физическому, юридическому лицу, товарам, идеям, начинаниям. И, наконец, в-четвертых, способствует реализации идей, товаров.

Стоит отметить, что в рекламе текст не может быть понят как линейная последовательность только вербальных, знаковых единиц. Для него характерна не только категория связности (соединение элементов внутри текста), сколько категория целостности – смысловое и коммуникативное единство. Преимущества рекламного текста определяет не изящество словесной формы и наличие художественных оборотов, а яркость, точность, экспрессивность и доступность образа, созданного рекламой, разнообразие ассоциативных связей.

Реклама содержит в себе, как правило, прямой призыв к конкретному действию. Но существует еще особый тип рекламных текстов, несущих в себе двойной смысл, некий подтекст, т.е. двойную актуализацию.

Прием двойной актуализации является одним из самых распространенных приемов дефразеологизации. При двойной актуализации происходит реализация в одном контексте фразеологического значения и исходных словарных значений компонентов словосочетания-прототипа. Семантико-стилистическая функция данного приема заключается в создании юмористического (комического, иронического, сатирического) и игрового эффектов.

Двойным значением обладает игра слов. В основе данного приема игры слов лежит двойная актуализация фразеологических единиц. Игра слов возможна благодаря тому факту, что буквальное значение слов, которое подвергается переосмыслению во фразеологических единицах, не исчезает, а играет большую роль в интерпретации метафоры. Двойная актуализация компонентов фразеологических единиц может встречаться в двух видах: полная и частичная. Полная двойная актуализация предполагает полное наложение фразеологизма на словосочетание. Частичная двойная актуализация включает наложение только одного из компонентов фразеологических единиц на соответствующий компонент свободного словосочетания.

Игра слов часто используется в рекламе — своеобразная забава для маркетологов. В определенных условиях игра слов может быть неплохим лингвистическим приемом. Она может, придать драматизма и экспрессивности, немного развеселить и улучшить запоминаемость. Единственное условие – эта игра слов должны быть понятна мгновенно и всем.

1. Двусмысленность тексту обеспечивает преобразование пословиц, поговорок и известных изречений.

Например: «*Preise gut, alles gut*» – «Хорошие цены, все хорошо» – получает иронический оттенок благодаря своей связи с изречением «*Ende gut, alles gut*» – «Все хорошо, что хорошо кончается».

2. Игра слов может быть также основана на многозначности слов.

Wir leben alle unter demselben Himmel, aber wir haben nicht alle denselben Horizont. (Двусмысленность базируется на прямом значении слова *der Horizont* – «горизонт, небосклон» и переносном значении слова – «кругозор».)

Игра слов может также возникать благодаря сходству звучания слов, например: «Van schon, denn schon». Юмористический эффект построен на обыгрывании близких по звучанию слов van (Peugeot 806 Van) /wenn. Данная фраза сравнивается с речевым оборотом Wensschon, dennschon (Жить на всю катушку).

Игру слов мы можем наблюдать и в сатирическом, креативном расшифровывании названий и сокращений, например, политических партий и организаций Германии: CDU – Clan der Unternehmer (Christlich Demokratische Union); DSU – Dumme suchen Unterschlupf (Deutsche Soziale Union); I-D – (Idee stärkt) I-dentität

3. Двойной смысл может привести в высказывание шлагзац. Это ошеломляющий вывод, находящийся в противоречии с вышесказанным.

Например: Je mehr ich Männer kennenlernen, desto mehr liebe ich Tiere. Чем больше я мужчин узнаю, тем больше я люблю животных.

В рекламе украшений с бриллиантами от «De Beers»: Eine Verlobung bedeutet eine sehr wichtige Entscheidung, mit der man den Rest seines Lebens leben muss, deswegen entscheide ich mich für einen Solitär. Помолвка – очень важное решение, с которым нужно жить остаток жизни, поэтому я решаюсь на солитер. (Солитер – отдельно вправленный крупный бриллиант; одинокий)

Проанализировав литературу по теме исследования, рекламные тексты на немецком языке, можно сделать следующие выводы: Фразеологические единицы могут занимать в рекламном тексте самые различные позиции. Часто авторы вводят фразеологические обороты в сильные позиции текста: заголовок и финал. Приём двойной актуализации фразеологических единиц не затрагивает лексико-грамматического состава, его внешняя форма обычно сохраняется, но изменяется смысл высказывания. Использование устойчивых выражений как объекта языковой игры в коммуникативных ситуациях и, прежде всего, в рекламном тексте основывается на процессе узнавания. Фразеологические единицы, игра слов привлекают внимание, надолго сохраняются в памяти и создают определённый эффект восприятия.

Список литературы

1. Арсентьева Е.Ф. Роль фразеологического каламбура в создании юмористического эффекта. Труды и материалы. Казань, 2003.
2. Безрукова Л.Г. Двойная актуализация как универсальная и идиоэтническая черта функционирования ФЕ (Опыт контрастного описания на материале русского и немецкого языков). М., 1990.
3. Виноградов В.В. Избранные труды: Лексикология и лексикография. М., 1977.
4. Пшеничникова Я. Всегда ищите двойной смысл? Библиотека studygerman.ru 2008.

ДИСКУРС И ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Варшавская А.И., Мальцева Н.Б.

Санкт-Петербургский Государственный Университет, г.Санкт-Петербург

Дискурс мы понимаем как вербализованный, или оязыковленный, оязыченный опыт человека, т.е. все виды его деятельности, все жизненные практики. Отечественный философ В.В. Налимов пишет, что человек живет в мире, который представляет собой семантическую капсулу. [Налимов 1989]. Если мир человека – это семантическая капсула, тогда озвученные фонетически или графически оформленные части семантики мира и будут соответственно тем, что мы считаем дискурсом, разговорной речью или письменным текстом. Таким образом, можно считать, что любой дискурс есть словесно выраженная точка зрения. Человек что-то о чем-то говорит, потому что он (она) так знает или так думает. «Литературная Энциклопедия Художественных Терминов и Понятий» (ЛЭХТП) дает следующее определение точки зрения: «Точка зрения – положение «наблюдателя» (повествователя, рассказчика, персонажа) в изображенном мире (во времени, в пространстве, в социально-идеологической и языковой среде), которое определяет его кругозор – как в отношении объема (поле зрения, степень осведомленности, уровень понимания), так и в плане оценки воспринимаемого, и выражает авторскую оценку этого субъекта и его кругозора». [Тамарченко 2001].

Известно, что, по крайней мере, европейские грамматисты наделяют «точку зрения» вполне адекватной грамматической значимостью в языке. Напомним, что в английском языке «точка зрения» может быть выражена разными средствами, например, лексическими - существительными и сочетаниями с существительными view, point of view, regard etc. (to one's point of view, regard), глаголами to believe, to consider, to regard, to think. В

разговорном английском употребляются такие выражения, как *to me, to you, to him* (русс. по-моему, по-твоему, для него).

В грамматиках английского и русского языков «точка зрения» рассматривается как член или компонент предложения. В «Русской Грамматике» 1980, под ред. Н.Ю. Шведовой, «точка зрения» относится к числу компонентов предложения, а именно, обстоятельственных детерминантов с выделительно-ограничительным значением, наряду с такими, как место, цель, уступка и др. [Шведова 1980]. В «Грамматике английского языка» Р.Квирка и С. Гринбаума компонент «точка зрения» рассматривается среди других адьюнктов – *adjuncts of place, intensifier, manner, process, time et al.* [Quirk, Greenbaum 1982].

Таким образом, можно считать, что дискурсивный компонент со значением «точка зрения» находит выражение в лексической и грамматической подсистемах языка, а также может быть выражен дискурсивными сегментами разной сложности.

Известно, что любая система даже не очень большой сложности состоит из ряда попарно или более сложным образом связанных элементов. Известно также, что и язык – это система взаимосвязанных единиц, состоящая из единиц, организованно распределяемых также по взаимосвязанным уровням. Вероятно, самым общим отношением, которое связывает уровни и единицы внутри уровней, служит отношение совместности. Или, точнее: любое содержательное или формальное отношение между двумя единицами одного уровня или в некоторых случаях отношение между двумя или более элементами двух разных уровней можно рассматривать как отношение совместности, иначе они не были бы элементами одной системы [Варшавская 2008]. Здесь нас интересует отношение между уровнем местоимений, самых, вероятно, обобщенных или неопределенных местоимений: КТО, КОМУ, ЧТО, О ЧЕМ, ГДЕ, КОГДА, ПОЧЕМУ, ЗАЧЕМ, КАК, которые мы рассматриваем как смысловые координаты (далее СКД), лежащие в основе формирования всякого дискурса и составляющие своеобразную дискурсивную матрицу, отражающую его. Очевидно, что местоименные слова, или прономинативы в их определенном наборе обобщенно представляют некоторое конкретное содержание соответствующего дискурса, и в каждом дискурсе каждой координате соответствует свое конкретное содержание. Каждый дискурс создан кем-то (координаты КТО и ГОВОРИТ), предназначен для кого-то, кто бы его выслушал или прочитал бы письменный вариант (координаты КОМУ, или с КЕМ) и объективизируется на определенном языке и в определенной манере изложения (КАК). «Точка зрения» входит, как было отмечено выше, в структуру дискурса, в первую очередь, как смысловая координата ЧТО говорят и, естественно, О ЧЕМ. Остальные СКД так или иначе сопровождают сказанное в зависимости от задач и целей создаваемого автором (авторами) дискурса. В бытовом дискурсе говорящий, вероятно, в первую очередь стремится добиться какой-то выгоды, или правды, с его точки зрения (СКД причины и цели – ПОЧЕМУ и ЗАЧЕМ), а в научном дискурсе – показать истинное положение вещей, то, что с его точки зрения является истиной.

Перейдем к рассмотрению «точки зрения» в аспекте научного дискурса. В практике языкового общения принято писать или говорить, сообщать о чем-то новом или выражать свое **особое** мнение о чем-то уже известном. Что касается научного дискурса, то его автор фактически обязан сообщать новое или выражать свою точку зрения или сообщать какие-то новые данные по предмету, о котором идет речь в его дискурсе. Поэтому можно сказать, что любой научный дискурс есть точка зрения автора, даже, если он не сообщает ничего нового, а излагает то, что было сказано другими. В последнем случае может иметь место то, что можно считать интерпретацией текста. (О проблемах и способах интерпретации текста, а также пределах интерпретации писал Умберто Эко [Эко 2005]).

При этом в научном дискурсе автор часто излагает свою точку зрения, свои взгляды на предмет, тему своего дискурса в контексте точки зрения другого автора, или даже нескольких точек зрения других авторов. В таких случаях чужая точка зрения, принимаемая автором или нет, вводится сегментом различной длины, который можно назвать дискурсивным сегментом. Подробно такие дискурсивные сегменты, выражающие как согласие автора, так и несогласие или даже частичное согласие с чужой точкой зрения, рассмотрены в диссертации Н.Б. Мальцевой [Мальцева 1988]. Такой сегмент может состоять из одного-двух предложений, а может быть значительной длины, и автор научного текста может дискутировать с автором чужого мнения на протяжении значительной части своего дискурса. Вообще говоря, научная дискуссионная проза представляет весьма интересную сферу объективизации различных точек зрения. Каждая из приводимых в дискуссионном тексте точек зрения представляет собой созданный научным творчеством мир, который является объектом исследования автора текста. И сам предмет дискуссии (О ЧЕМ) и рассматриваемые в тексте мнения о нем (ЧТО), и способы языковой актуализации этих мнений (КАК) в качестве явлений независимой от автора действительности противостоят авторской субъективности восприятия и знания этих явлений и становятся объектом его речемыслительной интерпретации (его авторского КАК). Эта противопоставление находит свое выражение в организации научного сообщения, которая создает видимую объективность воспроизведения

явлений действительности, но подспудно и неизбежно стремится привести читателя к согласию с авторским субъективным восприятием исследуемых объектов, его точке зрения на них. Сопоставление различных научных позиций, поиски глубинного смысла в этом сопоставлении, возражение или согласие с чужим мнением, «его дополняющее понимание и выход за пределы понимаемого» [Бахтин 1979, с.300], дальнейшее развитие теории – все эти процедуры дискуссионного текста соотносятся с этапами диалектического процесса научного познания. Но эксплицируемая в дискуссионной прозе диалогичность носит формализованный характер и соответствует не только, а часто не столько реальному процессу творческого поиска истины, сколько композиционным требованиям подачи научного материала, которые отражают логику наиболее доходчивого и убедительного изложения авторской концепции (КАК).

В том случае, когда автор согласен с приводимой им точкой зрения, наиболее типичным контекстом для его утверждения по предмету дискуссии является авторизованное или цитируемое изложение этого чужого мнения в сопровождении авторского комментария и его положительной оценки. Одним из интересных приемов введения авторской точки зрения является способ введения по аналогии с содержанием рассматриваемых чужих мнений. Хотя в формальной логике умозаключения по аналогии котируются значительно ниже индуктивного или дедуктивного способов умозаключений, в риторике, напротив, именно умозаключения по аналогии признаются самым сильным способом воздействия на разум и эмоции адресата [Асмус 1947, с.334-336].

(a) Territoriality ... is usually defined as behavior by which an organism characteristically lays claim to an area and defends members of its own species... Many important functions are expressed in territoriality, and new ones are constantly being discovered. ... (b)Territoriality, Zurich's famous animal psychologist ... H. Hediger ... says, insures the propagations of the species by regulating density. It provides a frame in which things are done – places to learn, places to play, safe places to hide. Thus it coordinates the activities of the group together ... (c)The psychologist C.R. Carpenter ... listed thirty-two functions of territoriality, including important ones relating to the protection and evolution of the species. The list that follows is not complete ... (d)Man, too, has territoriality and he has invented many ways of defending what he considers his own land, turf or spread (Hall 1966, p.7).²⁹

Рассматриваемый пример открывается определением понятия территориальности, которое используется для описания такого поведения животного, посредством которого животное демонстрирует свое право на занимаемое им пространство и защищает это пространство от других особей того же вида (а). Изложение точки зрения известного цюрихского ученого Х.Хедиджера о таких функциях территориальности как регуляция плотности среды обитания особей и их мест для различных видов деятельности (б) и введение в поле зрения читателя наличие тридцати двух функций территориальности, выделяемых К.Р. Карпентером (с) являются тематической и логической основой для авторского утверждения о том, что человек тоже обладает территориальностью (д). Это утверждение, которое делается по аналогии с представленными в тексте точками зрения в предложениях (а, б, с), во-первых, наглядно демонстрирует читателю, что автор устанавливает логические параллели, отвлекаясь от конкретных фактов чужих мнений; а, во-вторых, то, что такие параллели являются наиболее простой и очевидной для читателя формой сопоставления описываемых в тексте явлений. Авторский прием утверждения по аналогии наглядно показывает, что дискурс подобных текстов развивается не только в соответствии со строгими законами формальной логики, но и в соответствии прагматической стратегией автора текста – вербализации его КАК.

Во всех случаях авторского согласия с рассматриваемыми чужими мнениями предтекст авторской точки зрения обычно служит тематической основой авторских утверждений по обсуждаемой проблеме. Однако существует такой вид предтекста, который, не являясь тематической основой авторского мнения, обладает повторяющимися типичными прагматическими и логическими характеристиками, которые обеспечивают наиболее выигрышное введение и акцентуацию утверждаемой автором точки зрения по обсуждаемой проблеме. Такой вспомогательный тип контекста можно назвать предассерцией. В случае авторского согласия с чужими точками зрения в предассерции могут быть представлены факты, прагматически связанные с основной темой текста, или высказывания, которые способствуют логическому упорядочиванию научного сообщения и облегчают восприятие утверждаемого автором мнения. Рассмотрим первый из указанных случаев:

²⁹ «(а) Территориальность... обычно определяется как поведение, посредством которого живой организм реализует свои претензии на территорию и защищает ее от других особей того же вида. ... Понятие территориальности покрывает собой множество важных поведенческих функций, и ученые обнаруживают все новые проявления территориальности. (б) Как замечает видный цюрихский ученый Х. Хедиджер, территориальность обеспечивает нормальное воспроизведение видов посредством регулирования плотности их обитания. Территориальность создает структуру жизнедеятельности животного – места для обучения молодняка, места для игр, безопасные места, где можно спрятаться от опасности. (с) Физиолог К.Р.Карпентер перечислил 32 функции территориальности, среди которых важные функции, относящиеся к защите процесса эволюции видов. Приводимый ниже список функций территориальности не является полным. ... (д) Человек тоже характеризуется территориальностью и выработал множество способов защитить то, что он считает своей землей, территорией для охоты и воспроизведения». Здесь и далее переводы наши – прим. автора статьи..

(a) In addition to territory ... each animal is surrounded by a series of bubbles ... that serve to maintain proper spacing individuals ... Hediger has identified and described a number of such distances which appear to be used ... by most animals. Two of these – flight distance and critical distance – are used when individuals of different species meet. ... As a general rule there is a positive correlation between the size of an animal and its flight distance – the larger the animal, the greater the distance it must keep between itself and the enemy ... (b) There are, of course, other ways of coping with predator, such as camouflage, protective armor or spines, or offensive odour. (c) But flight is the basic mechanism of survival for mobile creatures (Hall 1966, p. 10-11).³⁰

В зачине фрагмента автор констатирует, что помимо чувства территории каждое животное обладает чувством дистанции, которое регулирует расстояние общения между представителями животного мира; и, продолжая эту тему, излагает мнение Хедиджера о наличии предельной и критической дистанции, и о том, что в природе существует связь между размером животного и его предельной дистанцией (а). Но в следующем предассертивном предложении (b) автор резко отклоняется от основной линии предметной информации, которая посвящена исключительно вопросу критической дистанции, и говорит о том, что помимо бегства существуют такие виды спасения от хищников как камуфляж, защитный панцирь, отвратительный запах и проч. Прагматической целью такого отступления является создание благоприятного информационного фона для «неожиданности», контекстуального выделения авторского утверждения о том, что именно бегство является основным средством спасения для мобильных существ. Этому прагматическому эффекту акцентуации авторского мнения способствуют и грамматические уступительные отношения, которые складываются между содержанием предассертивного (b) и ассертивного (c) высказываний.

Рассмотрение дискурсивных приемов введения авторской точки зрения, противоречащей рассматриваемым ранее концепциям, показывает, что тематической основой авторских мнений может служить изложение чужого мнения в сопровождении критического авторского комментария или оценки, анализ этого мнения с освещением фактов объективной действительности или указание на полученные автором результаты исследования. Между подобным предтекстом и авторским мнением обычно складываются логические отношения импликации (причины и следствия, основания и следствия, основания и вывода). Интересно повторение дискурсивного приема КАК в плане введения утверждаемой автором точки зрения и в контексте согласия и в контексте несогласия с чужими мнениями, объективизирующегося в приеме предассерции. Содержанием предассертивных высказываний обычно является изложение чужого мнения или его оценка, которые часто вводятся интродуктором *contrary to smb's belief*, а логические отношения, характеризующие предассерцию и ассерцию собственно авторского мнения, как правило, носят характер уступительности и контрадикторности. Например,

(a) Language is a guide to 'social reality'. (b) Though language is not ordinarily thought of as of essential interest to the students of social science, (c) it powerfully conditions all our thinking about social problems and processes. (d) Human beings do not live in the objective world alone, nor alone in the world of social activity as ordinarily understood, but are very much at the mercy of the particular language which has become the medium of the expression for their society [Sapir 1966, p. 68-69].³¹

Вводя авторское определение языка как средства познания окружающего нас мира, предложение (a) служит тематической основой утверждений (c, d), которые развивают и конкретизируют это общее положение, подчеркивая роль языка в ходе осмысления социальных вопросов и процессов и структурирования и осуществления своего образа жизни в рамках того языкового сообщества и того языка на котором говорят и думают члены этого сообщества. При этом содержание второго, предассертивного предложения (b), как и в рассмотренном выше случае, отклоняется от основной линии авторского рассуждения и вводит противоположное авторскому чужое мнение о языке как явлении, не представляющем особого интереса для изучающих социологию. Прагматика репрезентации этой точки зрения функционирует как специальное дискурсивное средство введения и акцентуации утверждаемого автором мнения о влиянии языка на формирование общественного сознания (c, d). Это достигается, в том числе, посредством логико-

³⁰ «(a) В дополнение к территориальности ... каждое животное имеет как бы воздушный пузырь, который определяет возможную дистанцию приближения к нему другой особи. Хедиджер описал целый ряд таких дистанционных пузырей, которые характеризуют ... большинство животных. Два из них – дистанция бегства и критическая дистанция – задействуются при встрече животных, относящихся к различным видам. ... Как правило, существует определенное соответствие между размером животного и его дистанцией бегства – чем крупнее животное, тем большую дистанцию оно должен держать между собой и своим врагом. ... (b) Безусловно, существуют и другие средства защиты от хищников, такие как незаметный внешний вид, шипы, неприятный запах. (c) Но главным средством спасения для мобильных животных является именно бегство».

³¹ «(a) Язык – это проводник в реальность «социального бытия». (b) Хотя язык не вызывает большого интереса ученых, занимающихся социальными науками, (c) он сильно влияет на обдумывание всех социальных проблем и процессов. (d) Человек не живет независимо ни в объективном мире, ни в социальном обществе, как это обычно считают ученые, но во многом зависит от того языка, который стал средством выражения мыслей и чувств в его социальном сообществе».

грамматической структуры предассерции (b) и ассерции (c) как компонентов противительно-уступительного блока, а также благодаря порядку следования в нем компонентов, которые выявляют прагмаустановку автора на выделение результативной части (c) как наиболее важной с точки зрения информативного и коммуникативного значений для развития основной дискурсивной линии сообщения. Содержание чужого мнения, выраженного в предассерции (b), представляется читателю как недостаточное основание для того, чтобы отменить ситуацию, утверждаемую в (c).

Рассмотрение приемов репрезентации авторских мнений в качестве истины, не вызывающей никаких сомнений, позволяет выявить специальные языковые средства, специализирующиеся в этой прагматической функции в научном дискурсе. Одним из них является введение в высказывание специальных модальных слов и выражений, которые подчеркивают убежденность автора в справедливости своего суждения, например, таких, как *of course*, *the fact of the matter* и проч. Другим средством является прием двойного отрицания, как в следующем примере:

The language habits of people are by no means irrelevant as unconscious indicator of the more important traits of their personalities [Sapir 1966, p. 19].³²

Выражение *by no means* уже само по себе является экспрессивным средством выражения авторской оценки передаваемой им информации. Сочетание же этого выражения с определением *irrelevant* с отрицательной семантикой, создает эффект эмфатического утверждения значимости языковых особенностей людей как показателя их важнейших личностных качеств.

Привлечение внимания читателей к утверждаемой информации и ее ассертивная эмфаза может осуществляться посредством выделения прагматически важного момента сообщения в специальных конструкциях, таких как *it is (due) to x ... that; it is x... that*.

Одним из наиболее распространенных приемов интенсификации иллюкутивной силы утверждения является употребление локутивных глаголов или конструкций с этими глаголами, например, *it is true to say*, *it is best to admit* и др. Но для научной прозы более типичными считаются приемы смягчения категоричности высказываний. А из них наиболее типичными являются интродукторы, призванные смягчить для читателя необходимость принять авторскую концепцию как единственно правильную.

Например:

All in all, it is not too much to say that one of the really important functions of language is to be constantly declaring to society the psychological place held by all of its members [Sapir 1966, p. 20].³³

Как видно, интродуктор *it is not too much to say* является деликатной и осторожной формой введения в поле зрения читателя утверждаемого автором мнения о том, что одной из наиболее важных функций языка является психологическая идентификация всех членов данного языкового сообщества.

Среди лексических средств снижения иллюкутивной силы высказываний наиболее часто встречаются наречия и частицы типа *rather*, *scarcely*, *hardly*, *pretty* и другие, подобные им.

Таким образом, рассмотрение дискурса как вербализованного, или оязыковленного, опыта человека позволяет выявить смысловые координаты, лежащие в основе любого дискурса, и выявить некоторые принципы развития интерпретационной деятельности автора научного дискурса, а именно, дискурсивные приемы репрезентации чужих точек зрения, авторской точки зрения на них и собственной точки зрения на рассматриваемую научную проблему.

Список литературы

1. Асмус В.Ф. Логика. – М.: Госполитиздат, 1947. 387 с.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. 421 с.
3. Варшавская А.И. Языковые единицы и отношение совместности., Гл.10. С. 275-278 – СПб: СПбГУ, 2008.
4. Мальцева Н.Б. Ассертивные высказывания и их контекст в английской научной дискуссионной прозе. Кад. Дис. – Ленинград : ЛГУ 1988. 207 с.
5. Налимов В.В. Спонтанность сознания. М.: Прометей. 1989. 288 с.
6. Тмарченко Н.Д. //Литературная Энциклопедия Художественных Терминов и Понятий/под ред. А. Н. Николюкина; ИНИОН РАН. - М.: Интелвак, 2001.
7. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. – М.: Издательство РГГУ, 2005. 474 с.
8. Шведова Н.Ю. Русская Грамматика т.2, Синтаксис. – М.: Наука. 1980. 326с.
9. Quirk R., Greenbaum S.et al. University Grammar of English. Moscow: Vyssaja Skola, 1982.390 p.

³² «Языковые особенности людей очень значимы как неосознанный показатель более важных характеристик их личностей».

³³ «В итоге, мы можем сказать, что одной из важнейших функций языка является психологическая идентификация всех членов общества».

10. Hall E.T. The Hidden Dimension, New York, 1966.

11. Sapir E. Culture, Language and Personality.— Selected Essays.— Univ. of California Press. – Berkeley and Los Angeles, 1966.

ЛЕКСИЧЕСКИЙ СОСТАВ АНКЕТНЫХ ШКАЛ СО СЛОВОМ «SATISFIED» В ПЕРЕВОДОВЕДЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Кудря С.В.

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

Уже несколько десятилетий анкета используется как исследовательский инструмент не только внутри одной лингвокультуры, но и в межкультурных сопоставительных исследованиях, например в сравнительных исследованиях ценностей (Емельяненко: 1997), в исследованиях качества жизни (Новик, Ионова: 2007). Многоязыковой характер массового опроса вносит дополнительный фактор, затрудняющий единообразное понимание анкетного вопроса разными респондентами – фактор разнообразия языковых и ценностно-смысловых систем. К различным трудностям, связанным с разработкой языковой репрезентации анкетного вопроса и вариантов ответов (Нозль-Нойман : 2007), добавляется еще одна – трудность, связанная с доказательством функциональной эквивалентности анкеты на исходном языке и языке перевода. Если нет эмпирического обоснования такой эквивалентности, все различия в собранных данных (т.е. различия в ответах респондентов разных лингвокультур) могут отражать смысловые различия, содержащиеся в формулировках анкетных вопросов и вариантов ответов на разных языках, а не межкультурные различия, значимые для сопоставительного исследования (напр. Hahn et al. : 2006). Пока эмпирически не доказана эквивалентность анкетных вопросов на разных языках, переводные версии считаются нефункциональными, а сопоставление данных, собранных при помощи переводных версий анкеты, считается бессмысленным и ненаучным.

Исследования результатов перевода опросных инструментов по качеству жизни, выполненные лингвистами и когнитивными психологами (Кудря, Давтян : 2013), показали, что существующая международная методология перевода анкеты на разные языки для сопоставительных транскультурных исследований (Новик, Ионова : 2007) дает неоднозначные результаты и неадекватна особенностям анкеты как типа текста. Это определяет необходимость функционального описания конститuentов текста анкеты и актуальность анализа переводов анкет.

В настоящей статье мы обсудим конструктивный элемент, широко используемый в англоязычных анкетах для репрезентации вариантов ответа – номинативную шкалу, в которой используется слово «satisfied». На русский язык шкала традиционно переводится с использованием слова «удовлетворен», и в русскоязычном научном обиходе ее называют «шкалой удовлетворенности». Мы проведем функционально-семантический анализ слова «satisfied» в англоязычных шкалах и на основании наших наблюдений сделаем выводы об адекватности перевода этих шкал на русский язык при помощи слова «удовлетворен».

Номинативные шкалы, т.е. шкалы, где оценка градуируется на основании семантики входящих в нее слов – это область, где формирование четких смысловых оппозиций особенно важно. Текст анкеты предназначен для широкой аудитории и, согласно регламенту статистической процедуры, должен быть приблизительно одинаково понятен максимально большому количеству респондентов. Поэтому при конструировании шкал используются клишированные языковые репрезентации, которые часто встречаются в речи и более или менее одинаково понимаются всеми носителями лингвокультуры. Таким образом, к созданию смысловых оппозиций в номинативной шкале привлечен такой внутрисистемный языковой ресурс, как привычная сочетаемость слов (коллокация).

Рассмотрим примеры двух типичных англоязычных «шкал удовлетворенности»:

[1] Very satisfied

Satisfied

Neutral/Not sure

Dissatisfied

Very dissatisfied

([http:// www.lockmedia.com/solutions/customer-satisfaction-surveys.asp](http://www.lockmedia.com/solutions/customer-satisfaction-surveys.asp))

[2] Completely satisfied

Very satisfied

Somewhat satisfied
Somewhat dissatisfied
Very dissatisfied,
Completely dissatisfied

(<http://www.uwex.edu/ces/4h/evaluation/documents/Waystowordanswerchoicesinquestionnaires.pdf>)

Прежде всего, обращает на себя внимание то, что в обеих шкалах слово «satisfied» участвует в конструировании варианта ответа, обозначающего самую высокую меру/интенсивность положительной оценки: «very satisfied», «completely satisfied» (в некоторых анкетах встречается также «extremely satisfied»). Способность сочетаться с наречиями, означающими крайнюю степень качества, говорит о том, что оценка чего-либо как желательного, выражаемая английским «satisfied», понимается носителями английского языка как не имеющая семантического качественного предела и способна градуироваться по степени.

Кроме того, анализируя контексты, в которых употребляется «satisfied», мы обнаруживаем, что «satisfied» стоит в одном ряду с прилагательными «happy» и «pleased», которые могут характеризовать субъект как дающий очень высокие оценки желательности. Это подтверждается:

1) тем, как «satisfied» используется в атрибутивных группах в тех же анкетах, например: «How happy, satisfied, or pleased have you been with your personal life during the past month?» (GWBQ). В этом примере «happy», «pleased» и «satisfied» объединены в один анкетный вопрос, посвященный одному аспекту качества жизни человека, следовательно «happy», «pleased» и «satisfied» используются здесь составителями анкеты как контекстуальные синонимы, указывающие на взаимодополняющие параметры одной ситуации.

2) составом словарных дефиниций, определяющим «satisfy» в англоязычных словарях, например Merriam-Webster: «to satisfy – to cause (someone) to be happy or pleased». То, что «satisfy» определяется в словаре при помощи слов «pleased» и «happy», говорит о наличии близких компонентов в их значении и указывает на возможность их взаимозаменяемости в сходных контекстах.

Таким образом, английское «satisfied» характеризует субъект как дающий положительную оценку, которая потенциально может обладать высокой степенью и ассоциируется с положительными эмоциями. Такая семантическая характеристика «satisfied» делает это слово пригодным для конструирования номинативной оценочной шкалы, градуируемой по интенсивности.

В противоположность этому русское слово «удовлетворен» участвует в иных контекстах, и использование его в анкетных шкалах дает совсем другие результаты.

Рассмотрим типовой русский перевод процитированной шкалы [1]:

[3] «1. Крайне удовлетворен

2. Удовлетворен

3. Не чувствовал ни удовлетворенности, ни неудовлетворенности/не знаю

4. Неудовлетворен

5. Крайне неудовлетворен»

(Данный перевод цитируется по рабочим материалам автора, такие же формулировки, с небольшими вариациями, можно встретить в существующих русскоязычных анкетах в сети Интернет.)

Когнитивное тестирование этой шкалы при участии носителей русского языка (10 респондентов, 6 женщин /5 мужчин, возраст от 21 до 67, разные уровни образования) показывает, что слово «удовлетворен» в такой шкале никогда не ассоциируется с высокой положительной оценкой даже в верхнем, предельном значении шкалы «крайне удовлетворен». Возможно, это связано с тем, что в русскоязычной шкале академических оценок участвует однокоренное слово «удовлетворительно», которое означает «хуже, чем хорошо», «не хорошо». Т.е. в семантику русского «удовлетворен» инкорпорировано представление о средней мере/интенсивности; носители языка неизменно ощущают в этом слове внутренний семантический предел положительной оценки.

Более того, оценка «удовлетворен» плохо модифицируется по интенсивности. Русскоязычные респонденты могут не увидеть разницы как между вариантами ответа 1 и 2, так и между вариантами ответа 4 и 5 в примере [3], потому что, для большинства опрошенных носителей русского языка, оценки «удовлетворен» и «неудовлетворен» сами по себе уже обозначают крайнюю степень состояния. А оценка «крайне неудовлетворен», по сравнению с «неудовлетворен», выражает скорее более высокую эмоциональную вовлеченность человека в оценку, нежели более высокую рациональную оценку. Многие исследователи называют такое оценочное высказывание «аффективным» – это высказывание, которое не столько описывает положение вещей, сколько подчеркивает, что субъект высказывания заинтересованно относится к событию (см. напр. Вольф : 2014). Следовательно, между верхними, предельными значениями англоязычной шкалы со словом «satisfied» и русскоязычной – со словом «удовлетворен» существует большая разница именно по этому параметру: по степени желательности, которую способно обозначать слово «satisfied» и слово «удовлетворен» в сочетании с наречиями.

То же можно сказать и о нижних значениях шкалы. Шкалы [1] и [3] будут, таким образом, несопоставимы в межкультурном исследовании.

Итак, сравнительный обзор особенностей функционирования слова «satisfied» в англоязычных шкалах и слова «удовлетворен» в русскоязычных шкалах указывает на их неэквивалентность в этом контексте и на непригодность слова «удовлетворен» для перевода англоязычных шкал со словом «satisfied» в целях дальнейших сопоставительных исследований. Очевидно, что необходимо искать иные функциональные эквиваленты, для чего мы обратились к формулировкам шкал, разработанных в русскоязычной лингвокультуре. Отметим, что в течение последних десятилетий прецедентные переводы с использованием слова «удовлетворен» вошли в русскоязычный научный обиход, поэтому мы не будем полагаться на шкалы, разработанные в русскоязычной среде в течение последних десятилетий. Мы просмотрели анкеты, разработанные на русском языке в 70-80-е годы, до того как интерференция прецедентных переводов со словом «удовлетворен» приняла сегодняшние масштабы.

В качестве одной из стратегий адаптации шкал типа [1] для русскоязычной лингвокультуры целесообразным представляется указать на степень применимости характеристики (оценки), выражаемую словом «удовлетворен», как частичную или полную. Крайние позиции в такой шкале будут занимать формулировки, означающие, что характеристика «удовлетворен»/«не удовлетворен» применима в полной мере: «совершенно не удовлетворен», «вполне удовлетворен», а промежуточные градации будут указывать на то, характеристика (оценка) применима лишь отчасти: «скорее неудовлетворен», «скорее удовлетворен». Такую шкалу мы обнаружили в социологической анкете «Вы и Ваш труд», разработанной на русском языке в 1982 году (варианты ответа идут в обратном порядке):

«Совершенно не удовлетворен
Скорее неудовлетворен
Трудно сказать, удовлетворен или нет
Скорее удовлетворен
Вполне удовлетворен»

Другой вариант конструирования подобной шкалы для использования в русскоязычной лингвокультуре – отказаться от использования «удовлетворен» и «неудовлетворен» во всех ступенях шкалы, оставив их только в крайних, как абсолютные значения, а в промежуточных градациях использовать другие лексические средства. Подобная шкала была обнаружена в социологической анкете, составленной на русском языке в середине 70-х годов:

«Удовлетворен
Скорее да
Да и нет
Скорее нет
Не удовлетворен» («Вопросник эксперта»; Рабочая книга социолога: 1983, 179).

Оптимальным же нам представляется следующий вариант шкалы [1], который был разработан на русском языке в начале 70-х годов, с использованием слова «доволен»:

«Совсем не доволен
Не доволен
Трудно сказать
Доволен
Очень доволен» (Анкета «Ваш дом»: 1972)

Мы предполагаем, что слово «доволен», в семантике которого, как и у английского «satisfied», нет предела положительности характеристики и которое часто сочетается с наречиями интенсивности в речи, фактически и является функциональным эквивалентом слову «satisfied» в русскоязычных номинативных шкалах.

Итак, функционально-семантический анализ показал, что современная практика перевода номинативных шкал со словом «satisfied» с английского языка на русский нарушает функциональность этих шкал и требует пересмотра. Пересмотр необходимо начать, обратившись к традициям создания подобных шкал в русскоязычной лингвокультуре с учетом периода разработки анкеты. Функциональную эквивалентность обнаруженных русскоязычных шкал и английских шкал со словом «satisfied», безусловно, необходимо подвергнуть целенаправленной практической проверке.

Сокращения:
GWBQ – General Well-Being Questionnaire

Список литературы

1. Анкета «Ваш дом». Тартуский государственный университет. Тарту, 1972.

2. Вы и Ваш труд. Социологический вопросник. АН ССР, Институт социально-экономических проблем. Л., 1982. – 27с.
3. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М, 2014. – 284с.
4. Емельяненко Т.В. Методы межкультурных исследований ценностей. //Социология: – М, 1997, №9.
5. Кудря С.В., Давтян Е.Н. Что измеряет шкала депрессии Бека? //Психиатрия и психофармакотерапия. Журнал им. П.Б.Ганнушкина. Том 15 № 2, 2013. – С.57-60.
6. Новик А.А., Ионова Т.И. Руководство по исследованию качества жизни в медицине. – М., 2007. – 320с.
7. Ноэль-Нойманн Э., Петерсен Т. Все, но не каждый. Введение в методы демоскопии. – М., 2007. – 616 с.
8. Рабочая книга социолога (Отв. ред. Осипов Г.В., Иванов В.Н.) – М., 1983. – 478 с.
9. Hahn E.A., Bode R.K., Du H, Cella D. Evaluating Linguistic Equivalence of Patient-reported Outcomes in a Cancer Clinical Trial.//Clinical Trials – 2006. – №3 –P. 280-290.
10. Wang W.-L., Lee H.-L., Fetzer S.J. Challenges and Strategies of Instrument Translation.//Western Journal of Nursing Research, – 2006. – №28 – P.310 – 321.

МНОГОЗНАЧНОСТЬ АНГЛИЙСКИХ СЛОВ

Ласточкина М.С., старший преподаватель кафедры иностранных и русского языков, г.Москва

Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологий имени К.И. Скрябина

Аннотация

Статья затрагивает вопросы, связанные с трудностями перевода многозначных английских слов и помощи студентам неязыковых вузов в разрешении этой проблемы.

POLYSEMANTIC OF ENGLISH WORDS

Lastochkina M., Senior teacher, Department of foreign and russian languages

Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology named after K.I. Skryabin, Moscow

Summary

The article deals with the difficulties of translation of polysemantic English words and how to help students to resolve such problems.

Овладение навыками правильного перевода с иностранного языка является одной из важных задач, стоящих перед изучающими иностранный язык.

В данной статье рассматривается одна из проблем перевода с английского языка, а именно многозначность слова.

Слова являются основной единицей языка, создающей представление о вещах реального мира и психологической жизни человека. Каждое слово имеет свое собственное значение. Слово, которое лишено значения не является словом. И такое определение является самым важным аспектом слова. Возникает вопрос, что же такое значение слова? Нам следует отметить, что значение неотделимо от самого слова, так как оно отражает реальные вещи, мысли, состояние и т.д. и неотделимо от нашего осознания объективной реальности.

Но существует много слов, которые имеют больше, чем одно значение. Процесс, когда слово приобретает новые значения приводит к полисемии – polysemy (греческое «polys»- много и «sēma» - значение).

Исходя из этого, при переводе предложения необходимо из многих значений слова выбрать только одно. При отборе этого значения необходимо исходить из общего содержания мысли, заключенной в данном предложении, а также из общего содержания переводимого текста. Так, английское слово face имеет первоначальное, основное значение лицо, но данное слово имеет и другие значения: циферблат – the face of the watch; внешний вид – upon the face of smb; фасад здания – the face of the building; поверхность – the face of the earth; нахальство(разг.) – to show a face. Другое английское слово spring имеет основное значение весна. Но у слова есть и другие значения: пружина – the spring of a watch; родник, источник – mineral spring; ранний период, юность (поэтич.) – the spring of life; прыжок (спорт.) – to make a spring; плясовая мелодия в быстром темпе (шотланд.). Английское слово hand означает не только кисть руки, но также: сторона – on every hands; подчерк – to have a beautiful hand; стрелка часов – a hand of a watch; власть – a strong hand; связка – a hand of bananas.

Позвольте отступить от основной темы статьи и отметить, что в языках некоторых племён, например, нет общего понятия рука, а только много слов, обозначающих отдельные части руки. Такой любопытный пережиток можно найти и в английском языке, в котором слово *arm* означает часть тела между плечом и кистью руки, а *hand* - часть руки ниже запястья. Что касается русского языка, в нем нет такого различия в слове рука.

Но вернемся к основной теме статьи. Для того, чтобы выбрать правильное значение слова важно также определить какой частью речи оно является в данном предложении.

Приведем несколько примеров:

Tears spring to her eyes every time she remembers her spring of life – Ее глаза наполняются слезами каждый раз, когда она вспоминает свою юность.

«I'm sure I will face my love because love is the only thing that really matters!», exclaimed Sybil and her face flushed red. - «Я уверена, что встречу любовь, потому что любовь – это единственное, что действительно имеет значение!» - воскликнула Сибил, и ее лицо залилось румянцем.

Но даже, когда слово употребляется неизменно в одной и той же грамматической функции, значение раскрывается лишь при условии, если оно в связи с другими словами и часто зависит от предшествующих и последующих предложений. Примерами изменения значений могут служить такие английские глаголы, как *to go, to bring, to run*.

A lot of tourists go to Siberia to admire the scenery of the Baykal. – Много туристов едут в Сибирь, чтобы полюбоваться красотами Байкала.

«It's too hot in the studio. Let's go to the garden, I need some fresh air», said Lord Henry. – «В студии слишком жарко. Пойдемте в сад, мне необходим свежий воздух» - сказал лорд Генри.

When Sue got married, she had to run their cafe. – Когда Сью вышла замуж, она вынуждена была управлять их кафе.

This driver runs the car very confidently. – Этот водитель очень уверенно водит машину.

Особо следует остановиться на переводе слова *it*, которое вызывает трудности у студентов-первокурсников неязыковых вузов, так как зачастую знания, приобретенные в средней школе, бывают отрывочными, неполными.

Слово *it*, является личным местоимением 3-его лица единственного числа; когда употребляется в функции:

а) подлежащего (переводится он, она, оно, иногда они)

Take your watch. It is on the table. – Возьмите ваши часы. Они на столе.

б) дополнения (переводится его, ее и т.д.)

This is an urgent case and we'll discuss it immediately. – Это срочное дело и мы обсудим его немедленно

Строевое слово *it* не переводится в функции:

а) подлежащего безличного предложения

It often snows in winter. – Зимой часто идет снег.

б) дополнения после глаголов *find, make, think+* прилагательное.

I think it necessary to study academician K.I.Skryabin's scientific works in which he described about 200 species of helminths. – Я считаю необходимым изучать научные работы академика К.И.Скрябина, в которых он описал около 200 видов гельминтов.

Строевое слово *it* также не переводим, когда оно вводит подлежащие, выраженное

а) инфинитивом

It was difficult to explain to Sybil why she had killed his love. – Было трудно объяснить Сибил почему она убила его любовь.

б) придаточным предложением

It is said he has ruined so many lives in the past. – Говорят, в прошлом он разрушал так много жизней.

Когда строевое слово *it* выделяет один из членов предложения в текст русского перевода вносятся усилительные слова или частицы: только, именно, то.

It is academician M.F. Ivanov who worked out the methods of producing new breeds of farm animals and of improving their characteristics. – Именно академик М.Ф. Иванов разработал методы создания новых пород сельскохозяйственных животных и улучшения их характеристик.

Лишь в отдельных случаях *it* может переводиться указательным местоимением.

What is this? It is the picture exhibited in Art gallery last year. – Что это? Это картина, выставленная в прошлом году в картинной галерее.

Что же поможет студентам в решении проблемы перевода многозначных слов? Кроме знания правила построения английского предложения, после установления грамматической категории слова огромное значение в решении проблемы перевода полисемантических слов приобретает работа со словарем, который является важным средством понимания текста. Но надо помнить, что значение слова, подходящее для данного текста, не всегда

стоит в словаре первым. Следует просмотреть все значения и найти то единственное, которое более всего подходит к данному контексту.

Список литературы

1. Lectures on linguistics: F.M.Berezin – М.: Higher school publishing house, 1969,173с.

МОДАЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Никольская Н.В.

Московская Государственная Академия Ветеринарной Медицины и
Биотехнологии – МВА им. К.И. Скрябина, г.Москва

В статье дан анализ роли модальных частиц немецкого языка в современной лингвистике. Модальные частицы рассматриваются в разных функциональных стилях: художественной прозе, публицистике и авторской речи.

Ключевые слова: модальные частицы; семантика.

Характерной особенностью разговорной речи является ее эмоциональность. Во время беседы говорящие обычно не ограничиваются требованиями информации и сообщением ее. Каждый стремится кроме того как-то повлиять на собеседника, передать ему свои чувства и настроение, побудить его к каким-то действиям, вызвать у него желаемую реакцию.

Средством достижения этих целей является в первую очередь интонация. Не последнюю роль играют в разговоре выражение лица, мимика, жесты.

Выражению эмоций и субъективного отношения к содержанию высказывания и к собеседнику служат и лексические средства, в частности, особый класс слов – модальные частицы.

Интерес современной лингвистики к модальным частицам немецкого языка не случаен: ни один язык (кроме русского) не обладает такой богатой, такой разветвленной системой модальных частиц, как немецкий. Их употребление в диалоге обязательно. Модальные частицы называют словами-приправами (Würzwörter) и характеризуют их функцию в разговорной речи следующим образом: «Это, так сказать, мимика говорящего, переданная средствами языка».

Немецкая обиходно-разговорная речь немыслима без модальных частиц. Чтобы убедиться в этом, достаточно взять любое произведение художественной литературы, где автор передает диалогическую речь, например романы Э.М. Ремарка, Б. Келлермана, Г. Фаллады и др.

Модальные частицы можно встретить и в языке газеты, и в научных трудах, и в авторской речи художественного произведения, но их процент здесь невелик. Необходимыми и употребительными модальные частицы являются во всех тех случаях, когда говорящий видит перед собой конкретного собеседника и заинтересован в живом непосредственном общении с ним.

Модальные частицы до сих пор не имеют в немецкой лингвистике единого общепризнанного наименования, хотя исследователи в последнее время явно предпочитают термин *modale Partikeln* или *Modalpartikeln*. Наряду с ним можно встретить также термин *Abtönungspartikeln*, *Würzwörter* и некоторые другие.

В традиционной немецкой грамматике термином «частицы» (*Partikeln*) обозначались все морфологически незаменимые слова: наречия, союзы, предлоги и частицы, причем частицы не выделялись из состава наречий. В ряде случаев эта традиция сохраняется и поныне.

Вопросу о частицах специально посвящена книга Г. Хельбига и В. Кетца «Die Partikeln», где авторы характеризуют частицы «как самостоятельную часть речи и выделяют внутри ее две группы – иллокутивные частицы (*illokutiv Partikeln*) и семантические частицы (*semantische Partikeln*). У иллокутивных частиц (или по другой терминологии – модальных: *aber, auch, bloss, denn, doch* и т.д.) преобладает коммуникативная функция, они уточняют прагматическую направленность высказывания, помогают понять высказывание как предостережение, позволение, совет, требование и т.п. У семантических частиц (*sehr, weit, weitaus, ganz, so, viel* и т.д.) доминирует семантическая функция, а именно модификации, спецификации, градации, интенсификации содержания высказывания или его частей.» [1,стр.26]

По своим лексико-грамматическим признакам частицы весьма неоднородны. В этом классе слов можно выделить три группы частиц:

- Первая группа (небольшая) – частицы, выполняющие чисто грамматические функции: zu (began zu sprechen), am (am grössten, am jüngsten). К этой же группе относится частица nicht (единственная частица в этой группе, сохранившая семантику, а именно семантику отрицания), частица aufs (aufs Beste) и частица es (в предложениях типа Es weht der Wind). Все остальные частицы выполняют в предложении лексические функции. Это, во-первых, прилагательные частицы наречного и именного происхождения – служебные слова, которые, сочетаясь с глаголом, образуют устойчивые глагольные единицы (aufstehen, aussehen, einschenken, mitnehmen, festsetzen, teilnehmen).

- Ко второй группе с лексическими функциями в предложении относятся «логические или логико-смысловые частицы: aber, auch, allein, besonders, erst, lauter, noch, nur, nicht einmal, sogar – всего 43 слова по данным Н.А. Тороповой. Логические частицы соотносят однородные понятия, между которыми возникают определенные смысловые отношения». [3, стр.46]

- Третью группу частиц с лексическими функциями составляют модальные частицы, в отличие от логических частиц, не к отдельному слову или словосочетанию, а ко всему предложению в целом. В предложении они играют большую коммуникативную роль, сообщая высказыванию различные оттенки субъективной модальности. Сюда можно отнести такие модальные частицы, как: wohl, schon, doch, auch, etwa, denn и т.п.

Будучи служебными словами, модальные частицы не могут быть употреблены самостоятельно, вне рамок предложения, поэтому и свое лексическое значение они реализуют только в предложении. «Тип предложения играет при этом большую роль. В зависимости от типа предложения реализуется тот или иной лексико-семантический вариант модальной частицы. В ряде случаев бывает трудно, а иногда и невозможно перевести немецкие модальные частицы на другие языки». [2, стр.55] Порой бывает проще описать, чем найти соответствующие эквиваленты в других языках. Дело в том, что не каждый язык располагает такой же обширной системой модальных частиц, как немецкий. Например, во французском и в английском языках модальных частиц гораздо меньше, и при переводе немецких предложений с модальными частицами приходится прибегать к другим языковым средствам: это могут быть полнозначные слова, порядок слов, междометия, а в устной речи и интонация. В русском языке насчитывается большое количество модальных частиц, в связи с чем почти каждую модальную частицу немецкого языка оказывается возможным перевести при помощи частицы. Однако полного совпадения в этом отношении немецкий и русский языки не обнаруживают.

Список литературы

1. Helbig G., Kötz W. “Die Partikeln” - Leipzig, VEB Verlag. Enzyklopädie, 1981, 68 с.
2. Кривоносов А.Т. «О семантической природе модальных частиц» - Физиологические науки, 1982, №5, с. 50-58
3. Торопова Н.А. «Семантика и функции логических частиц» - Саратов, 1980, СГУ, 174 с.

ОСМЫСЛЕНИЕ КОЛЛОКАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ИЗУЧЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Заболотская А.Р.

г.Казань

Термин «коллокация», хотя и вошел в постоянное употребление сравнительно недавно, по праву занимает одно из ключевых мест в современной лингвистике. Одно из первых осмыслений понятия в русскоязычной научной литературе можно найти в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой [1: 199]. Первой работой в российской лингвистике, полностью посвященной исследованию коллокации на материале русского языка, является монография Е.Г. Борисовой [2].

Существуют различные определения этого понятия. В широком смысле это комбинация двух или более слов, имеющих тенденцию к совместной встречаемости (например, “utterly fascinating” or “concerted effort”). В основе большинства определений коллокации лежит явление семантико-грамматической взаимообусловленности элементов словосочетания [3], [4]. Коллокацию также часто определяют как несвободное, нефразеологическое сочетание слов в речи, характеризующееся традиционностью состава и звучащее правильно, естественно для носителей языка. В данном случае перед нами особый лексико-семантический тип словосочетания, по своей внутренней семантической структуре стоящий между свободным и фразеологическим сочетанием. Слова-

компоненты коллокации связаны не фразеологически, а по языковой привычке. В структуральном плане коллокации характеризуются следующими свойствами:

- незамещаемость компонентов (non-substitutability);
- немодифицируемость компонентов (non-modifiability).

Несмотря на значимость коллокаций, их изучение началось только недавно из-за неопределенности их семантической структуры и способов их образования. Очевидно, что коллокация отлична от фразеологизмов, но между ее компонентами также существует связь, характеризующаяся как неравная со стороны каждой составляющей. Слова связываются в коллокации традиционно (если следовать дефиниции термина). Но на основе интуиции и личного речевого опыта невозможно строить исследования по коллокации. Сложность заключается не только в том, что подобных устойчивых выражений в языке огромное количество, но и в том, что образование коллокации обуславливается не только правилами грамматики, синтаксиса и лексикологии, но речевой традиции, языковым мышлением говорящего. Коллокация не только единица языка, но и единица речи и мышления, по мнению многих лингвистов.

Выделяются разнообразные структурные типы коллокаций в зависимости от грамматической принадлежности компонентов. К основным можно отнести следующие [5]:

1) Сочетание наречия и прилагательного (adverb + adjective): a) *Invading that country was an utterly stupid thing to do.* b) *We entered a richly decorated room.* c) *Are you fully aware of the implications of your action?*

2) Сочетание прилагательного и существительного (adjective + noun): a) *The doctor ordered him to take regular exercise.* b) *The Titanic sank on its maiden voyage.* c) *He was writhing on the ground in excruciating pain.*

3) Сочетание двух существительных (noun + noun): a) *Let's give Mr Jones a round of applause.* b) *The ceasefire agreement came into effect at 11am.* c) *I'd like to buy two bars of soap please.*

4) Сочетание существительного и глагола (noun + verb): a) *The lion started to roar when it heard the dog barking.* b) *Snow was falling as our plane took off.* c) *The bomb went off when he started the car engine.*

5) Сочетание глагола и существительного (verb + noun): a) *The prisoner was hanged for committing murder.* b) *I always try to do my homework in the morning, after making my bed.* c) *He has been asked to give a presentation about his work.*

6) Сочетание глагола и существительного посредством предлога (verb + expression with preposition): a) *We had to return home because we had run out of money.* b) *At first her eyes filled with horror, and then she burst into tears.* c) *Their behaviour was enough to drive anybody to crime.*

7) Сочетание глагола и наречия (verb + adverb): a) *She placed her keys gently on the table and sat down.* b) *Mary whispered softly in John's ear.* c) *I vaguely remember that it was growing dark when we left.*

Данная классификация учитывает структуру коллокации, однако вне ее поля зрения остаются семантические отношения компонентов. Одной из последних классификаций, учитывающих семантическую структуру коллокации, является классификация, предложенная Говардом [6:24]. Правда, она рассматривает лишь сочетания глагола с существительным. Говард выделяет пять уровней, в зависимости от того, насколько свободно компоненты высказывания вступают в сочетания с другими словами.

1 уровень. Свободная замена существительного, некоторые ограничения в выборе глагола: *adopt / accept / agree to a proposal / suggestion / recommendation / convention / plan.*

2 уровень. Сохраняется некоторая вариативность обоих компонентов (сокращается количество синонимичных глаголов и количество существительных, способных вступить в сочетание с данным глаголом): *introduce / table / bring forward a bill / an amendment.*

3 уровень. Вариативность в выборе глагола и полное отсутствие возможности выбора существительного (только одно существительное в этом значении образует сочетание с глаголом): *pay / take heed.*

4 уровень. Полное отсутствие возможности выбора глагола и некоторая вариативность в выборе существительного: *give the appearance / impression.*

5 уровень. Полное ограничение в выборе обоих компонентов: *curry favour.*

Выявление и изучение коллокационного ряда слова дает важную, дополнительную информацию о значениях слова и о его употреблении, что является необходимым для тех, кто изучает иностранные языки. Но в то же время коллокации вызывают определенные трудности именно у изучающего язык, поскольку в ряде случаев речь идет о выборе соответствующего синонима, что достаточно затруднительно для не носителей языка (для русскоязычного студента, например, непонятно, почему англичане говорят “the fast train”, “fast food”, а не “the quick train”, “quick food”; “a quick shower”, “a quick meal”, а не “a fast shower”, “a fast meal”). Следовательно, важной задачей при организации учебного процесса является выявление механизмов запоминания и употребления коллокаций. Выделяют два основных способа, которые позволяют обнаружить коллокацию: чтение аутентичного текста или восприятие англоязычной речи на слух и работа со словарем.

В помощь изучающим иностранные языки создаются словари нового поколения активного типа, нацеленные именно на активное, практическое освоение языка. В этих словарях наряду со значениями слов даются и ситуации их употребления на примере различных контекстов. Коллокации используются в данных словарях как одна из форм описания значений слова, и в то же время, коллокация в активном словаре толкового типа выступает как единица речи альтернативная слову (синонимичная или антонимичная). Расширяя словарный запас читателя, коллокация показывает системные семантические и стилистические противопоставления словарной единицы и служит одним из средств лексикографического описания значения слова, являясь его микроконтекстом.

Изучение коллокаций может быть основано и на тематическом принципе и связано с отнесением коллокации к той или иной тематической группе.

Необходимо пристальное внимание к коллокациям при изучении языка, поскольку они 1) обладают высокой коммуникативной ценностью; 2) предоставляют говорящему на английском языке неограниченные возможности выражения практически любых понятий; 3) существенно обогащают язык говорящего и показывают высокий уровень владения языком.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская Энциклопедия, 1969. – 608 с.
2. Борисова Е.Г. Коллокации. Что это такое и как их изучать. - М.: Филология, 1995.
3. Дементьева И., Табанакова В.Д. Коллокация как средство семантизации слова в английском словаре. – Электронный ресурс: frgf.utmn.ru/last/No4/text6.htm
4. Иорданская Л.Н., Мельчук И.А. Смысл и сочетаемость в словаре. - М.: Языки славянских культур, 2007. – 672 с.
5. M. McCarthy, F.O'Dell English Collocations in Use, Cambridge University Press, 2005. – 158 p.
6. Nesselhauf N. Collocations in a Learner Corpus. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2005. – 322 p.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СПОСОБ ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЯ

Белоусова А.Р.

г.Москва

Формирование научного словаря в любой отрасли знания происходит в немалой степени за счет привлечения профессионально дефинированных слов общего языка. В связи с этим представляет большой интерес рассмотрение семантического способа терминообразования терминов, проявляющегося в процессе терминологизации общеупотребительной лексики, на примере терминосистемы ветеринарной медицины.

Переход общеупотребительных слов в научную сферу общения неизбежно связан с семантическими сдвигами и преобразованиями первичного значения слова. Слово как средство языкового обозначения предметов и явлений окружающей действительности, ввиду своей двусторонней природы, обладает способностью двукратного означивания в процессе номинации. Вторичная номинация основывается на свойстве понятий переходить друг в друга и формироваться на основе логико – предметных связей или отношений между старым и новым понятием. ^[1]

Формирование смысла вторичных наименований протекает в процессе переосмысливания «предшествующего» значения слов. Это переосмысление может происходить либо на основе отмеченного сходства реальных предметов, либо в силу их смежности в пространстве или во времени, либо в силу выполнения ими одинаковых сходных функций.

Подобное перенесение значения с одного денотата на другой при неизменном плане выражения, т.е. метафоризация, как явление языка отмечалось в работах исследователей. «Использование слова из неспециальной части словарного состава языка в качестве научно – технического термина может проходить путем некоторого ограничения его значения или на основе его переносного употребления» ^[2]

Известный исследователь терминологии Д.С. Лотте также указывал на это явление и описал способы переноса значений по сходству признаков и по смежности понятий. ^[3]

Анализ материала показал, что метафорический и метонимический переносы довольно продуктивны при образовании терминов синтаксическим способом. В состав терминологических словосочетаний входят общеупотребительные слова, переосмысление которых произошло по следующим основаниям:

1. Не основе чисто внешнего сходства: frog of the foot (стрелка в копыте лошади);
2. по сходству в расположении: hoof head (венчик копыта);
3. по сходству признаков на основе каких – либо свойств: greenstick fracture (неполный перелом);
4. по сходству функций или на основе общности функций: bars of horse foot (пятка у лошадиного копыта).

Распространены терминологические словосочетания, в которых сопоставление выражается при помощи элементов –form–, like – shaped. Например: yeast – like fungi (дрожжевидные грибы), fusi – form bacteria (веретенообразные бактерии), s – shaped particles (s– образные частицы) и т.д.

Сопоставление может выражаться в терминологических словосочетаниях производным прилагательным, образованным от существительного – объекта сопоставления. Например: scaly legs – «известковые ноги» - заболевание кожи и ног у птиц (ноги покрыты чешуйками); watery eyes–обильное слезотечение из глаз.

Как показал анализ, метафоризация более регулярна и продуктивна в сфере конкретной лексики. Метафорические сочетания терминов различаются по степени разложимости. Многочисленны разложимые (несвободные) терминологические словосочетания, где метафоризировано только прилагательное. Например: red fever (рожа свиней); glass eye (глазной лимфатоз у цыплят); white comb (парша гребня) и т.д. В меньшем количестве встречаются неразложимые сочетания терминов – фразеологизмы. Например: monkey mouth (ахондроплазия у лошадей); parrot jaw (укороченная нижняя челюсть); proud flesh (дикое мясо, масса избыточной грануляции на раневой поверхности) и т.д.

В сфере абстрактной лексики семантическое образование терминологических словосочетаний осуществляется преимущественно метонимическим переносом и сужением значения.

Метонимический перенос – перенос названия по смежности понятий. Как показал анализ, в литературе по ветеринарии продуктивны образования по моделям, основным компонентом которых служит абстрактное существительное со значением «название действия». Например: impaction of the stomach (переполнение желудка); adjustable grip (хирургический зажим); sanitary certificate (санитарное свидетельство о благополучии животного); calf crop output (выход телят) и т.д.

Сужение значения как вид семантического терминообразования происходит при переносе названия общеупотребительного понятия на специальное понятие, совершаемого на основании общности всех признаков общеупотребительного и специального понятий при наличии у специального понятия дополнительных признаков.

В терминологическом словосочетании при сужении значения специфические особенности специального понятия выражаются через определение к опорному существительному. Именно это определение и обуславливает формальное отличие термина от общеупотребительного слова. Например: brood nest (область расплода пчел); blood stream (кровообращение); growth power (энергия роста).

Таким образом, на основании вышеизложенного о семантическом способе терминологической номинации можно заключить, что материалом для образования терминов в области ветеринарной медицины, точно так же, как и в других отраслях знания, издавна служили употребительные слова, давно живущие в языке, называющие жизненно важные окружающие человека предметы и явления. Такие виды семантического образования терминов, как метафорический и метонимический переносы и сужение значения, широко представлены в терминосистеме ветеринарной медицины.

Список литературы

1. Телия, Вторичная номинация и её виды / Языковая номинация: виды номинации. –М.: Наука, 1977, с. 129-222
2. Санкин, О способах образования н-т терминов,-М.,1956, с.95-96.
3. Лотте, Некоторые принципиальные вопросы отбора и построения н-т терминов.-М.-Л.:АН СССР, 1941, с. 74.

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ИРРЕАЛЬНОГО / ЖЕЛАЕМОГО ДЕЙСТВИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Т.МАННА «БУДДЕНБРОКИ»)

Хаширова А.Р., Гладкова Н.П.

Казанский (приволжский) федеральный университет, г.Казань

Расцвет творчества немецкого писателя Томаса Манна приходится на начало XX века. Он прославился как талантливый эссеист и мастер эпического романа, а его произведения были переведены на многие языки, в том числе и на русский. Известность писателю принес его первый роман «Будденброки», в основу которого положена история его собственной семьи, поэтому в нем очень силен автобиографический элемент. В этом произведении Манн поднимает проблему взаимоотношений и взаимопонимания разных поколений.

Предметом рассмотрения в настоящей статье будут способы выражения желаемого действия в романе «Будденброки». Основным способом выражения ирреальности является конъюнктив. Конъюнктив немецкого языка предполагает две временные формы. Таковыми являются: презентная и претеритальная формы.

Сослагательная форма в основном используется в предложениях вида "Что было, если бы ..." (в отношении событий настоящего или будущего). Например:

"Ach, Jean, das beste wäre, Papa gäbe nach!" [Buddenbrooks, I Teil, I] Kapitel. –Ах, Джен, было бы лучше, если бы папа уступил.

Еще одной из функций претерита конъюктива является выражение пожелания. В данном случае принято начинать предложение с союза *wenn* (если), а сказуемое переходит на последнее место в предложении. Выражая нереальное пожелание с помощью конструкции конъюктива и не используя союз *wenn*, необходимо поставить сказуемое в начало предложения. Возможным в подобных предложениях так же является употребление таких слов как: *doch, bloss, nur, doch nur*, а в конце ставить восклицательный знак.

Например:

„...wenn er dich etwas zu bitten hätte ..." [Buddenbrooks, IV Kapitel, Teil III]

"Wenn es nur dies wäre", fuhr er fort, indem er mit der Hand an seiner linken Seite hinunterstrich, ohne seinen Körper zu berühren" [Buddenbrooks, VII Kapitel, Teil I]. - Если бы одно это, - продолжал он, потирая левый бок.

Форму плюсквамперфекта конъюктива образуют с помощью вспомогательных глаголов *haben/sein*, которые принимают форму претерита конъюктива, а также партиципа II-го основного глагола. Что касается спряжения глаголов в этой форме, то они спрягаются согласно правилу для перфекта, что обозначает изменение только вспомогательного глагола. Форма плюсквамперфекта конъюктива соотносится с тремя формами прошедшего времени индикатива немецкого языка изъявительного наклонения (претерит, перфект, плюсквамперфект). Например:

Sie würde ihn nicht geheiratet haben, wenn sie nicht bei solchen Dingen im wesentlichen seiner Zustimmung sicher gewesen wäre. [Buddenbrooks, VI Kapitel, Teil VI]. - Она бы не стала его женой, если бы в подобных случаях твердо не рассчитывала на его поддержку.

Вышеупомянутая форма конъюктива используется почти в тех же случаях, в каких используется сослагательное наклонение русского языка, если описываются события в прошлом. Частым случаем употребления плюсквамперфекта прошедшего времени являются предложения вида "Что было, если бы ...", но только если речь заходит о событиях прошлого, которые исправить уже невозможно. Например:

„Gott hat uns nicht mit Kindern gesegnet; aber was mein gewesen wäre, wenn ich Dich überlebt hätte...“ [Buddenbrooks, VI Kapitel, Teil III]. - Господь не благословил нас детьми. Но то, что стало бы моим, будь мне суждено пережить тебя...

Описательная или *würde*-форма конъюктива образуется по формуле: вспомогательный глагол *werden* и инфинитива основного глагола (*würde* + инфинитив глагола). В предложении вспомогательный глагол занимает место основного глагола, а основной глагол в начальной форме идет в конец предложения. Например:

"Ja, Tom", sagte Christian nachdenklich; "ich würde wahrhaftig lieber studieren! - Да, Том, - задумчиво отвечал Христиан, - пожалуй, лучше было бы мне продолжать учение!

Однако в придаточном предложении, согласно правилам, регулирующим порядок слов, *würde* идет в конец, пропуская вперед себя всю структуру предложения. Например:

Daß sie keinen Filou, sondern bloß einen `Duschack? zum Manne bekommen hat, wie Ida sagen würde, und wenn sie einmal in meiner Lage wäre im Leben, so würde es sich ja erweisen, ob sie einen zweiten finden würde ..." – Что она

вышла замуж не за мошенника, а за балбеса, как сказала бы Ида? И я еще далеко не уверена, что ей бы удалось найти второго мужа, очутись она в моем положении...

Особенно предпочтительно использовать *würde*-формы, если сказуемым является слабый глагол, поскольку в этом случае нельзя отличить изъявительное наклонение прошедшего времени (претерит) от сослагательного наклонения настоящего времени. Например:

Diese Welt der Mittelmäßigkeit bot ihm keine Möglichkeit, für diese Frau eine Tat von gräßlicher Ruchlosigkeit zu begehen, welche er, bucklig, düster und kalt in seinen Mantel gehüllt, mit teuflischem Gleichmut verantwortet haben würde! - Заурядный мир, его окружавший, не позволял ему свершить ради этой женщины неслыханное злодейство, за которое он, конечно, уж предстал бы к ответу с сатанинским спокойствием, закутанный в неизменный свой плащ, горбатый, угрюмый, равнодушный.

Не стоит забывать, что существуют определенные грамматические правила применения конъюнктива в немецких сложных предложениях. Нереальные сравнительные предложения употребляются вместе с союзами *als ob*, *als wenn*, *als* (как будто, как если бы, словно). В случае одновременности действия придаточного предложения и действия главного, в первом употребляется претерит (реже презенс) конъюнктива. Если действие в придаточном предложении опережает действие главного, значит предпочтительно употребление плюсквамперфект (реже перфект) конъюнктива.

Er sieht so aus, als ob er krank wäre (sei).

Он выглядит так, как будто он болен.

Er sieht so aus, als ob er drei Tage nicht geschlafen hätte (habe).

Он выглядит так, как будто он три дня не спал.

Стоит обратить внимание на порядок слов после союза *als*, за которым сразу следует спрягаемая часть сказуемого:

Er sieht so aus, als wäre er krank.

Он выглядит так, как будто он болен.

Sie tut so, als wäre nichts passiert.

Она делает вид, как будто ничего не случилось.

Форма конъюнктива II значительно более употребима, чем форма конъюнктива I. В рассмотренных выше примерах эта форма встречается гораздо чаще, как и в современном немецком, литературном и разговорном, языке.

В данной статье нами были рассмотрены и изучены возможности применения грамматических форм конъюнктива в литературных произведениях на примере романа Т. Манна «Будденброки». Нами также было рассмотрено большое количество материала по данному вопросу на русско- и немецкоязычных форумах, посвященных изучению грамматики немецкого языка, где нами были выделены случаи употребления конъюнктива в предложениях, передающих значение реального и нереального условий. По итогам данного исследования нами были сделаны следующие выводы: *würde* – Form в немецкой литературе является достаточно употребительной грамматической формой конъюнктива, которая служит как грамматическим, так и стилистическим средством, и средством для создания удобств при говорении.

Таким образом, мы можем еще раз удостовериться в том, что как в простых, так и в различных структурных типах сложного предложения претеритальные формы конъюнктива употребляются для выражения возможности как таковой. Обобщая все вышесказанное, мы можем вывести результаты данного исследования. Конъюнктив является востребованным грамматическим явлением в литературе, что показано и объяснено на примерах.

Список литературы

1. Абрамов Б.А. Теоретическая грамматика немецкого языка / Б.А. Абрамов. - М.: Владос, 1999. - 382 с.
2. Волкова Л.Б. Синтаксически связанные формы глагола и структура парадигм, Казань: Казан. гос. ун-т, 2004г., С.76-81
3. Нарустранг Е.В. Практическая грамматика немецкого языка. М.: Союз, 2005, - 368 с.
4. Schendels, E.I. Deutsche Grammatik: Morphologie, Syntax, Text: Практическая грамматика немецкого языка : учебник E.I. Schendels. – М. : Высш. шк., 1979. – 397 с.
5. Т. Mann „Buddenbroken“, Berlin, 1992.

СТЕРЕОТИП «ИРЛАНДЕЦ-ПЬЯНИЦА» В СМИ

Чурокаева В.И.

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово

Кроме положительных последствий эпоха глобализации вызвала появление очень острой по своей сути проблемы взаимоотношений между различными нациями. Более того, межнациональные отношения на сегодняшний день обострены явлением стереотипизации межнационального восприятия.

В ходе своего взаимодействия у народов неосознанно создается собственная или перенимается извне модель восприятия других людей и этносов. При этом многие исследователи признают, что появление и изучение такого явления как «стереотип» значительно облегчило процесс восприятия и понимания в ходе межнационального взаимодействия.

Изучение стереотипа является на сегодняшний день очень перспективным полем исследования среди лингвистов, историков, социологов, психологов и специалистов из других областей науки.

Первым ввел в научный обиход и привел первые обоснования понятия «стереотип» американский писатель, журналист, политический обозреватель и автор оригинальной и уникальной концепции общественного мнения Уолтер Липпман в 1922. Под стереотипом он понимает «упорядоченные, схематичные, детерминированные культурой образы, «картинки мира», отраженные в сознании человека, которые значительно экономят усилия при восприятии сложных объектов действительности и защищают его ценности, статус и права. Это «принятые в исторической общности образцы восприятия, фильтрации, интерпретации информации при распознавании и узнавании окружающего мира, основанные на предшествующем социальном опыте» [2, с. 95].

Вслед за У. Липпманом отечественный исследователь В. В. Красных определяет стереотип как «некоторое «представление» окружающей действительности, зафиксированная ментальная «картинка», являющаяся результатом отражения в сознании личности «типового» фрагмента реальности, некий инвариант определенного участка картины мира» [1, с. 177 – 178].

Стереотипизация происходит вследствие стремления людей понять и упростить окружающий мир и явления действительности.

Поскольку Липпман в своей теории высказал идею о том, что, передаваясь из поколения в поколение, стереотипы обычно воспринимаются людьми как данность и реальность. При этом в случае межнационального взаимодействия стереотипы могут быть как вполне правдивыми, т.е. отражать реальные качества и характеристики народа, так и ложными представлениями, поскольку отражают односторонний, даже искаженный взгляд, основывающийся на ограниченном наборе признаков [2, с. 81].

Стереотипы очень устойчивы, и поэтому не могут быть легко изменены, или, тем более, полностью искоренены из сознания людей [3, с. 154].

Таким образом, стереотипы, значительно облегчая процесс коммуникации между представителями различных нации, могут быть и преградой для адекватного восприятия действительности и реальных качеств народа.

СМИ, как важный инструмент навязывания социального мнения, играет существенную роль в создании и передаче социальных стереотипов [4].

Одним из очень ярких народов, вокруг которого образовалось и существует по сей день большое количество стереотипов, является ирландский народ. В данной работе приводится анализ некоторых самых популярных стереотипов об ирландцах, распространяющихся в современных СМИ.

При просмотре зарубежных, и, в особенности ирландских СМИ, самым частым в обсуждении стереотипом об ирландском народе является пристрастие данной нации к спиртным напиткам.

Поэтому в статье “16 St Patrick’s Day t-shirts that will make you question humanity” [6] ирландской электронной газеты “The Daily Edge” автором представлены шестнадцать футболок с надписями, которые отражают этот популярный стереотип.

Прежде всего, на пятнадцати из шестнадцати футболок присутствует зеленый цвет, который в сознании многих людей ассоциируется с Днем Святого Патрика или просто с ирландцами. На одиннадцати из них есть изображение трилистника, символа Ирландии. На девяти присутствует надписи с однокоренными словами с основой “drink”: “drunk”, “drink”, “drinking”, есть изображение стакана со спиртным напитком или пьяного человека.

Кроме формальных признаков, выражающих самый известный стереотип об ирландце-пьянице, необходимо обратить особое внимание на сами надписи и провести их лингвистический анализ.

Две футболки упоминают название ирландского алкогольного напитка “Irish Car Bomb”: “Irish Car Bomb Team” и “Irish Car Bombs make my clothes fall off!”. На другой приводится изображение бобра с бокалом пива с надписью “Irish Beaver tastes better”, отсылая нас к известной ирландской пивоваренной компании “Beaver Brewing Company”.

Надпись на футболке “Irish I were drunk” является интересной игрой слов. Здесь, вероятно, создается созвучие со структурой английского языка “I wish I were...”, но сочетание лексем “Irish” и “drunk” снова изображает упомянутый выше стереотип.

Две футболки с изображением пьяного мужчины зеленого цвета с надписью “Irish Yoga” и с надписью “Drink till you’re green” изображают типичную, по мнению многих людей, картину, происходящую накануне, во время и после празднования Дня Святого Патрика, а также в течение выходных.

Надпись “I’m sick of all these Irish stereotypes. As soon as I’m drunk, I’m punching someone” показывает одну из разновидностей стереотипа об ирландце-пьянице, а именно: желание побить кого-нибудь.

С агрессивным поведением ирландского народа также связана футболка “Irish rifle team” с изображением раскрашенного в цвета ирландского флага автомата, представляющая аллюзию на продолжающийся с 1960-х годов этно-национальный конфликт в Северной Ирландии.

Подобная статья “13 St Patrick’s Day t-shirts that should be shocking but aren’t” [5], изданная накануне Дня Святого Патрика, но годом ранее, также описывает футболки с надписями, связанные со стереотипом об ирландском пристрастии к спиртному.

В данной статье все тринадцать представленных футболок связаны с алкоголем. Также необходимо отметить, что многие из них показывают последствия чрезмерного употребления алкогольных напитков, будь то проблемы со здоровьем (“So Irish – my liver hurts”, “I have a bit of a drinking problem”) или неспособность удерживаться на ногах (упомянутая в предыдущей статье “Irish Yoga”, а также “Let’s get ready to stumble”).

Футболка с надписью “Black out with your craic out” демонстрирует нам одновременно два стереотипа об ирландском народе: разговорный фразовый глагол “to black out”, т.е. «отрубаться» в результате чрезмерного употребления алкоголя и “to craic out”, где лексема “craic”, обозначающая «кутеж», необыкновенное веселье в «приподнятом» настроении, используется зачастую только по отношению к ирландцам, т.к. пришла в английский язык из ирландского.

Также интересна для анализа игра слов на футболке с надписью “Happy Alcoholiday!” (слияние слов “Alcohol” и “Holiday”). День Святого Патрика каждый год ассоциируется с большим количеством пьяных людей на улицах, в барах и пабах по всему миру, и, особенно, в Ирландии, родине этого праздника.

Таким образом, стереотип об ирландце-пьянице является самым распространенным в СМИ. Подобное представление ирландского народа воспринимается как обидное, однако, многие ирландцы не видят в этом ничего отрицательного, поскольку такие стереотипы в определенной мере создают образ, «лицо» нации. Некоторые объясняют свое спокойное отношение к подобным «негативным», принижающим стереотипам тем, что это способ популяризации страны и народа в глазах других.

Однако следует обратить особое внимание на то, что необходимо несколько снизить распространение только негативных стереотипов о народе, чтобы не принижать его достоинств, как в глазах всего мира, так и в восприятии самих себя.

Важно помнить, что любой стереотип, будь он положительным или отрицательным, лишь частично отражает действительную ситуацию и определенные характеристики народа, а многие из них могут быть настолько преувеличенными, что могут вполне восприниматься, только как надуманные мифы, которым нужно очень осторожно верить, и тем более, стараться не распространять ложную информацию среди людей и не передавать последующим поколениям.

Список литературы

1. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. — 284 с.
2. Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т.В. Барчунова; под. ред. К. А. Левинсон, К. В. Петренко. - М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2004. — 384 с.
3. Мануковский М.В. Измерение и фиксация составляющих стереотипа методом семантического дифференциала // Межкультурная коммуникация: современные тенденции и опыт: Материалы первой Всероссийской научно-практической конференции 19 ноября 2003 г. Часть 3. Межкультурная коммуникация и современные лингвистические теории. - Нижний Тагил, 2003. - С.151-158.
4. Роль СМИ в формировании стереотипов // День победы над стереотипами: сб. информационных материалов. — Рязань, 2010.

5. 13 St Patrick's Day t-shirts that should be shocking but aren't. URL: <http://www.dailymirror.ie/shocking-st-patricks-day-t-shirts-1354461-Mar2014/> (дата обращения: 1.12. 2015).
6. 16 St Patrick's Day t-shirts that will make you question humanity. URL: <http://www.dailymirror.ie/offensive-st-patricks-day-t-shirts-1982970-Mar2015/> (дата обращения: 14.11.2015).

СЕКЦИЯ №20.

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.05)

АДАПТАЦИЯ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Хвостенко Т.А.

Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии
Московская ветеринарная академия имени К.И. Скрябина, г.Москва

Процесс заимствования иностранной лексики характерен для большинства языков. В XXI веке явление межъязыкового заимствования приобрело поистине гигантские масштабы. Наряду с другими европейскими языками французский язык на протяжении последних десятилетий подвергается сильнейшей экспансии англоязычного мира.

Англицизмы во французском языке неоднородны и представляют собой явления разных лингвистических уровней: лексические заимствования, заимствование отдельных словообразовательных элементов, влияние английских произносительных навыков на звучание французской речи.

Заимствованные из английского во французский язык слова могут иметь отношение к различным сферам человеческой жизни: от бытовой тематики до терминологии. Важно отметить, что в процессе заимствования язык не просто пассивно усваивает чужое слово. В «классическом» понимании процесса заимствования английское слово приспособляется к системе французского языка и становится его органической частью. Bull-dog – buelldogue или baby – bébé. Однако сегодня далеко не все английские слова, перешедшие во французский язык, проходят процесс адаптации. Причиной тому можно считать экономию времени носителями данного языка и особые условия общения в рамках Интернет-пространства, например, blog, OK, Yes, twins, rich и т.д. употребляются во французской письменной речи в той же форме, что и в английском языке, немного отличаясь лишь в устном общении за счет фонетической специфики.

Пополнение словаря современного французского языка происходит следующими путями: морфологическим в результате аффиксального преобразования; семантическим в результате переосмысления значения слова; путем аббревиации; путем слияния и сложения; путем заимствования.

Образование англицизмов-неологизмов зачастую происходит с использованием тех же способов и словообразовательных моделей французского языка. Разница заключается лишь в том, что за основу берется англоязычная лексическая единица. Следует отметить, что при заимствовании лексической единицы в некоторой степени заимствуется и произношение. Английское произношение трансформируется, приспособляясь к французской фонетической системе. Roast-beef и gôsbif, beefsteak и bifteck. Во французском языке последний слог является ударным, поэтому в ряде англоязычных заимствований происходит смещение ударения, что приводит к фонетическим изменениям. В основном, ассимиляция касается отдельных звуков, однако в ряде случаев фонетическая ассимиляция способствует морфологической. Country-dance и contredanse [1]. Происходят изменения в значении заимствованного слова: court – теннисный корт, первоначально – королевский двор. Заимствованными могут быть не только слова, но и отдельные словообразовательные элементы: couponing. [2]

А.В. Синицын считает целесообразным выделить ряд продуктивных моделей, по которым англицизмы интегрируются в лексико-семантическую систему французского языка:

1) Англ. глагол/существительное + франц. суффикс деятеля

Французский суффикс деятеля –eur является продуктивным во французском языке voyage – voyageur, jouer – joueur. Данная модель используется также применительно к англоязычным заимствованиям-неологизмам. Англицизм «low-cost» во французском языке образует новую лексическую единицу «low-costeur».

2) Англ. глагол + франц. суффикс действия

Суффикс –age широко используется во французском языке для образования отглагольных существительных со значением наименования действия: arroser-arrosage, jardiner- jardinage, Данная модель

семантической деривации используется для образования заимствованных отглагольных существительных от английских глаголов: to stock-stockage.

3) Англ. существительное+ франц. уменьшительный суффикс

Еще одним видом деривации является модель с уменьшительным суффиксом-ette. Примером может служить англицизм «kitchenette» – маленькая кухня, часто встроенная в гостиную.

4) Англ. глагол + франц. аффикс

Многочисленные заимствованные из английского языка глаголы приобретают во французском языке свойства стандартных глаголов первой группы. Они образуются от англоязычной глагольной основы путем добавления аффикса –er: to blog-blogger, to chat – chatter.

«Je blogue, tu blogues, il blogue ... on pourrait conjuguer le verbe bloguer à tous les temps» [6].; «Il est également possible de chatter avec l'ensemble des membres des groupes...» [7]

Сотрудник Университета Поль Валери (г. Монпелье) М. Чиффра условно выделяет три типа англицизмов:

1. Не подлежащие замене французскими эквивалентами:

Слова, давно вошедшие в повседневную жизнь, такие, как «week-end» «football». В свое время вызвало недоумение предложение бывшего министра культуры Жака Тубона заменить слово «week-end» французским эквивалентом «vacancelle».

2. Подвергающиеся критике и рекомендуемые к замене французскими эквивалентами:

Существительные с окончанием –ing отвергаются борцами за чистоту французского языка, так как считаются чуждыми морфологической структуре французского языка и французскому произношению. Однако замена англицизма «sampling» французскими эквивалентами «samplerisme» и «samplerment» не выдержала испытания временем. Другие синтагмы, такие, как «prime time» или «scoop» продолжают широко употребляться, но должны «бороться за выживание» со своими французскими «конкурентами» «heures de grande écoute» или «exclusivité».

3. Англицизмы молодежного жаргона «djeuns» и «hype»

«Ce reporting est incomplet.», «J'ai uploadé une photo de profil sur mon Facebook», «J'peux pas te parler, je suis dans le rush . Je suis hyper speed , là» [9].

В настоящее время французский язык активно защищается от нашествия англицизмов. Существует закон, который в 1994 году выдвинул министр культуры Жак Тубон. Этот закон, предусматривает защиту государственного языка в различных сферах, в частности, в информационном пространстве.

В 1964 г. Рене Этьембль опубликовал книгу, посвященную «засорению» французского языка англоязычными заимствованиями под названием «Parlez-vous franglais?», в которой он описывает «франглийский язык» как автономный язык с его собственной морфосинтаксической структурой [5].

Широкий пласт англоязычных заимствований во французском языке оценивается неоднозначно различными лингвистами. Так, французский исследователь П. Серта считает, что англицизмы не наносят ущерб французскому языку, а обогащают его новыми лексическими единицами, многие из которых, к тому же, были ранее заимствованы из французского языка [4]. Тем не менее, по мнению М. Чиффра, темпы внедрения английских терминов в повседневную жизнь французов нарастают с появлением новых моделей цифровой техники, созданием новых сайтов в интернете и развитием социальных сетей. Smartphone, poke, cloud computing, smack – эти и масса новых терминов не имеют аналогов во французском языке. Рекламные ролики часто выходят полностью на английском языке. Например, знаменитый ролик компании Dior содержит в себе следующую вербальную информацию: Gold is cold, diamonds are dead, a limousine is a car, don't pretend, just feel what's real, that's it. J'adore.J'adore...Dior [8]. Здесь слова «j'adore», которые являются одновременно названием нового продукта от кампании «Dior», представляют собой единственный французский элемент в полностью англоязычном рекламном ролике.

Активное использование англицизмов отражает необходимость заимствований из английского языка, и этот процесс за последние 30 лет стал традиционным, то есть пути и механизмы проникновения и поведения слов английского происхождения в некоторой степени закрепились в менталитете французов.

Не подлежит сомнению тот факт, что англицизмы сегодня – это один из мощнейших факторов развития современного французского языка.

Список литературы

1. Кожевникова Е.И. Фонетическая ассимиляция англо-американских заимствований в современном французском языке//XXXVII Огаревские чтения: материалы науч.конф. Прил. Фак. иностр. яз. /сост. К.Б. Свойкин. – Саранск: Изд-во Мордов. Ун-та, 2009 – с.152-155
2. Сидоров А.А. Английская экспансия в современном французском языке // Вестник Волжского Университета им. В.Н. Татищева. Выпуск №3, Тольятти, 2013, 12 с.

3. Сеницын А.В. Функционирование англоязычных заимствований-неологизмов в медийном дискурсе французского языка. – М., 2014, 160 с.
4. Certu P. Le français d'aujourd'hui. - P.:Jacob-Duvernoy, 2001. – 126 p.
5. Etienne R. Parlez-vous français ?- P. : Gallimard, 1964 – 382 p.
6. France Soir, 18.05.2010, 30.04.2012 французская ежедневная информационная газета
7. Le Monde, 07.10.10 французская ежедневная информационная газета
8. Интернет ресурс <http://www.dior.com>, дата обращения 20.09.2015
9. Интернет ресурс, [slate.fr](http://www.slate.fr) автор Micha Cziffra <http://www.slate.fr/story/69533/francais-anglais-anglismes-francais>

ОБРАЗНОЕ СРАВНЕНИЕ В РАМКАХ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ИССЛЕДОВАНИЮ КОГНИТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)³⁴

Степанова Е.Д.

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г.Тамбов

В статье рассматривается антропоцентрический подход к исследованию когнитивной деятельности человека, концептуальная система индивида. Изучается образное сравнение как механизм интерпретации с языковой и когнитивной стороны. Устанавливается частота употребления сравнительных союзов и оборотов во французском языке. Изучается механизм формирования интерпретирующих смыслов, взаимодействие интерпретируемого и интерпретирующего концептов и его цель: характеристика и оценка внешнего вида, цвета, формы и т.д.

Ключевые слова: антропоцентричность языка, концептуальная система индивида, образное сравнение, интерпретация, интерпретируемый концепт, опорный концепт.

Язык не может быть понят и истолкован в отрыве от его создателя и пользователя. Именно эта идея является ключевой в рамках антропоцентрического подхода к изучению когнитивной лингвистики. Антропоцентричность языка заключается в том, что исследуется человек в языке и язык в человеке. По мнению Бодуэна де Куртене, «язык существует только в индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивидов и особей, составляющих данное языковое общество» [1, с. 37].

В рамках антропоцентрического подхода изучается языковая деятельность индивида. Важнейшей познавательной активностью является интерпретация. Н. Н. Болдырев дает определение интерпретации в широком и узком смыслах. В широком толковании интерпретация понимается как «практически любая мыслительная операция, направленная на получение нового, вторичного знания коллективного или индивидуального уровня». В узком толковании интерпретация – это «языковая познавательная активность преимущественно отдельного индивида, раскрывающая в своих результатах его субъективное понимание объекта интерпретации» [2, с. 11].

Основными реализациями интерпретирующих функций являются механизмы, которые находят репрезентацию в языке. Одним из таких механизмов является сравнение. Под сравнением, или сопоставлением, понимается анализ объектов с целью установления черт сходства и различия.

Объект настоящего исследования – французское образное сравнение. Предметом исследования является когнитивный аспект французского образного сравнения, анализ процесса формирования вторичного смысла на концептуальном уровне.

Для изучения французского образного сравнения процесс его формирования рассматривается на двух уровнях – языковом и когнитивном.

Для того чтобы провести исследование функционирования образного сравнения во французском языке, было проанализировано произведение французской писательницы Анны Гавальды “Ensemble. C’est tout”.

Французские образные сравнения строятся с помощью сравнительных союзов и оборотов *comme*, *aussi que*, *plus que*, *en*. Во французском языке для образования сравнительных конструкций наиболее часто используется частица «*comme*» (86 %): *De parler avec elle, c’était comme de jouer au ping-pong* [здесь и далее 8] – Говорить с ней – как играть в пинг-понг [здесь и далее пер. автора]. Сравнительные обороты *aussi ... que* и *plus que* используются

³⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-18-10006 «Исследование антропоцентрической природы языка в когнитивном контексте».

значительно реже (7 %): ...elle était plus couverte qu'on oignon - ...она была укутана как лук. Elle assembla des tuiles aussi fine que du papier à cigarette – Она собирала стружки, тонкие, как сигаретные бумага. Во французском языке образное сравнение может выражаться без использования каких-либо союзов (5 %): Entends comme ça roule... C'est Pavarotti qui fait ses vocalises... Послушай как звучит... Да это Паваротти распевается... Крайне редко (2 %) используется предлог en: Ils s'étaient observé en chiens de faïence pendant tout l'après-midi – Они весь день смотрели друг на друга как две фаянсовые собаки.

В настоящее время такие исследователи, как Н.Н. Болдырев, Л.А. Панасенко, В.Б. Гольдберг, говорят об образном сравнении как о когнитивном механизме [2, с. 13; 4, с. 177; 7, с. 3]. Этот механизм используется для описания, характеристики, оценки. Образное сравнение антропоцентрично, так как его объектом практически всегда является человек.

Например, Il descendait comme un zombi jusqu'au troquet du coin – Он как зомби спускался в кафе на углу.

Образное сравнение выстраивается через соотнесение двух образов – интерпретируемого и интерпретирующего.

Интерпретация является неотъемлемым свойством человеческого знания и познавательных процессов в частности. Она напрямую связана с человеком, с формированием его языковой картины мира. По мнению таких исследователей, как Н.Н. Болдырев, В.З. Демьянков только в рамках определенной концептуальной системы языковые выражения могут обладать конкретным значением, т.е. являются результатом интерпретирующей деятельности человека [2, с. 11; 5, с. 17]. Исходя из этого, мы можем рассматривать интерпретирующую роль языка как его исключительную функцию для выражения знаний о мире. В связи с чем, появляется необходимость изучения связи данной функции с основными познавательными процессами.

Наше знание о мире отражается в языке в трех системах языковой категоризации: лексической, грамматической и интерпретирующей [3, с. 10-21]. Интерпретация выступает в качестве способа вторичной репрезентации знаний в языке. Она опирается на «коллективные схемы знаний» и на «концептуальную систему индивида», его личный опыт взаимодействия с миром [2, с. 11]. Как уже было указано, Н.Н. Болдырев дает определение интерпретации в ее узком смысле, как «языковой познавательной активности преимущественно отдельного индивида», которая основывается и на коллективных представлениях о мире, и, с другой стороны, на личном опыте индивида [2, с. 11]. То есть, при всей субъективности конструирования мира и того бесспорного факта, что человек выражает при этом свое видение мира, нельзя не говорить о том, что порождение новых смыслов основывается прежде всего на выборе нужных форм из числа готовых [6, с. 10]. Для каждого образного сравнения выбор конкретного знака из числа представленных в языке коллективным знанием реализуется именно на основе личного опыта человека. Например, самыми распространенными сравнениями для описания красного лица в русском языке являются выражения красный, как помидор или красный как рак. С другой стороны, интерпретация зависит от индивидуальной концептуальной системы человека, и дискурсе наглядно это демонстрирует. Индивид на основе своего личного опыта, на основе своих фоновых знаний может использовать сравнения красный как лосось или красный как пожарная машина. Фоновые знания человека зависят от его места жительства (человек живет на берегу моря), от его профессии (он пожарник), семьи, интересов и т.д. Таким образом, важнейшей характеристикой сущности интерпретации является ее зависимость от индивидуальной концептуальной системы человека. И в данном исследовании анализ образного сравнения производится на основе одного произведения, таким образом исследуется индивидуальная концептуальная система автора.

Для изучения процесса формирования интерпретирующих смысловых структур, реализующихся образным сравнением, необходимо описание сравнения как когнитивного механизма, устанавливающего концептуальные проекции между интерпретирующим и интерпретируемым. В.Б. Гольдберг рассматривает интерпретирующий концепт как опору, вводит понятие «опорный концепт» и «опорная сфера». Образное сравнение как когнитивный механизм предполагает формирование смысла на основе сравнения и сопоставления исходного, интерпретируемого концепта и опорного концепта [4, с. 177]. В процессе формирования образного сравнения говорящий ищет концептуальную сферу, к которой можно было бы обратиться как к опорной сфере и в которой далее можно было бы найти опорный концепт. Анализ когнитивной опоры и опорного концепта уточняет характеристики исходного, интерпретируемого концепта. Рассмотрим, что такое опорный концепт на примере: Il pleure comme une grosse vache – Он плачет, как большая корова. Когнитивная опора представлена во второй части сравнения, следующей за оператором сравнения comme. Опорной сферой в данном случае являются звуки животных.

На основе исследования произведения «Ensemble. C'est tout» были выделены следующие опорные сферы: фрукты, овощи, животный мир, состояние человека, профессии, части тела, предметы обихода, общественно-социальная сфера, явления природы. Данные опорные сферы служили для характеристики цвета, внешнего вида, характера, поведения человека.

Животный мир: Je veux plus le voir souffrir et se tortiller comme un ver – Я больше не хочу смотреть, как он страдает и извивается как червяк. Elle était comme un insecte, attiré par la lumière – Она была как насекомое, привлеченное светом. Avancer à pas de loup en me surprendre – Подкрадываться как волк, чтобы меня удивить. Quand il avait quatorze ans, couché sur sa meule comme un crapaud sur une boîte d’allumettes... - В четырнадцать лет он лежал грудью на руле своего мопеда, как жаба на спичечном коробке. Sous mon crâne je suis nu comme un ver! – Под черепашкой я голый, как червяк!

Дети: Tu dormais comme un gros bébé – Ты спал, как большой ребенок. Ils s’assirent en tailleur, ravis, enjoués comme deux gamins qui inaugurerait leur nouvelle dînette – Они уселись по-турецки, веселые, возбужденные как два ребенка, которые собираются торжественно открыть новый сервис.

Профессии: Comme des athlètes encore fumants, ils n’arrivaient pas à décrocher – Как разгоряченные бегуны, они не переставали работать. Il s’agitait au-dessus de ses fourneaux comme un batteur devant son instrument – Он двигался над своими плитами, как ударник у своего инструмента. Petite fille seule avec une mère qui fumait comme un pompier – Маленькая одинокая девочка и ее мать, которая курила как пожарник.

Предметы обихода: Tout nos rêves comme des bulles de savon... - Все наши мечты как мыльные пузыри... Sinon vous allez passer entre la colle et le papier – А не то вы пролезете между клеем и бумагой. ...en plus il est sourd comme un pot – к тому же он глух как горшок. Elle avait pris sur son genou la main de son amie et la lissait comme si c’était le bas de sa jupe – Она положила руку подруги на колено и теребила ее словно подол юбки.

Таким образом, данное исследование позволило рассмотреть антропоцентризм языка через образное сравнение как механизм интерпретации и с языковой, и с когнитивной стороны. С языковой точки зрения были рассмотрены сравнительные союзы и обороты, частота их употребления. На когнитивном уровне был изучен механизм взаимодействия интерпретируемого и интерпретирующего концептов, обеспечивающего формирование интерпретирующих смыслов, таких как: характеристика и оценка внешнего вида, цвета, формы и т.д.

Список литературы

1. Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию. 2 тт. – М.: 1963. – Т. 1. – с. 37.
2. Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 31. С. 11–16.
3. Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С.5-22.
4. Гольдберг В.Б. Форматы фонового знания в образном сравнении // Когнитивные исследования языка. 2011. № 9. С. 175-183.
5. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода// Вопросы языкознания. 1994. №4. С. 17-33.
6. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка // Вопрю когнитивной лингвистики. 2009. № 1. С. 5-12.
7. Панасенко Л.А. Моделирование интерпретирующего потенциала лексических категорий: монография. - М.; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014.
8. Webreading.ru. [Электронный ресурс]. – URL: http://webreading.ru/prose_/prose_contemporary/anne-gavalda-ensemble-cest-tout.html

ПЕСНИ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА ЗАНЯТИЯХ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

Селиванова И.В.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г.Москва

В рамках данной статьи мы рассмотрим аутентичный песенный материал как источник формирования грамматической компетенции. О том, что он играет значительную роль при преподавании иностранных языков, писали многие отечественные и зарубежные исследователи (в частности, Гебель, Денисова, Монталбан, Ларрас). Приведенные примеры песен были применены на практике со студентами 2 и 3 курсов Финансового университета при Правительстве РФ, которые воспринимали задания подобного типа с особым энтузиазмом.

Музыка и песни Испании и Латинской Америки, как отмечает Н. Е. Денисова, становятся одной из причин выбора испанского языка для изучения в молодежной аудитории. Использование песен на занятиях имеет большое значение. Во-первых, они развивают навык аудирования и говорения. Во-вторых, песни являются

средством психологической разрядки в аудитории. Посредством музыки уменьшается дистанция между студентами и преподавателем, о чем писала Сильвия Бетти в работе «Современная песня на занятиях испанского языка». В-третьих, они помогают составить психологический образ носителя, познакомиться с культурой страны изучаемого языка. В-четвертых, песни способствуют запоминанию определенных грамматических структур путем их частого воспроизведения, а также процесс усвоения новой лексики становится намного быстрее. В-пятых, они помогают улучшить произношение.

Приведем конкретные примеры заданий, которые могут использоваться на занятиях в зависимости от уровня владения испанским языком. Рассмотрим по одному примеру для начального, среднего и продвинутого уровней.

Задание для студентов начального уровня заключается в том, что нужно выбрать один из двух глаголов («querer» и «amar») и поставить его в нужную форму в песни «Querer y amar». В данном случае отрабатывается разница между глаголами «querer» (любить, испытывать страстное влечение) и «amar» (испытывать глубокие чувства), а также употребление этих глаголов в настоящем времени изъявительного наклонения (Presente de Indicativo).

Querer y amar

Casi todos sabemos _____,

Pero pocos sabemos _____.

Es que amar y querer no es igual.

_____ es sufrir,

_____ es gozar.

El que _____ pretende seguir,

El que _____ su vida le da

Y el que _____ pretende vivir,

Y nunca sufrir, y nunca sufrir.

El que _____ no puede pensar,

Todo lo da, todo lo da.

Y el que _____ pretende olvidar

Y nunca llorar, y nunca llorar.

Casi todos sabemos _____,

Pero pocos sabemos _____.

Es que amar y querer no es igual.

_____ es sufrir,

_____ es gozar.

El que _____ pretende seguir,

El que _____ su vida le da

Y el que _____ pretende vivir,

Y nunca sufrir, y nunca sufrir.

El que _____ no puede pensar,

Todo lo da, todo lo da.

Y el que _____ pretende olvidar

Y nunca llorar, y nunca llorar.

El _____ pronto puede acabar.

El amor no conoce el final.

Es que todos sabemos _____,

Pero pocos sabemos _____.

El _____ es el cielo y la luz.

El _____ es total plenitud,

Es el mar que no tiene final,

Es la gloria y la paz,

Es la gloria y la paz.

El _____ es la carne y la flor,

Es buscar el oscuro rincón.

Es morder, y dañar, y besar,

Es deseo fugaz,

Es deseo fugaz.

Учащиеся среднего уровня должны вставить подходящие по смыслу предлоги. Для облегчения задачи студентам преподаватель может предложить возможные варианты ответов. В процессе прослушивания песни «Tres palabras» учащиеся заполняют пропуски.

Enrique iglesias

Tres palabras

No hay un minuto al día que no piense _____ ti,

No hay un silencio _____ que no faltes;

Cuando te veo no lo puedo resistir,

Daría todo _____ amarte.

No hay un segundo que no quiera convertir,

Y no hay nada que no quiera confesarte;

Son tres palabras, que no sé cómo decir,

Y que se pierden al mirarte.

No quiere callar mi corazón,

Rompe el silencio;

No quiere esperar porque el amor

Llega _____ pronto y huye _____ decir adiós.

La noche pasa _____ blanco y al amanecer,

No quiere callar mi corazón,

Rompe el silencio;

No quiere esperar porque el amor

Llega _____ pronto y huye _____ decir

adiós.

Hasta que el mundo se detenga, aquí estaré;

Te seguiré _____ encontrarte

_____ las estrellas y la luna te diré

Las palabras que antes nunca pronuncié.

No quiere callar mi corazón,

Rompe el silencio;

No quiere esperar porque el amor

Llega _____ pronto y huye _____ decir adiós.

Solitario me despierta el mismo sueño.

¿Cuánto camino me quedará _____ recorrer
_____ escarparme _____ este infierno?

Специфика задания для студентов продвинутого уровня состоит в том, что они должны раскрыть скобки и поставить глагол в сослагательном наклонении (el modo Subjuntivo) в придаточных определительных предложениях в процессе прослушивания песни «Para el dolor». Предполагается, что данная тема была изучена ранее. Песня поможет закрепить достаточно сложный для понимания русскоговорящих студентов материал.

Para el dolor

Para el dolor profundo, una mano azul

que te (acariciar) _____ las penas y te (dar) _____ luz

y te (dar) _____ luz, y te (dar) _____ luz

y te (recordar) _____ lo hermosa que eres tú.

Para lo que has perdido, mirada rosa

que te (devolver) _____ el hilo y te (recoger) _____

y te (recoger) _____, y te (recoger) _____

y te (cuidar) _____ y te (curar) _____ cuando estás rota.

Para la pena negra, tus ojos limpios

para la espera, un buen sillón.

Para la soledad, mucha gozadera

y el beso dulce de esta canción.

Para la duda oscura, un clavo ardiendo

que (iluminar) _____ la noche y (matar) _____ el miedo

y (matar) _____ el miedo, y (matar) _____ el miedo

y (separar) _____ lo falso y lo verdadero.

Para la pena negra, tus ojos limpios

para la espera, un buen sillón.

Para la soledad, mucha gozadera

y el beso dulce de esta canción.

Para el dolor del mundo, cualquier color

que (pintar) _____ a los hombres con mucho amor

con mucho amor, con mucho amor

como el que llevas muy dentro del corazón

Para la pena negra, tus ojos limpios

para la espera, un buen sillón.

Para la soledad, mucha gozadera

y el beso dulce de esta canción.

Нельзя говорить о владении языком на высоком уровне без базовых знаний грамматики. В настоящее время наблюдается тенденция смены традиционных способов подачи учебного материала, закрепления и контроля навыков и умений новыми концепциями, отражающими перемены, которые происходят во взглядах на процесс обучения.

Идея использования аутентичных материалов при преподавании не является инновацией. О ней очень много говорят как отечественные, так и зарубежные методисты. Однако при традиционных методах часто эта идея забывается. Это можно объяснить тем, что со стороны преподавателя требуется больше усилий, чем обычно. Так, нужно подобрать подходящий по уровню владения языком материал, составить и оформить задание, объяснить значение незнакомых слов. Безусловно, этот процесс требует много сил и времени, а также глубоких знаний. Однако с развитием новых технологий все стало значительно проще. Электронные ресурсы могут помочь преподавателю найти необходимый материал.

Итак, песни способствуют оптимизации и интенсификации усвоения указанного материала. Систематическое выполнение заданий подобного типа является необходимым условием для достижения желаемых результатов. Стоит отметить, что песни являются не только инструментом на пути овладения иностранным языком, но и способом приобщения к иной культуре. Они способствуют более качественному усвоению грамматического материала и создают благоприятный климат на занятиях.

Список литературы

1. Гебель С.Ф. Использование песни на уроках иностранного языка // ИЯШ. 2009. №5. С. 28-31.

2. Денисова Н.Е. Музыка и песня как фактор мотивации к изучению испанского языка // Иностранные языки: теория и практика. 2011. № 1. С. 61-65.
3. Betti S. La canción moderna en una clase de E/ELE // URL: http://www.cuadernos cervantes.com/art_50_cancionmoderna.html (дата обращения: 30.11.2015).
4. Montalbán F.A. El uso de material auténtico en la enseñanza de ELE // Congreso internacional: Una lengua, muchas culturas. Granada, 2007.

СЕКЦИЯ №21.

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ, ВИЗАНТИЙСКАЯ И НОВОГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.14)

СЕКЦИЯ №22.

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.19)

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЛЕКСИКИ КОМПЬЮТЕРНЫХ ОНЛАЙН-ИГР В ИНТЕРНЕТ-ОБЩЕНИИ КОРЕЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ-ФОРУМОВ)

Алексеева Д.Л., Егорова К.Г.

Северо-Восточный федеральный университет, г.Якутск

В корейском языке, как и в остальных языках, существует свой сленг. Последние десятилетия особенно отличается интенсивное заимствование иностранных слов, главным образом англоязычного происхождения. Появление новой лексики происходит разными способами: путем заимствования иноязычной лексики из других языков, путем создания новых лексических единиц на основе ресурсов корейского языка или способом аббревиации.

При исследовании мы рассматривали особенности изменения и дальнейшего употребления игровой лексики онлайн-игр в других неигровых источниках.

В ходе исследования мы рассмотрели примеры той лексики и терминов, которые начинают употребляться в речи молодежи вне игры, в обычном разговоре и любой переписке неигрового жанра. Работа велась при помощи тематического чата на сайте игровых онлайн-трансляций многопользовательских игр в Южной Корее «Play Afreeca TV», а также открытого веб-форума на официальном сайте создателя игры World of Warcraft - компании Blizzard (블리자드 엔터테인먼트) в Южной Корее (<http://kr.blizzard.com/ko-kr/>). Далее мы находим наиболее популярные игровые термины, которые употребляются игроками во многих постах, либо в чатах и форумах игровой тематики мира Варкрафт, так как именно данная игра является самой узнаваемой и распространённой по всему миру.

Далее мы приведем отобранные нами термины, которые имеют тенденцию переходить из лексики игрового жанра в неигровой.

1. 캐릭터 (Character) – персонаж, «чар», «перс»
2. 얼라이언스 (Alliance) – альянс, «алики»
3. 아이템/탸 (Item) – игровой предмет, вещь, «итем»
4. 레벨/렘 (Level) – уровень, «левел», «лвл»
5. 퀘스트 (Quest) – задание, «квест»
6. 뉴비 (Newbie) – новичок, неопытный игрок, «нуб»
7. 스킬 (Skill) – умение, способности, «скилл»
8. 레이드 (Raid) – рейд, поход на главного босса, «рейд»
9. 클라이언트 (Client) – игровой клиент (программа), «клиент».
10. 골드 해킹 (Gold hacking) – кража золота (денег), «голдхак»

Рассмотрим найденные на форумах официального сайта Blizzard и отобранные нами среди остальной лексики игровые термины с переводом на английский и транскрипцией.

1. 캐릭터 [kaerikteo] (англ. character) «главный персонаж, герой» более популярным является сокращение 캐릭 [kaerik]. При употреблении изначального варианта 메인캐릭터 [mae'in kaerikteo] либо сокращения 캐릭 [kaerik] обычно подразумевается персонаж игры, которым управляет игрок.

Рассматриваемое нами слово является основой в игровых жанрах, так как создание персонажа-героя – и есть основа всего процесса. В других же источниках корейского языка для слова «персонаж» либо «герой» более обширно используются слова 주인공 [ju'in-gong] «главный герой», 영웅 [yeong-ung] (герой), 히어로 [hi'eoro] (герой-победитель). Так, можно утверждать, что происхождение термина 캐릭터 [kaerikteo] имеет истоки именно из лексики игровых терминов. Несомненно, теперь слово 캐릭터 [kaerikteo] используется во многих сферах общения, но с точки зрения популяризации термина, используемого исключительно в компьютерных онлайн-играх – грамматической особенностью является то, что при интеграции с жанра игровой тематики происходит отделение 터 [teo] от главного корня слова, что даёт в результате частое употребление конечной лексемы 캐릭 [kaerik] на интернет-форумах, где мы рассмотрели сообщения с различной жанровой стилистикой.

В контексте различных сообщений неигрового жанра на интернет-форумах слово 캐릭 [kaerik], изначально имевшее значение «персонаж», приобрело 5 новых значений.

Нами были рассмотрены сообщения молодых пользователей, которые употребляли данный термин в неигровых контекстах. Приведём пять примеров из всего просмотренного нами материала для того, чтобы обозначить, какие новые значения и функции привносят игровые термины в неигровом обществе.

붉은 악마는 1999년 치우천왕을 공식캐릭 [kaerik] 으로 정하고, 그해 3월29일 한국-브라질 경기가 열린 잠실경기장에 가로 4m, 세로 3m의 대형 깃발로 첫선을 보였다. (Источник: <https://ithub.korean.go.kr>, 05.13)

Игровой термин 캐릭 [kaerik] «персонаж» - в контексте неигрового жанра приобрело значение «герой».

행복한세상은 9월 4일까지 '골프. 아웃도어 특별가 웨어종합전' 여성리뷰 캐릭 [kaerik] 내의 캐릭 [kaerik] 내의 캐릭 [kaerik] 등 다양한 가을맞이 특별상품전을 연다. (Источник: <https://ithub.korean.go.kr>, 07.14)

Игровой термин 캐릭 [kaerik] «персонаж» - в контексте неигрового жанра приобрело значение «участник».

영호가 등장하기 전에 항상 국진이 먼저 등장해서는 우유부단하고 소심하며 재미없는 남자 캐릭 [kaerik] 을 연출한다. (Источник: <https://ithub.korean.go.kr>, 01.12)

Игровой термин 캐릭 [kaerik] «персонаж» - в контексте неигрового жанра приобрело значение «человек».

두 딸의 아바타(인터넷상에서 주인을 대신하는 캐릭 [kaerik])이 입을 옷을 선물하기도 했다. (Источник: <https://ithub.korean.go.kr>, 04.14)

Игровой термин 캐릭 [kaerik] «персонаж» - в контексте неигрового жанра приобрело значение «образ».

뉴비 [nyubi] (англ. newbie) «новичок», игрок, который только начал свою игровую деятельность. В большинстве случаев термин употребляется в оскорбительном значении для тех игроков, которые плохо выполняют свои игровые действия, например, идти в совсем другую сторону на поле боя, или не лечить других игроков притом, что твоя главная задача – лечение.

Термин 뉴비 [nyubi] популярен в особенности в игровых чатах по всему миру. Произошёл он с английского слова newbie и имел первоначальное значение «новичок», в соответствии с его переводом. Русским эквивалентом является сленговое слово «нуб». С частым использованием данного игрового термина значение «новичок» приобрело новый характер пренебрежительного отношения. Игрок, услышав в свой адрес «нуб» (뉴비 [nyubi]), способен на негативный ответ в сторону говорящего.

Рассмотрим некоторые примеры употребления термина в неигровом значении:

뉴비 [nyubi] 들은 회사일을 아직 못하군.... (Источник: <https://ithub.korean.go.kr>, 11.14)

Оказывается, «новички» всё еще не могут сделать офисную работу.

Слово употребляется в первоначальном значении «новичок», как человек, который только приступил к своей деятельности.

난 모든 일에 뉴비 [nyubi] 니까 하기 싫어한다. (Источник: <https://ithub.korean.go.kr>, 02.15) «Так как я чайник во всех делах, даже не хочу делать ничего».

Слово употребляется в значении «чайник», очень неопытный и неумелый человек, который не способен ни какое дело, «новичок, который ничего не может».

Термин употребляется у молодого поколения теперь в двух различных значениях: первое игровое значение - «новичок», остаётся употребляемым и вне игрового общества, но более употребляемым является значение «чайник», что уже давно вошло в сленг. Значение «неопытный», «неумелый» закрепилось за термином 퀘스트 [kweseuteu] и употребляется более в негативном значении.

В сравнении с вышеприведёнными примерами, где указывается лексика игрового мира на тематических форумах и чатах, мы привели примеры из обычных интернет-форумов, где основная тематика не является причастной к игровой индустрии. Главной целью исследования было определение особенностей изменения терминов компьютерных онлайн-игр при расширении их значений в контекстах других кругов общения.

Мы выявили некоторые особенности употребления терминов многопользовательских онлайн-игр в других неигровых источниках на интернет-форумах и рассмотрели изменения значений терминов многопользовательских онлайн-игр в контекстах игровой и неигровой реальностях.

В ходе нашего исследования мы выявили лексику, часто используемую в онлайн-играх и игровых форумах; изучили характерные особенности использования терминологии компьютерных онлайн-игр; выявили общие и отличительные особенности значений терминологии компьютерных онлайн-игр в разных источниках их конечного употребления.

Список литературы

1. Кравчук В.Н. «Немного о компьютерном жаргоне» - Брест, 2003.
2. Лихолитов П.В. Компьютерный жаргон // Русская речь. – М., 1997. - №3
3. <http://www.gamershelf.ru/onlajn-igry> «Что такое онлайн игры»
4. <https://ru.wikipedia.org/>

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПТА КОМПЕТЕНЦИЯ В МЕТОДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Заседателяева М.Г.

ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный педагогический университет», г.Челябинск

Происходящие в мире и в России изменения в области целей образования, соотносимые частично с глобальной задачей обеспечения вхождения человека в социальный мир, его продуктивную адаптацию в этом мире, вызывают необходимость постановки вопроса обеспечения образованием более полного, личностно-социально-интегрированного результата. В качестве общего определения результата образования, отвечающего современным требованиям, выступило понятие компетенция.

Заметим, что понятие компетенция употребляется многими науками, к числу которых относятся психология, языкознание, экономика, юриспруденция, биология, иммунология, методика преподавания, но в данном случае нас интересует употребление понятия компетенция в методике преподавания иностранных языков. Установив когнитивный контекст, необходимо рассмотреть особенности формирования концепта, составить представление об исследуемой области знания, познакомиться с основными идеями компетентностного подхода к преподаванию иностранных языков.

Необходимо подчеркнуть, что методика преподавания иностранных языков как наука в последние десятилетия претерпела большие изменения. Как отмечается в «Общеввропейских компетенциях владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка», в течение многих лет Совет Европы «содействовал распространению подхода, основанного на использовании средств и методов, адекватных коммуникативным потребностям учащихся, а также соответствующих их индивидуальным характеристикам» [Общеввропейские компетенции 2003: 139]. В первую очередь, изменилась точка зрения ученых на подход к преподаванию иностранного языка. На смену традиционному образованию, ориентированному на усвоение знаний, пришло практико-ориентированное образование, направленное на приобретение кроме знаний, умений и навыков, еще и опыта практической деятельности. Компетентностный подход ориентирован, прежде всего, на достижение определенных результатов, приобретение значимых компетенций.

Одним из главных методических понятий данного подхода становится понятие компетенция. Необходимо отметить, что в настоящее время понятию компетенция отводится центральное место в документах, описывающих компетентностный подход в методике преподавания иностранных языков.

Знакомство с понятиями компетентностного подхода целесообразно, по нашему мнению, начать с характеристики данного методического подхода. В настоящее время принятый подход является деятельностным (компетентностным), поскольку в нем пользователи и изучающие язык рассматриваются как «субъекты социальной деятельности», то есть как члены социума, решающие задачи (не обязательно связанные с языком) в определенных условиях, в определенной ситуации, в определенной сфере деятельности». В рамках деятельностного (компетентностного) подхода под решением задачи понимаются действия, производимые одним человеком или группой людей, каждый из которых стратегически использует свои специфические компетенции для достижения определенного результата» [Общеввропейские компетенции 2003: 8].

Как следует из приведенного контекста, характеризующего компетентностный подход, понятие компетенция связано, в первую очередь, с такими понятиями, как субъект, деятельность, задача, результат.

Новый подход предполагает новую парадигму специального знания, что определяет изменение понимания традиционных методических понятий, появление новых. На смену старой, знаниевой парадигме пришла новая практико-ориентированная, личностно-ориентированная парадигма образования. Компетентностный подход, внедряемый в настоящее время в практику преподавания иностранных языков, направлен в первую очередь на формирование разного рода компетенций субъекта социальной деятельности.

Одним из основных методических понятий компетентностного подхода является понятие объект. Новая парадигма специального знания рассматривает в качестве объекта освоения культуру, а «язык является не только основной составляющей культуры, но и средством, ключом к пониманию культуры» [Общеввропейские компетенции 2003: 5]. Е.И. Пассов полагает, что «в функциональном плане содержание иноязычного образования (иноязычная культура) является объектом овладения» [Пассов 2007: 22].

Компетентностный подход позволяет ученика из пассивного объекта педагогического воздействия превратить в активного субъекта учебно-познавательной деятельности. Следовательно, термины преподаватель и ученик становятся главными терминами, вербализующими понятие субъект, но толкование данных терминов будет отличаться от традиционного понимания. Помимо этого, компетентностный подход «позволяет учитывать весь диапазон личностных характеристик человека как субъекта социальной деятельности, в первую очередь когнитивные, эмоциональные и волевые ресурсы» [Общеввропейские компетенции 2003: 8]. К этому можно добавить и определенный уровень развития общих и коммуникативных компетенций. Следовательно, организовывать преподавание и изучение языков можно только, ориентируясь на потребности, мотивацию, личностные характеристики и возможности учащихся. Современная методика преподавания иностранных языков предполагает, что уровень развития компетенций учитывается как при формулировке задач для осуществления какой-либо деятельности, так и при определении уровня владения языком, более того, уровень развития компетенций зависит от предыдущего жизненного опыта человека, а «участие в коммуникативных актах (в том числе и специально созданных учебных ситуациях общения), в свою очередь, способствует дальнейшему развитию компетенций учащегося» [Общеввропейские компетенции 2003: 103].

Выше указывалось, что наряду с понятием субъект при компетентностном подходе понятие деятельность является основополагающим. Заметим, что основы деятельностного подхода к обучению были заложены в работах психологов С.Л. Рубинштейна, А.А. Леонтьева, П.Я. Гальперина, которые рассматривали деятельность в качестве основы и движущей силы развития личности. При изучении иностранного языка речевая деятельность является составляющей деятельности. «Речевое действие, как и любое действие, представляет собой своего рода взаимодействие общих характеристик деятельности и конкретных условий и обстоятельств ее осуществления», «речевое действие может осуществляться на базе различных речевых операций» [Леонтьев 1974: 26]. Главными структурными компонентами речевого действия являются, используя термины А.А. Леонтьева, «звено ориентировки», «звено планирования или программирования», «реализация в языковом коде» [Леонтьев 1974: 26-28]. Л.С. Выготский называет четыре фазы речевого действия. Под речевой деятельностью им понимается: «вид деятельности, который характеризуется предметным мотивом, целенаправленностью, состоит из нескольких последовательных фаз – ориентировки, планирования, реализации речевого плана, контроля» [Выготский 1999: 49].

В качестве «звена ориентировки» в рамках компетентностного подхода может служить определение уровня владения языком, уровня развития компетенций, а также определение потребностей, мотивации, личностных характеристик и возможностей учащихся. «Звено планирования» в методике преподавания иностранных языков предполагает постановку цели, задач.

В настоящее время процесс определения цели трактуется следующим образом: «цели изучения и преподавания языков должны определяться исходя из потребностей учащихся и общества, на основе задач, действий и процессов, необходимых для реализации этих потребностей, а также соответствующих компетенций и стратегий, которые необходимы учащимся в процессе коммуникации» [Общеввропейские компетенции 2003:

130]. Таким образом, не только потребности общества, но и потребности субъекта социальной деятельности должны учитываться при формулировке цели. В этом также состоит отличие новой парадигмы знания от прежней, следовательно, понятие цель получает новое толкование.

С понятием цель напрямую связано понятие задача. Главный акцент в толковании понятия задача делается «на успешном ее выполнении» [Общеввропейские компетенции 2003: 154]. Поэтому задача «определяется как целенаправленное действие, необходимое для получения конкретного результата, как то: решение проблемы, выполнение обязательств или достижение поставленной цели» [Общеввропейские компетенции 2003: 9].

Деятельность ученика и учителя предполагает организацию учебного процесса. Традиционно учебный процесс понимается как привычный процесс взаимодействия учителя и ученика, так и как самостоятельное изучение языка учеником. В рамках компетентностного подхода учебный процесс понимается еще и как решение разного рода задач в деятельности с использованием определенных стратегий. Схему учебного процесса описывает следующий контекст: «В ситуациях общения и обучения могут решаться задачи, имеющие как языковой, так и неязыковой характер. Решение этих задач осуществляется в процессе речевой деятельности и требует от человека достижения определенного уровня коммуникативной компетенции. Особое значение при этом приобретает владение коммуникативными и учебными стратегиями. Решение этих задач предполагает переработку устных и письменных текстов в процессе восприятия и порождения высказываний, интеракции и медиации» [Общеввропейские компетенции 2003: 14]. Таким образом, учебный процесс предполагает наличие субъекта, владеющего определенным уровнем компетенций, постановку цели и задач, а также решение задач в деятельности и использование стратегий для осуществления поставленных задач.

Необходимо учесть, что «прогресс в изучении языка особенно четко проявляется в способности учащегося участвовать в реальной коммуникативной деятельности и пользоваться коммуникативными стратегиями», поэтому их называют «основанием для определения уровня владения языком», а «шкала уровней» соотносится «с различными аспектами видов речевой деятельности и стратегий» [Общеввропейские компетенции 2003: 59]. Таким образом, мы видим, что все вышеназванные понятия тесно связаны друг с другом. Кроме этого, приведенный контекст подтверждает, что для компетентностного подхода основополагающей становится коммуникативная деятельность субъекта.

«Реализация в языковом коде» предполагает этап контроля, оценки. Следовательно, понятия контроль, оценка также будут связаны с вышеназванными понятиями компетентностного подхода. Компетентностный подход предполагает оценивание компетенций, для чего разработаны оценочные шкалы. Большое внимание уделяется и самооценке. И это основное отличие от прежнего подхода в методике преподавания иностранных языков.

Любая деятельность предполагает наличие определенного результата. Следовательно, понятие результат также связано с вышеописанными понятиями. При компетентностном подходе «продуктом (результатом) овладения иноязычной культурой является интегрированное сложное умение управлять всей деятельностью человека в диалоге культур и основой для дальнейшего самосовершенствования в самообразовании» [Пассов 2007: 22]. «Интегрированное сложное умение» есть не что иное, как компетенция. Таким образом, завершается полный цикл работы над формированием (развитием) компетенции.

Список литературы

1. Выготский, Л.С. Мышление и речь [Текст] / Л.С. Выготский. – М.: Изд-во «Лабиринт», 1999.
2. Общеввропейски компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка [Текст]. – М.: Московский государственный лингвистический университет, 2003.
3. Леонтьев, Л.А. Речевая деятельность [Текст] / Л.А. Леонтьев// Основы теории речевой деятельности: монография. – М.: изд-во «Наука», 1974.
4. Пассов, Е.И. Концепция коммуникативного иноязычного образования (теория и ее реализация) [Текст] / Е.И. Пассов. – М.: Златоуст, 2007.

СТРУКТУРНЫЕ И СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СУБСТАНДАРНОЙ НОМИНАЦИИ В СУБКУЛЬТУРНОМ ЛЕКСИКОНЕ АВТОМОБИЛИСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Царева Е.В.

ФГБОУ ВПО «Череповецкий государственный университет», г.Череповец

Одним из наиболее значимых изобретений человечества, оказавших значительное влияние на жизнь человека и общество в целом, стал автомобиль. История этого транспортного средства насчитывает более ста лет. Первый автомобиль с бензиновым двигателем внутреннего сгорания был создан К. Бенцем в 1885 г. в Германии. Здесь же тремя годами позже было организовано первое автомобильное производство. В США первая американская компания-производитель автомобилей была основана братьями Чарльзом и Фрэнком Дюреа в 1893 году [2]. В Великобритании основоположником автомобильного производства считается Герберт Остин, который совместно с братьями Виккерс основал компанию Wolseley Motors Ltd, ставшую впоследствии крупнейшим производителем автомобилей в стране [7].

Широкое распространение автомобиля естественным образом привело к формированию особой субкультуры автомобилистов. Ее представители создали свой автомобильный субъязык и его лексическую систему, включая социолект и его лексическую систему, как субстандартные компоненты этого субъязыка. В дальнейшем элементы этого социолектного лексикона сложившейся субкультуры стали употребляться в речи многих автомобилистов. В настоящее время субстандартный социолектный лексикон английского автомобильного субъязыка широко распространен в определенных сферах функционирования полинационального английского языка и представляет интерес для изучения. Сказанное выше обусловило выбор темы данной статьи, цель которой рассмотреть структурные и структурно-семантические особенности субстандартной номинации в субкультурном лексиконе англоязычных автомобилистов. Материалом для анализа послужили 400 единиц, извлеченные методом сплошной выборки из словарей англоязычного лексического субстандарта, представленных в Списке литературы. Исследуемый материал охватывает английский автомобильный социолект, преимущественно, американского национального варианта английского языка XX-XXI вв. При анализе также частично затрагивались автомобильные социолектизмы британского ареала. Уточним теперь основные рабочие понятия согласно концепции В.П. Коровушкина, в рамках которой проводится наше исследование.

Субкультура, включая субкультуру англоязычных автомобилистов, – это система ценностей, традиций, норм и форм поведения, присущих определенному социуму, в нашем случае – автомобильному социуму, представители которого исключены в разной степени или вышли сами из существующей в данном обществе и в данное время привычной среды, из общепринятого социокультурного пространства, где субкультурный социум имеет свой, отличный от традиционного, взгляд на жизнь, ее ценности и свое место в ней, а также свой лексикон [6, с. 85-86].

Субкультурный лексикон – это полуавтономная или неавтономная экзистенциальная форма языка, представляющая собой иерархически структурированную субстандартную лексическую систему, элементы которой – социолектизмы – функционально и понятийно соотнесены с соответствующим субкультурным социумом, в нашем случае с автомобильным социумом, обладают этико-стилистической сниженностью и инвективностью различной степени и качества и профессионально-корпоративной маркированностью, отражающей социально-субкультурную специфику данного социума и обслуживающего его социолекта [4, с. 58].

Субъязык – это исторически сложившаяся, относительно устойчивая для данного периода автономная или полуавтономная экзистенциальная форма национального языка или его варианта, обладающая системой взаимодействующих социолингвистических норм первого (стандартного) и второго (субстандартного) уровней, представляющая собой сложную совокупность некоторых фонетических, морфологических, синтаксических и преимущественно специфических лексико-фразеологических средств общенародного языка, которые обслуживают речевое общение определенного социума, характеризующегося единством субкультурной профессионально-корпоративной деятельности своих индивидов и соответствующей системой специальных понятий [5, с. 205-206].

Социолект – это исторически сложившаяся, относительно устойчивая для данного этапа полуавтономная форма существования языка, обладающая своей системой социолингвистических норм второго уровня, функционально и понятийно закреплённая за определенным социальным профессионально-корпоративным социумом и обладающая специфичной просторечной лексической системой [3, с. 219-220]. Автомобильный

социолект – это исторически сложившаяся за последнее столетие полуавтономная относительно устойчивая форма существования национального языка, субстандартная лексическая система которой соответствует социолингвистической норме второго уровня, профессионально и корпоративно детерминирована, идентифицирует принадлежность говорящего к автомобильному социуму и субкультуре и используется для обозначения специальных понятий, признаков и процессов.

Структурный анализ англоязычного автомобильного социолекта позволил выявить наличие (1) структурно-неотмеченных образований, построенных по исконным стандартным словообразовательным моделям, и (2) структурно-отмеченных образований, построенных по моделям, присущим только субстандарту. Структурно-неотмеченные лексические единицы в свою очередь включают в себя формально-непроизводные и формально-производные лексические единицы. Формально-непроизводные единицы в исследуемом социолекте представлены: а) существительными: alligator ‘протектор от порванной шины, лежащий на дороге’, quiz ‘тест на трезвость’; б) прилагательными: hot ‘быстрый’; в) глаголами: drag ‘ехать по трассе’, rigne ‘быстро разогнаться во время гонки’. Формально-производные социолектизмы образованы с помощью: 1) аффиксации: А) суффиксация: dragster ‘гоночный автомобиль’, hitcher ‘автостопщик’ posed ‘без хромированных деталей и отделки, гладкий’; Б) полупрефиксация: top eliminator ‘участник соревнований с наилучшими шансами на победу’; В) полусуффиксация: bear bait ‘грузовик, движущийся впереди остальных’, juice man ‘ди-джей на р/с, работающий всю ночь’; 2) аффиксального комбинирования: undressed ‘СВ радио, работающее без линейного усилителя’; 3) словосложения: barbershop ‘низкая эстакада’, lorry-jump ‘путешествовать автостопом на грузовике’; 4) словосложения + суффиксации: red-assed ‘очень рассерженный’, thumb-pusher ‘автостопщик’. Структурно-отмеченные лексические единицы в исследуемом материале представлены: 1) сокращениями: А) инициальные аббревиатуры: а) инициально-буквенные: LA stop [<Los Angeles] ‘неполная остановка на дорожном знаке или сигнале светофора’, б) инициально-буквенно-звуковые (частичный акроним): XYL [<ex-young lady] ‘жена’; в) комбинированные инициальные сокращения: инициальное сокращение + словосложение: A-man [<automobile man] ‘полицейский, сидящий в машине’; Б) аброморфемные сокращения: апокопа: pup [<puppy] ‘небольшой четырёхколесный прицеп к грузовику’; апокопа+ суффиксация: tranny [<transmission+ -y] ‘трансмиссия’; аферезис: Eat-em-up [<Eat-them-up] ‘придорожное кафе’; В) эллипсные сокращения: boogie [<boogie-woogie] ‘верхняя передача’; 2) словесными псевдономенклатурами: four-by-four ‘грузовик с четырьмя скоростями’, ninety-weight ‘крепкий алкогольный напиток’; 3) интегрированными словами: ready-to-run ‘машина, купленная в салоне и не требующая каких-либо модификаций’; 4) итеративами: а) аллитераты: Kojak with a Kodak ‘автоинспектор, измеряющий скорость проезжающих машин с помощью радара’, lot lizard ‘плечевая’, б) образования с рифмой (с внутренней рифмой): loose as a goose ‘нуждающийся в ремонте’, near beer ‘некрепкое пиво’, (с внешней рифмой): Lost Wages ‘Las Vegas’; в) редупликаты (полные): slap-slap ‘небольшая полицейская дубинка’; (неполные): county-mounties ‘местная патрульная служба’.

Одной из особенностей субстандартной лексики является наличие или отсутствие синонимических связей между просторечной лексикой и литературной [1, с. 83]. По данному признаку анализируемые автомобильные социолектизмы делятся на четыре структурно-семантических класса: 1) связанные аналоги, 2) свободные аналоги, 3) связанные универбы и 4) свободные универбы.

Связанные аналоги представляют собой «просторечные единицы, которые образуются в результате расширения смысловой структуры слова литературного стандарта за счёт появления в ней социально и стилистически маркированного лексико-семантического варианта, возникающего вследствие семантической деривации» [1, с. 84]. В английском автомобильном социолекте нам встретились следующие примеры социолектизм-связанных аналогов: anchor (якорь) ‘аварийный тормоз’, charger (зарядное устройство) ‘водитель автомобиля с форсированным двигателем’, convoy (конвой) ‘группа грузовиков, путешествующих вместе’. Свободные аналоги являются автономными лексемами. Это просторечные единицы, которые репрезентируются просторечными словами, а не просторечным вариантом значения слов литературного стандарта. Они возникают в результате словообразовательного акта по моделям, которые свойственны языковой системе в целом и её просторечной подсистеме в частности [1, с. 85]. В автомобильном социолекте были выявлены следующие примеры свободных аналогов: alky [<alcohol+ -y] ‘метанол, бензин для гоночных автомобилей’, SKP [<escapee] ‘сбежавший преступник’. Связанные универбы представляют собой просторечные единицы, которые находятся за пределами литературного стандарта и обозначают такие явления действительности, которые не названы словами литературного стандарта. Вследствие этого их смысл раскрывается «развёрнутой словарной единицей с минимальным объёмом в виде атрибутивного словосочетания вплоть до развёрнутого описания» [1, с. 86]. Зачастую для определения значения связанного универба необходимы фоновые знания и ситуация общения. В материале исследования нам встретились следующие примеры связанных универбов: heater (нагреватель) ‘линейный усилитель для СВ радио’, scarecrow (пугало) ‘пустая полицейская машина, припаркованная у обочины

дороги для предотвращения превышения скорости со стороны автомобилистов’, score (счет) ‘деньги, которые вымогаются полицейскими за незначительное нарушение мотоциклистами правил дорожного движения’. Как и свободные аналоги, свободные универбы являются результатом различных актов структурно выраженной деривации по моделям, функционирующих в стандартных нормах языка. Свободные универбы не входят как социально или стилистически маркированные лексико-семантические варианты в смысловые структуры литературных элементов и являются нестандартными элементами, которые расширяют их смысловые структуры в экспрессивном просторечии и в социолектах [1, с. 87]. В нашем исследовании были выявлены следующие примеры автомобильных социолектизм-свободных универбов: peaker ‘нелегальный линейный усилитель для СВ радио’, perf ‘сигнализатор проезжающей впереди машине для того, чтобы ее водитель уступил дорогу’, scarfet ‘быстрая машина’.

Подводя итог, следует отметить, что субкультурный лексикон автомобилистов, являясь полуавтономной экзистенциальной формой языка, выполняет коммуникативную и эмотивную функции в сфере англоязычного автомобильного социума. Его форма и семантика отражают не только особое видение действительности, присущее носителям данного субъязыка, но и их отношение к ней. Таким образом, изучение социально-номинативной деятельности человека в автомобильной сфере представляется важным, вследствие воздействия автомобильного субъязыка и его субстандартной (социолектной) части на лексическую систему английского языка в целом.

Список литературы

1. Беляева Т.М., Хомяков В.А. Нестандартная лексика английского языка. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 136 с.
2. История автомобиля. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D1%81%D1%82%82>
3. Коровушкин В.П. Основы контрастивной социолектологии: Монография в двух частях. Часть II. – Череповец: ГОУ ВПО ЧГУ, 2005. – 290 с.
4. Коровушкин В.П. Английский лексический субстандарт versus русское лексическое просторечие (опыт контрастивно-социолексикологического анализа): Монография. – Череповец: ЧГУ, 2008. – 167 с.
5. Коровушкин В.П. Теоретические основы контрастивной социолектологии: Монография. – Череповец: ЧГУ, 2009. – 246 с.
6. Коровушкин В.П. Англоязычные заимствования в лексиконах русских субкультур // Вестник Череповецкого государственного университета. – Череповец, 2014. – № 3 (56). – С. 85–90.
7. Производство автомобилей в Соединенном королевстве. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Automotive_industry_in_the_United_Kingdom#1896_to_1900
8. Dalzell T., Victor T. The Routledge Dictionary of Modern American Slang and Unconventional English. – New York: Taylor & Francis Group, 2008. – 1104 p.
9. Chapman R. American slang. – New York: Harper & Row Publishers, 1987. – 499 p.
10. Kipfer B.A., Chapman R.L. Dictionary of American Slang. Fourth Edition. – New York: Harper Collins Publishers, 2007. – 1114 p.
11. Wentworth, H., Flexner, B.S. Dictionary of American Slang. Second Supplemented Edition. – New York: Thomas Y. Crowell Publishers, 1975. – 766 p.
12. Oxford English Dictionary. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oed.com/>

ТЕРМИНЫ АРТИКУЛЯЦИЯ, АРТИКУЛИРОВАТЬ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Салмина Д.В.

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург

В предлагаемой статье рассматривается расширение зоны функционирования лингвистических терминов, которые, если их оценивать с точки зрения знания многими носителями русского языка, нельзя охарактеризовать однозначно. С одной стороны, они не столь известны всем «с молодых ногтей», как подлежащее и сказуемое, а с другой – их нельзя назвать совсем агнонимичными, поскольку понятие артикуляции неизбежно «всплывает» – например в контексте обучения школьников иностранным языкам. «В России в английских школах с начала

обучения занимались с учениками артикуляцией, учитель показывал, как правильно артикулировать <...> Отличие языкового обучения в России и за границей состоит в том, что у нас показывают, как артикулировать, а у них этим не занимаются. Считают, что ученик должен слышать, видеть и сам правильно повторять. Артикуляцией занимаются только логопеды» [5].

Более того, материалы НКРЯ показывают, что круг лингвистических, чаще всего художественных контекстов, в которых «всплывает» слово артикуляция в своём фонетическом значении, весьма широк. Ограничимся двумя примерами: Удивлять собеседницу чудесной лондонской артикуляцией было некогда... [Улья Нова. Инка (2004)]; Артикуляцию его [Артура Миллера] повторяли движения оттаявших сосновых веток [Андрей Вознесенский. На виртуальном ветру (1998)].

Но зададимся вопросом: какое содержание вкладывается в этот условно понятный школьнику или обучающемуся/обучавшемуся иностранным языкам взрослому термин? Как показывают приведённые примеры, имеется в виду, во-первых и прежде всего, произношение, и, во-вторых, – правильное и, видимо, отчётливо-понятное. Показательно, что этот компонент содержания термина артикуляция отражён и в Современном энциклопедическом словаре: (от лат. articulo – расчленяю), работа органов речи, совершаемая при произнесении того или иного звука; степень отчётливости произношения [6].

Следовательно, уже на этапе применения слова артикуляция как термина фонетики мысль о движении и положении органов речи приглушается, остаётся «свёрнутой» и как бы на заднем плане. Возможно – как сама собой разумеющаяся. На первый же план выдвигается идея корректного результата – с опорой на правила произношения, но, предположительно, БЕЗ обязательного осознания алгоритма «движений и положений органов речи», хотя и при возможной ориентированности учащегося на своё звуковое впечатление от демонстрационного варианта (образца).

Приводимые ниже описания термина-существительного артикуляция в авторитетных толковых словарях содержат прежде всего специальную лингвистическую информацию: СУ: [латин. articulatio] (лингв.). Работа органов речи, необходимая для произнесения звуков речи; СОШ: В языкознании: работа органов речи при произнесении звука; МАС: Лингв. Работа органов речи, необходимая для произношения определённого звука речи, а также положение органов речи при произнесении того или иного звука речи. [Лат. articulatio] [8].

Однако в БТС мы наблюдаем более богатую информацию о семантике термина, хотя и распределённую между дефинитивной и демонстрационной частями: артикуляция [лат. articulatio]. Лингв. Работа или положение органов речи при произнесении звука, звуков. Сложная а. дифтонгов. Обучать правильной артикуляции. // Степень отчётливости произношения [1]. Более того: присутствует и сема 'отчётливость произношения', хотя она и помещена составителями словаря как периферийно возможная «за двумя наклонными чертами», т.е. не как уже состоявшееся значение слова, а лишь как оттенок значения.

В Новом словаре иностранных слов интересующий нас компонент семантики 'отчётливость произношения' эксплицирован в иной зоне словарной статьи – в развёрнутой этимологической справке: артикуляция [нем. Artikulation, фр. articulation < лат. articulāre расчленять (речь), членораздельно и ясно произносить] лингв. Работа органов речи для произнесения [4].

Наиболее полно – и как оттенок значения, и как компонент термина техники связи – интересующая нас семантика отражена в Словаре Ефремовой: артикуляция I. 1) а) Работа органов речи – губ, языка и т. п., необходимая для образования звуков, характерных для определённого языка (в лингвистике). б) Степень чёткости произношения. 2) Разборчивость речи по радио, телефону и т.п. как мера качества системы связи (в технике связи) [8].

У глагола артикулировать сема 'отчётливость произношения' представлена только типовым словосочетанием-речением в Словаре Ушакова: «Производить ту или иную артикуляцию звука. Четкая а.». Остальные словари ограничиваются строго лингвистическим толкованием «Производить артикуляцию» (МАС, БТС) или «Осуществлять артикуляцию. [артикуляция I 1.]» (Словарь Ефремовой) [8]. Однако обратим внимание на отсылочное толкование глагола артикулировать – см. выговаривать в Тезаурусе русской деловой лексики [7].

Таким образом, столь важный для обыденного понимания артикулирования компонент 'отчётливость произношения' в глагольной версии термина в большинстве толковых словарей абсолютно теряется, а в статьях термина-существительного присутствует не всегда. Однако важно отметить, что более поздние словари обнаруживают тенденцию не только к его экспликации в иллюстративной или этимологических частях словарной статьи артикуляция, но даже к представлению как оттенка значения «Степень отчётливости произношения».

В работах исследователей (Н.С. Валгиной, Л.К. Граудиной, С.В. Гринёва, В.М. Лейчика, А.В. Лемова, Д.Н. Шмелёва и др.) является общепризнанным тот факт, что проникновение и последующее вхождение любого термина в неспециальный контекст/контексты с неизбежностью сопровождается утратой сугубо специальных

компонентов семантики при одновременной актуализации некоторых перспективных, с точки зрения говорящих, и по разным причинам востребованных ими сем.

В нашем случае такой востребованной стала сема 'отчётливость, чёткость' (звучания речи), которая позволила прежде всего глаголу артикулировать и в несколько меньшей мере – существительному артикуляция) превратиться в стилистически маркированный (книжный) синоним ряда глаголов, точнее, словосочетаний с семантикой ментально-речевого действия: ясно, чётко и определённо озвучить, обозначить, сформулировать, подчеркнуть что-либо.

Именно нерасторжимость речи и мысли наглядно просматривается в следующих фрагментах, извлечённых из переводных философских текстов первой половины XX в.: глагол артикулировать приобретает в них «мерцающий» смысл: 'проявлять / проявляться / быть явленным; быть постигнутым и сформулированным': Не следует представлять себе здесь нечто не-сказанное и не-помышленное, что, обегая мир, сплетается со всеми своими формами и всеми своими событиями, как если бы речь шла о том, чтобы его, наконец, артикулировать или помыслить (Мишель Фуко. Воля к истине. – <http://lib.ru/CULTURE/FUKO/istoria.txt>); Доонтологическая понятность бытия хотя и охватывает все сущее <...> но понимание бытия ещё не артикулировало себя соответственно разным модусам бытия; <...>Мы не суживаем заранее понятие смысла до семантики "содержания суждения", но понимаем его как охарактеризованный, экзистенциальный феномен, в котором становится видим формальный каркас всего, что может разомкнуть понимание и артикулировать толкование (Хайдеггер Мартин. Бытие и время. – <http://modernlib.ru/books/>).

Не собственно лингвистическое, но, – по сравнению с философией – «семантически облегчённое» употребление глагола артикулировать, актуальное для современного русского политического дискурса (см. характерные синтагмы: попытки политически артикулировать, политическая артикуляция), испытало, на наш взгляд, влияние западноевропейских языков, традиционно воздействующих, в том числе и на русский, в сфере разных терминосистем.

Это подтверждается обращением к словарям французского, английского и немецкого, а также латинского языков: в них семантика интересующего нас глагольного термина без труда позволяет экстраполировать общую идею чёткости речи, содержащуюся в мотивировке латинского слова (лат. *articulatio* от *articulare* – расчленять, членораздельно, ясно произносить), на выражение собственно мысли, что и зафиксировано словарями: англ. *articulate* — отчетливо произносить артикулировать, ясно выражать, излагать, формулировать; нем. *artikulieren* – артикулировать, произносить членораздельно формулировать, выражать словами, выражаться; фр. *articuler* – сочленять, артикулировать, произносить, выговаривать; соединять шарнирно, на шарнирах [???]. Т.е. переносный смысл русского глагола артикулировать, вероятнее всего, не галлицизм, восходящий, по мнению автора «Исторического словаря галлицизмов русского языка» Н. И. Епишкина, к фр. *articuler* [3]: с отсылкой к «Французско-русскому словарю» А. К. Ганшиной [2] автор приводит значение «2. перен. Излагать по пунктам, по статьям». Допускаем, что именно объединение в семантике французского глагола сем 'сочленение' и 'расчленение' могло породить такой переносный смысл. Однако первая же подтверждающая цитата «Фонетический термин "артикулировать" перекочевал в сферу общепотребительную: "надо артикулировать принципы", "он артикулировал свою концепцию"» (НМ 1998-1: 146) извлечена из статьи Вл. Новикова 1998 г. Следовательно, в русском языке, судя по времени активизации такого употребления глагола артикулировать на рубеже XX–XXI в., семантическое калькирование произошло, вероятнее всего, через англоязычное посредничество.

Примечательно, что соотносительный термин-существительное в трёх западноевропейских языках, по данным словарей, не обнаруживает – в отличие от русского языка – компонента 'отчётливость произношения': *articulation* – англ. артикуляция, произнесение звуков, сочленение, шарнирное соединение; *Artikulation* – нем. фон. артикуляция, членораздельное произношение, муз. артикуляция, мед. сочленение; *articulation* – фр. сустав, сочленение, шарнир, шарнирное соединение, колено, звено, артикуляция, произношение [8]. Но на русской почве глагол артикулировать легко распространил новый переносный смысл «чётко формулировать и вербализовать (озвучивать) мысль, идею, концепцию» на существительное артикуляция.

В качестве иллюстрации к сказанному приведём некоторые из многочисленных, но достаточно однотипных вхождений в Национальном корпусе русского языка.

Артикулировать: Это программный продукт, в котором мы пытаемся артикулировать суть нашего времени. [Мила Кузина. Константин Эрнст: «Мы научились не получать бюджетные средства» (2002) // «Известия», 2002.09.24]; «Государство образовано не для решения технических вопросов, но для служения общему благу» – за этой высокопарной фразой стоит нежелание ясно артикулировать содержание экономической политики. [Дмитрий Орлов. Идеологи против реалистов // «Время МН», 2003]; ...российские граждане отказываются хоть как-то артикулировать свои политические пристрастия. [Михаил Фишман. Легкие фракции (2003) //

«Еженедельный журнал», 2003.06.10]; Отличие интуиции от имплицитного научения состоит в осознании и возможности артикулировать интуитивный результат. [О. В. Степанова. Современные представления об интуиции (2003) // «Вопросы психологии», 2003.07.22];

Артикуляция: Сегодня эта идеология выработана на уровне ощущений и нуждается лишь в артикуляции, которая является неотъемлемой функцией общественной элиты [Михаил Делягин. Глобальные требования к России (2004) // «Наш современник», 2004.02.15]; Каждый новый цикл культуры нуждается в артикуляции самых простых, но самых трудноуловимых понятий: что такое, например, благоразумный брак и какие качества должны быть присущи «идеальному мужу» и «идеальной жене» [Евгения Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // «Русская Жизнь», 2008];

Комментарии к этим примерам, как нам кажется, не требуются – в силу очевидной выводимости нефонетически (нелингвистически) ориентированной семантики рассматриваемых слов даже из минимальных контекстов (они в примерах подчеркнуты).

Вернёмся ещё раз к существительным с семемой ‘артикуляция’ в разных языках. Как особенно хорошо видно по пометам в лаконичной немецкой версии, эти термины, кроме лингвистики (фонетики), «живут» ещё в нескольких профессиональных сферах: в анатомии (соединение членов); в технике связи (мера качества систем связи); в музыке (способ исполнения последовательности звуков на инструменте или голосом...). Не входя в общепонятный язык, они представлены в специальных словарях. Реакции на запросы в поисковых системах Интернета помогли пополнить эту «коллекцию» не прямых номинативных значений рассматриваемых терминов швейной терминологией: «артикулированные колени (или локти)» – это один из вариантов покроя спортивной или специальной одежды, обеспечивающий большую свободу движений, – метафора суставоподобности при крое рукавов и «коленно-ножной» части брюк. В данном случае мы, вероятнее всего, имеем дело с термином французского происхождения, так как основой транстерминологизации служит «анатомическое» значение – ‘сустав’ французского существительного articulation.

Подчеркнём в заключение, что полученная на базе привлечённых данных из НКРЯ (основной корпус) статистическая характеристика соотношения прямого и переносного употребления рассмотренных лексем демонстрирует весьма репрезентативную картину активности в современном русском языке их переносного смысла: у леммы артикуляция доля таких включений более 24% (31 из 127), у леммы артикулировать – около 64% (30 из 47). Следовательно, есть все основания вводить – по крайней мере в словарную статью глагола – переносное значение «ясно, чётко, недвусмысленно формулировать что-либо», которое пока что зафиксировано только не самым авторитетным источником – Викисловарём. В защиту же «ещё двух иностранных» слов говорит, во-первых, их неагнотичность (см. начало статьи), а во-вторых, смысловая ёмкость их переносного значения: любой русский синоним потребует уточняющих распространителей.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. (БТС)
2. Ганшина К.А. Французско-русский словарь. – М.: 1977.
3. Епишкин Н.И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. –Словарное издательство ЭТС, Москва, 2010. – URL: http://www.ets.ru/pg/r/dict/gall_dict.htm.
4. Крысин Л. П. Новый словарь иностранных слов. — М.: Изд-во Эксмо, 2005. (НСИС)
5. Правильное произношение. – URL: <http://your-english.ru/articles/2009>.
6. Современный энциклопедический словарь. – Изд-во «Большая Российская Энциклопедия», 1997. – URL: <http://encyclopediac.slovaronline.com/> (СЭС)
7. Тезаурус русской деловой лексики. – URL: http://business_thesaurus.academic.ru/ (ТРДЛ)
8. Dic.academic.ru — онлайн-словари и энциклопедии.

ТЕРМИНЫ ПОДЛЕЖАЩЕЕ И СКАЗУЕМОЕ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Куликова И.С.

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г.Санкт-Петербург

В предлагаемой статье рассматривается возможность функционирования языковедческих терминов за пределами собственно лингвистического, научного или учебного, текста. Источником материала служит Национальный корпус русского языка (далее – НКРЯ), а объектом исследования являются лексемы, которые во

всех современных толковых словарях представлены как однозначные лингвистические термины, сопровождающиеся пометами (грамм.) или (лингв.). Выбранная пара терминов исходно обладает существенно иными свойствами, чем, например, артикуляция или синтагма.

Во-первых, подлежащее и сказуемое – это типичные «школьные» термины, а как замечено М. Б. Гаспаровым, школьная грамматика приобщает носителя языка «к метаязыковому отображению своего непосредственного языкового опыта, все те сведения и понятия, будучи усвоены говорящим, сами становятся частью его языкового сознания» [1, 214], т.е. «сидят» в голове бывшего школьника как некая несомненная данность языка (хотя и совсем не обязательно как его рабочая модель). «Школьная» природа этих терминов находит подтверждение в НКРЯ достаточно большим количеством фрагментов их художественной литературы. Ограничимся одним примером: Что же касается самого Фильки, то его заставляли здесь вовсе не выслеживать зверя по снегу, а решать задачи и находить в книге подлежащее и сказуемое, у которых даже самый лучший охотник в стойбище не нашёл бы никаких следов [Р. И. Фраерман. Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви (1935-1940)]. Как говорится, "no comment".

Во-вторых, во всех случаях (кроме определения сказуемого в СУ) оба термина сталкиваются в рамках словарных статей как определяемое и как один из компонентов определения. Приводимые далее примеры типичны: подлежащее – Грамм. Главный член предложения, обозначающий предмет, признак (действие, состояние, свойство, качество) которого определяется в сказуемом; субъект; сказуемое – Грамм. Один из двух главных членов предложения, обозначающий действие или состояние предмета, выраженного подлежащим (МАС). Почему мы обращаем на это внимание? Словари – в полном соответствии с наукой – отражают синтаксическую реальность бинарной структуры типичного, т.е. двусоставного, предложения. Ср.: «Для нас предложение немыслимо без подлежащего и сказуемого; определяемое с определительным, дополняемое с дополнительным не составляют для нас предложения» [А. А. Потебня. Мысль и язык (1862) – НКРЯ]. Но они одновременно фиксируют и реалию обыденного языкового сознания, в котором один из двух терминов обязательно цепляет за собой другой, образуя своеобразный бином «подлежащее-и-сказуемое» – этакий метаязыковой «Кастор-и-Поллукс». Подтверждением тому служит преобладание в НКРЯ таких контекстов, которые включают одновременно оба слова.

Полагаем, что отмеченные качества могут благоприятствовать детерминологизации терминов подлежащее и сказуемое и позволяют объяснить достаточно давнюю для русской литературы традицию их выведения за пределы специального лингвистического дискурса: контексты с тем или иным смещением терминологического смысла извлечены не только из разножанровых текстов XX-XXI в., но и из текстов XIX в., хотя в существенно меньшем количестве.

На этом фоне особый интерес представляют извлечения из произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина. И дело не только в большом их количестве, но прежде всего в том, что во всех восьми (!) случаях писатель употребляет одно и то же выражение с незначительными вариантами: ... я безразличным образом сотрясал воздух, я внимал речам без подлежащего, без сказуемого, без связки, и сам произносил речи без подлежащего, без сказуемого, без связки [Дневник провинциала в Петербурге (1872)] Правитель канцелярии сейчас же определил её достоинство, сказав, что это речь без подлежащего, без сказуемого и без связки, но «преданные» поняли. Стало быть, тут речи без подлежащего, сказуемого и связки приходятся именно как раз впору [Помпадур и помпадурши (1863-1874)]; Все трое заговорили разом: "У нас как возможно! У нас – тишина! спокой! каких ещё там конституций! долой амуницию – чего лучше!" Гул стоял в отделении вагона от восклицаний, лишённых подлежащего, сказуемого и связки [Благонамеренные речи (1872-1876)].

Включение в однородный ряд лексемы связка превращает грамматический бином в логическую триаду, соответствующую классической схеме суждения S (Subjectum) есть P (Praedicatum). Более известные читателю грамматические термины подлежащее и сказуемое в этом случае используются как синонимы-дублиеты строгих логических терминов субъект и предикат [3, 364, 288]. Это хорошо видно на фоне оценки чисто языковой манеры: Фразы его [Марра] были запутаны, к подлежащему не всегда относилось соответствующее сказуемое. Понять было ничего невозможно [И. М. Дьяконов. Книга воспоминаний. (1995)]. Принадлежность единиц подлежащее и сказуемое сразу двум терминосистемам обеспечивает смысловую трансформацию, которую Д. Н. Шмелёв называл «диффузией семантики» [6, 86], а включенность их в конструкцию с семантикой лишения, отсутствия завершает формирование индивидуально-авторского щедринского фразеологизма без подлежащего, сказуемого и связки: 'речь как форма, лишённая социально значимого содержания // сотрясение воздуха // пустословие, пустозвонство'.

В XX-XXI в. лексемы подлежащее и сказуемое могут употребляться в филологическом дискурсе в собственно языковедческом смысле, но как операторы стилистического и даже герменевтического анализа, причём чаще всего в составе тропа. Наиболее ярким подтверждением может служить пример в НКРЯ,

расширенный за счёт обращения к тексту рассказа Ирины Полянской «Тихая комната» (Новый мир. 1995. № 3): «Я очень хотел сделать из Пастернака пророка, но ничего путного не получилось», — писал он другу. Странная фраза, в ней есть нечто останавливающее внимание, ключ к разгадке... Хочется поневоле подвергнуть эту фразу ученическому, морфологическому разбору. Уж слишком она не случайна, чересчур симптоматична, в ней он, сам того не желая, проговаривается весь <...> Подлежащее, конечно, “я”, сказуемое — заносчивое “очень хотел” и неопределённое “сделать”; Пастернак, перед которым он когда-то преклонялся, выступает здесь в роли дополнения, это не столько имя собственное, сколько обозначение некоего обобщающего принципа; а вот “пророк”, напротив, выступает как имя собственное, пафос которого снимается последующим безличным глаголом “не получилось” и определением, взятым напрокат из ненавистного ему иронического ряда, “ничего путного”. Смущённо, скомканно, заслоняясь от самого себя “Пастернаком”, он пытается в этой фразе передать суть своего расхождения с поэтом, стихи (стихия) которого когда-то были (была) его воздухом...» Оставаясь терминами «ученического морфологического разбора», лексемы подлежащее и сказуемое, а вместе с ними и ещё четыре грамматических термина в единой текстовой парадигме и в «неграмматической» синтагматике приобретают дополнительные «психоаналитические» смыслы.

В искусствоведческом дискурсе рассматриваемые лексемы встречаются нечасто, но тоже обычно в непосредственном соседстве с другими терминами грамматики. Однако единства авторской интенции при этом не просматривается. Так, в следующем контексте «грамматическая синтагма» становится формулой языкового бессилия перед бесконечной сложностью и тонкостью эстетического чувства: И дума на челе, и мысль в глазах, и напряжённый покой, сковавший её чуть набрякшие наивные девичьи пальцы скрещенных на груди рук, — все эти выражения состояния души, запечатлённые мастером, могут быть лишь грубо объяснены повествовательными предложениями с подлежащим, сказуемым и дополнением [Семен Лунгин. Виденное наяву (1989-1996)]. В этом случае детерминологизации не происходит, чего нельзя сказать о следующем фрагменте: О религии в фильме речи нет, но библейское понятие о брате как о «стороже» — в центре картины. «Смерть» — подлежащее фильма, главный предмет разговора. «Брат» — второе по значению слово, выполняющее роль остальных элементов высказывания: сказуемого, определения и дополнения. На вопрос «о чем?» ответ один: о смерти. На остальные — «как, через что, зачем?» — ответ даётся через связь между двумя братьями [Антон Долин. Широкая натура. «Его брат», режиссёр Патрис Шеро (2003) // «Искусство кино», 2003.06.30. — Пример расширен за счёт обращения к тексту] — происходит погашение собственно синтаксических сем и актуализация внеграмматических сем ‘главное’ у слова подлежащее и ‘второстепенное’ у слов определение и дополнение; на такое осмысление слова сказуемое повлияло, видимо, то, что в языковом («постшкольном») сознании сказуемое, согласуясь с подлежащим, зависит от него.

На этом неоднородном фоне выделяются несколько фрагментов, объединённых темой «отношение полов», с безусловной метафорической детерминологизацией анализируемых лексем: Дон Жуан менял только подлежащее, но оставался верен сказуемому [Дон-Аминадо. Афоризмы (1920-1935)];... преждевременная половая активность (не отождествлять с «половой зрелостью»), ибо зрелость — любая — предполагает прежде всего зрелое отношение подлежащего к сказуемому) [Татьяна Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений» (2010)]. Эффект достигается обыгрыванием морфемной структуры терминов, что особенно очевидно в слове подлежащее у Давида Самойлова: В грамматике любви подлежащее должно согласовываться с надлежащим, но только в числе, а не в роде [Давид Самойлов. Проза поэта (1970-1980)]. Но, разумеется, было бы более чем странно ожидать у слова подлежащее фиксации в словарях значения ‘женщина как сексуальный партнёр’. Это всего лишь языковая игра — «преднамеренное нарушение системных отношений языка», «деструкция речевой нормы с целью создания неканонических языковых форм и структур», приобретающих вследствие этого экспрессивность [5].

Однако как тип речевого поведения языковая игра чрезвычайно характерна для современной языковой ситуации, наиболее ярко проявляясь в «карнавализации» (термин М. М. Бахтина) [см. в частности: 2, 3]. Завершим статью достаточно развёрнутым фрагментом рассказа В. Геласимова «Ты можешь», который интересен своего рода «удвоением» «творческой активности носителя языка» [Там же]: «грамматический карнавал» автор устраивает через посредничество своего весьма остроумного персонажа-кавказца, издевательски использующего учебник русской грамматики для бандитского «наезда» на героя:

— Хорошая книга, — продолжал он. — Ты знаешь, чем отличается функция подлежащего от функции сказуемого в безличных предложениях?

... — Молодец. Вижу, что понимаешь. Но бывают совсем другие конструкции. Например: «Один человек напился, сел за руль и врезался в чужую машину». Это уже не безличное предложение. В нем есть лицо. Понимаешь? В нем есть подлежащее. И у него есть свои функции. Тебе ясно? Вот как ты думаешь, какие функции у подлежащего в таком предложении?

– Денег у меня нет.

Кавказец посмотрел на меня, глубоко вздохнул и укоризненно покачал головой.

– Нет, дорогой, тебе нужно ещё позаниматься. Ты совсем не понимаешь функции подлежащего. Хочешь, я тебе эту книгу подарю? Только времени у тебя мало. Ты даже сам не знаешь, как у тебя мало времени. Может быть, даже совсем нет.

– Я не успел. Мне надо ещё хотя бы несколько дней. Занял уже в двух-трех местах.

– Нет, это не похоже на правильный ответ. Ты можешь совсем провалить свой экзамен. Пока ты не выучишь функции подлежащего, тебе не удастся перейти к грамматической категории будущего времени. Понимаешь? В этом ведь вся проблема. Его может просто не оказаться. Ты только представь себе свой родной язык без будущего времени. Ты не сможешь сказать таких простых вещей, как: «Я скоро поеду в Америку», или: «Летом я буду жить на даче», или даже ещё проще: «Летом я буду жить»... (В. Геласимов. Ты можешь).

Проведённый анализ позволяет заметить некоторые тенденции внеграмматического функционирования лексем подлежащее и сказуемое:

- в детерминологизирующем контексте их бином стремится к расширению за счёт других единиц из грамматической или логической терминосистем;
- взаимодействие грамматического и логического смыслов этих лексем, характерное для XIX в., сменяется в XX-XXI вв. языковой игрой с терминами школьной грамматики, т.е. с опорой на языковое сознание современной русской языковой личности;
- в любом случае семантическая структура этих слов на языковом уровне не изменяется.

Список литературы

1. Гаспаров М.Б. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
2. Козырев В.А., Черняк В.Д. Современная языковая ситуация и речевая культура: учеб. пособие. – М.: Флинта : Наука, 2012. PDF. – URL: <http://modernlib.ru/>
3. Кондаков Н.И. Введение в логику. – М.: «Наука», 1967.
4. Словарь русского языка: В 4-х т./ Под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. (МАС)
5. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под редакцией М.Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2003.
6. Шмелёв Д.Н. Современный русский язык. Лексика. Учебное пособие для студентов пед. ин-тов по специальности «Рус. яз. и литература». – М.: «Просвещение», 1977.

СЕКЦИЯ №23.

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.20)

FORM OF THE SUBJUNCTIVE MOOD AS FUNCTIONAL ANALOGUE OF THE IMPERATIVE (ON THE EXAMPLE OF ENGLISH AND TATAR LANGUAGES)

Khabirova N.M., Linyuchkina E.G., Shakirova A.A.

Kazan Federal University, Kazan

Annotation: Linguists repeatedly address to a question of relationship of languages, of a ratio of language and the speech. Studying of separate units of language displays their rather real functioning in the speech. Incentive statements - a universal product of speech activity, are submitted almost in all languages. Research of similarities and distinctions in the forms expressing motivation by means of a subjunctive mood in the Tatar and English languages causes a certain interest.

The subjunctive mood is a functional analogue of imperative is constantly considered in many languages. The subjunctive mood expresses hypothetical action from the point of view of the speaker that obtains a variety of modal and expressive-emotional meanings in the context: desire, motivation, remorse, etc.[3]

Semantically "desire" and "motivation" are very close: motivation is the actualization of the desire, so the subjunctive mood can be used to express motivation. In this case we deal with the figurative use of this form in the meaning close to the semantics of the imperative [1]. We find a slightly different characteristic in Hook:

"The subjunctive mood expresses not a motivation, but a desire towards not an interlocutor but towards another person". [6]

In English a synthetic form of the subjunctive mood in present tense, which coincides in form with the base of the infinitive for all the persons in singular and plural, and the combination of may with the infinitive is usually used in various slogans, appeals, wishes (in the form of frozen expressions):

1) Be it so!

Success attend you!

Long live freedom!

May you be happy!

2) "Be happy and peace be with you, my dear", said the mother (H.Lawson "His Father's Mate").

The forms of the subjunctive mood (synthetic and analytical forms) are widely used to express the semantics of the persistent advice, demand, request, proposal and recommendation in complex sentences after such constructions as:

I insist, I suggest, I advise, It is important, It is necessary, We propose, We recommend, It's time to.. and so on:
demand:

1) - Hastings required that all be kept secret

(A. Christie "The Four Suspects").

2) -The policeman ordered that none should leave the room

(A. Christie "The Mystery of the Blue Jar").

3) - It is necessary that you should stay with us in the house

(J.Lang "Barrington).

4) - It is high time you went to bed

(L. Hadow "Sunday Afternoon").

suggestion:

1) -Mom suggested that Sally should join us

2) (L.Hadow "Sunday Afternoon").

3) -She had suggested that Abraham arrive precisely at one-thirty (I.Stone).

advice:

- Is often expressed by the synthetic form of the subjunctive mood

If I were you, I should get that car serviced, which is transformed into a simple sentence as a result of transposition during the communication

I should get that car serviced:

- Meg? Did you polish your shoes? – she called.

- I hadn't thought about it.

- I should get that shoes polished! – she advised

(P.White "Down at the Dump").

- Is expressed by the subordinate clause after the main sentence

It is time...

Your father needs you on the farm of course but it is time you started earning your own living

(J.Morrison "Morning Glory").

The subjunctive mood in the Tatar language, as well as in English, is characterized in a simple sentence by polysemy: it is associated with a complex system of subjective attitude of the speaker to what he judges and evaluates.

In the Tatar language the form of the 2nd person in singular and plural finishing with - P + иде expresses undemanding incentive to action, request:

1) - Бер-бер хезмэт белэн килдегезме? – диде.

- Хезмәтем юк минем, мөмкин булса дәрес күрер идем, углым, - дидем (Ризаэддин бине Фәхрэддин "Әсма, яки гамәл вә жәза").

2) - Исән калсагыз, гомерегез буена шулай жырлый алыр идегез (Ю.Әминов "Үлемнең үлеме").

Sometimes forms of imperative within the meaning of the subjunctive can be met in the language, with the intention of soft incentive to action, request:

1) - " Аллаһы Тәгалә сиңа озын гомер бирсен. Синнән башка калмасам иде. Син үлсән, егерме мең түгел, йөз мең булсын, миненм күзәмә күрәнмәс. Минем кызгануның кадерең белү өчен, васыять итеп биш йөз яки мең тәңкәлек вексель бирсән дә кабул итәр идем" (Р.бине Фәхрэддин "Әсма, яки гамәл вә жәза");

2)- Сиңа әйтәм, мүкләк сьер булып, телеңне тешләп ник йөрисең син, Борханетдин? Улың кәңсәләрдә дәү түре, баш хисапчы, намусы булса, әтисен төнге каравылчы итеп тотмасые, дәрәжәләрәк бер эшкә куярые,... минем ике кызыма, багалмаларыма булышса, матур күлмәкләр алып бирсә, яңа капка ясаса, кулы корымасые...(Г.Ахунов “Тимерханның яшлеге”).

Subjunctive form finds its application in proverbs and sayings to express an advise, moral:

Do as you would be done by.

Better be the head of a dog than the tail of a lion.

Авыруың булса булсын, бурычың булмасын.

Башың карт булса булсын, йорәгең карт булмасын.

Thus, the following similarities and differences in the forms expressing the motivation with the help of the subjunctive mood in the Tatar and Russian languages can be named:

- In the Tatar language the scope of the subjunctive mood with the intention of motivating is much less than in English, in which forms of the subjunctive mood can be observed in subordinate clauses of the object and subordinate clauses of the subject;

- In both languages form of the subjunctive mood is used mainly in complex sentences and very rarely by itself;

- In both languages the use of the subjunctive mood in stable combinations, proverbs and sayings is inherent.

List of references

1. Bondarko A.V. Functional Grammar. - L. : Nauka, 1984-136 p.
2. Davis E.E The English Imperative. - London, 1986. - 36 p.
3. Gak V.G. On the problem of semantic syntagmatics / V.G.Gak // Problems of structural linguistics. - M. : Nauka, 1972. - p. 367-395.
4. Habirova N.M. Ways of expression incentive intentions in English and Tatar languages: Avtoref. diskand.filol.nauk. -Kazan, 2004, 21 p.
5. Leech G., Svartvic J. A Communicative Grammar of English // Moscow-Prosvesheniye, 1983. - 128-134 p.
6. Zakiev M.Z. Tatarskaya Grammar: 3t.- Morfologiya. 11t. - Kazan: Tat.kn.izd of, 1993. – 397 p.

«ГНЕВ» ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ ФРАНЦУЗСКОГО И КЫРГЫЗСКОГО ЯЗЫКОВ

Нарынбаева Б.Б.

КНУ им. Ж. Баласагына г. Бишкек, Кыргызстан

«В состоянии гнева у человека появляются реакции его отдаленных предков: оскал зубов, движение скул, сужение век, ритмические сокращения мышц лица и всего тела, сжимание кулаков, готовых для удара, прилив крови к лицу, принятие угрожающих поз» [2,513]. Внешнее проявление гнева легко различимо: при гневe кровь «кипит», лицо начинает «гореть». Это фундаментальная эмоция, контролю над выражением которой уделяется особое внимание в процессе социализации человека.

Гнев — это отрицательная эмоция, возникающая в результате неоправдывающегося ожидания, что касается эмоций, локализации эмоции в двух изучаемых типах национального сознания, обнаруживается некоторое несовпадение: если для кыргызского сознания однозначным местом рождения и пребывания эмоций является душа (жан күйгүзүү-ачуусуна тийүү, жаңы кашайуу), кровь (каны бузулуу, каны ичине тартуу, каны кайноо, каны кызуу) или голова (баш териси тырышуу, кежигеси тырышуу), то в европейских языках наравне с головой и кровью существенную роль играет также селезенка и печень: достаточно вспомнить, во французском языке употребительны такие выражения, как —*chaleur de foie* (букв. жар от печени) —вспышка, порыв гнева; *fatigue la rate* (букв. уставать печенька) — он сидит у меня в печенках [4,916].

Эмоции группы «гнев» распределяются на шкале интенсификации состояния следующим образом: 1) досада, раздражение, 2) озлобленность, 3) возмущение, 4) ярость.

1. Досада, раздражение *dépit amoureux* —любовная досада. Выражение *ызаболуу* (букв. быть в досаде) используется в значении иметь сильную обиду на кого-то и готов к злости. Озлобленность *faire monter (grimper) à l'arbre* (букв. заставлять подниматься (карабкаться) по дереву) — 'выводить из себя'; *ачуусу келди* (букв. его злость пришла), то есть он обозлился; *ачуусу жаман* (букв. его гнев суров), то есть в гневe он страшен. Близким по значению является понятие «жин»- ярость [3,106].

2. Возмущение. Для выражения возмущения в кыргызском языке существуют и устойчивые выражения и

паремиологические единицы. Человека с грозным видом характеризует фразеологизм кайра жаачу булуттай, (букв. туча, которая заново готова лить). Выражение канны ичине тартып ачууланды (букв. злиться, словно кровь вытягивается вовнутрь) обозначает «он пришёл в неистовство». Поговорки о злобном состоянии души ачуунуакыл женет (букв. злобу ум побеждает); иттин ачуусу куйругунан билинет, аттын ачуусу кулагынан билинет - у собаки думка (букв. злоба) в хвосте, а у лошади — в ушах; поговорка оң колуңдун ачуусун сол колуң менен карма представляет собой совет, как нужно обуздывать свой гнев: злость правой руки придерживай левой рукой.

3. Ярость: dans le feu de sa colère (букв. в огне своего гнева) – в пылу гнева; bouffer de colère (букв. топорщиться от гнева) – кипеть от гнева; mettre en colère (букв. ставить на гнев) - привести в ярость, рассердить; entre (se mettre) en colère (riquer, prendre colère) - рассердиться. В кыргызском языке выражение жини кармады (букв. его охватила ярость), то есть он взбесился, происходит от основы жин что означает буйность, злобность. Анализ фактического исследования показал, что во французском языке сильное отрицательное состояние человека как ярость выражается всеми цветами радуги в следующих ФЕ: colère blanche (букв. белый гнев); colère blue (букв. голубой гнев); colère jaune (букв. желтый гнев); colère noire (букв. черный гнев); colère rouge (букв. красный гнев);

В кыргызском языке состояние крайнего возмущения, злости и раздражения составляет семантика слова кыжыр. Это проявление внутренней нарастающей злобы. Ср.: кыжырыкайнады (букв. злость вскипела), то есть это состояние, когда человек в раздражении выходит из себя. Следующие ФЕ в кыргызском языке тоже показывают ярость человека:

жер сабо (букв. избивать землю) - булкан шаркан түшүп, абдан ачуулануу;

каарын төгүү (букв. изливать ярость) – аябай ачуулануу;

жаңы караруу (букв. душа чернеет) – абдан ачуулануу, туталануу, түнөрүп ыза суу келүү;

түгү сыртына айлануу (букв. шерсть выходит из кожи) – абдан ачуулануу.

Выражение тиштээрин таш таппай (букв. не находит камня, чтобы прикусить), то есть он в сильной ярости. Фразеологизм оозунан көк түтүн чыгат (букв. изо рта выходит сизый дым), характеризует состояние неистовства, крайней обозленности. Выражение карт жолборстой чамынып (букв. взрывая землю, как старый тигр) имеет значение «придя в неопределимую ярость».

«Гнев» в кыргызском языковом сознании имеет насыщенное вербальное выражение. Об этом свидетельствует номинативная плотность ядра, куда вошло шесть субстантивов, обозначающих различные проявления злости, и шесть номинаций, выражающих процесс пребывания в этом отрицательном состоянии. Ср.: ачуу - гнев, злоба; ачуусу келди (букв. его злость пришла), то есть он обозлился; ачуусу жаман (букв. его гнев суров), то есть в гневе он страшен. Близким по значению является понятие «жин» - ярость. Выражение жини кармады (букв. его охватила ярость), то есть он взбесился. Производным от жин является возвратный глагол жинден, что означает буйствоваться, бесноваться, злобно набрасываться [1,314].

Крайнее возмущение, злость и раздражение составляют семантику слова кыжыр. Это проявление внутренней нарастающей злобы. Ср.: кыжыры кайнады (букв. злость вскипела), то есть это состояние, когда человек в раздражении выходит из себя.

В обыденном сознании человека положительные эмоции связаны с движением вверх: прыгать от радости, отрицательные – с движением вниз: сгибаться от горя. Необходимо отметить, что во французской фразеологии, в той ее части, которая выражает эмоции, это положение не находит полного подтверждения. Глаголы, обозначающие движение тела вверх, например: sauter 'прыгать', monter 'поднимать' входят в состав ФЕ, выражающих отрицательные эмоциональные состояния: sauter en l'air (букв. прыгать в воздух) - гневно возмущаться; monter à l'arbre (букв. подниматься по дереву) кипятиться, 'лезть в бутылку'. Эти примеры подчеркивают специфику французского языкового сознания, которое особым образом интерпретирует эмоции у носителей языка.

Таким образом, возникновение эмоций как гнев верифицируется физиологически, к которому соответствует непровольная реакция организма, которая не является результатом ни воспитания, ни подражания и свойственно всем людям, также не зависит ни от расы, ни от индивида.

Список литературы

1. Дербишева З.К. Кыргызский этнос в зеркале языка. Бишкек, 2012. - 404 с.
2. Еникеев М.И. Психологический энциклопедический словарь / М.И. Еникеев. – М. : Проспект, 2007. – 560 с.
3. Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү / Э. Абдулдаев, А. Биялиев, А. Курманалиева, Т. Назаралиев, Ж. Осмонова, К. Сейдакматов. - Фрунзе: Илим, 1980. - 324 б.
4. Французско-русский фразеологический словарь : ок. 35000 фразеолог. единиц / сост. В.Г. Гак, И.А. Кунина, И.П. Лалаев и др.; под ред. Я.И. Рецкер. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1963. – 1111 с.

«ЖИЗНЬ» ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ ФРАНЦУЗСКОГО И КЫРГЫЗСКОГО ЯЗЫКОВ

Нарынбаева Б.Б.

КНУ им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызстан

Жизнь является особым концептом-антиномией, в котором отношение к жизни неразрывно связано с отношением к смерти как утрате жизни. Для кыргыза жизнь - это самая главная ценность.

Лексема "Жизнь" во французском языке представлена двумя лексическими номинациями: «vie» - жизнь и «jour» - день, в значении жизнь.

«vie» - жизнь:

-vie de château (букв. жизнь замка (замок) – барская, привольная жизнь;

-vie de chien (букв. жизнь собаки) – собачья жизнь;

-vie de garçon (букв. жизнь мальчика) - холостая жизнь;

-vie de hazard (букв. жизнь случая) – необеспеченная жизнь;

-le seuil de la vie (букв. порог жизни) – начало жизни;

-faire une vie (букв. делать жизнь) – обзавестись семьей;

-gagner sa vie – зарабатывать себе на жизнь;

Интересно, что во французском языке фразеологизмы с лексемой «жизнь» определяются не только по сезонам года:

-la première saison de la vie (букв. первый сезон жизни) – юность;

-la belle saison de la vie (букв. прекрасный сезон жизни) - зрелость;

-l'hiver de la vie (букв. зима жизни) - старость;

-la dernière saison de la vie (букв. последний сезон жизни) – старость;

Но даже по продолжительностью одного полного дня:

-aurore de la vie (букв. утренняя заря жизни) – юность;

-au matin de la vie (букв. утро жизни) – на заре жизни;

-midi de la vie (букв. полдень жизни) – зрелый возраст;

-le soir de la vie (букв. вечер жизни) – старость;

«jour» - день:

-de ses jours – за всю его жизнь

-vivre au jour le jour – 1) жить со дня на день, не заботясь о будущем; 2) с трудом пробиваться;

-couler des jours tranquilles (букв. течь спокойными днями) – жить безбедно, безмятежно;

-donner le jour à... (букв. дать день кому-то) - произвести на свет, родить;

-ouvrir les yeux au jour (букв. открыть глаза дню) - родиться.

-de jour en jour - с каждым днем [3].

В кыргызском языке лексема «жизнь» представлена следующими (четырьмя) лексическими номинациями – жашоо, өмүр, турмуш, күн.

Лексема жашоо обозначает существование в философском понимании, «кыргызу ближе понимание этого слова как периода существования от рождения до смерти» [1,37]. Наиболее употребительные сочетания и клише со словом жашоо актуализируют такие аспекты жизни, как тяготы жизни: жашоо кыйын (букв. жизнь тяжелая); ее контрасты: жашоонун өйдө-төмөнү (бук. подъемы и спуски жизни); ощущение радости жизни: жашоо жыргал (букв. жизнь наслаждение); отстраненная оценка жизни: бүт жашоомдо (букв. всю жизнь).

Өмүр - это слово арабского происхождения, которое в толковом словаре кыргызского языка определяется как физиологическое состояние всего живого от зарождения до смерти. Сочетания с этим словом чаще всего указывают на такой момент, как продолжительность жизни - өмүр бою, өмүрү кыска экен, узун өмүр, ее скоротечность өмүр суудай агат, өткөн өмүр» [2,243]. Поговорка өтпөс өмүр, сынбас темир болбойт (букв. жизни нескончаемой не бывает, как и не бывает вечного металла) подчеркивает кратковременность жизни. С данной лексемой образованы устойчивые сочетания: өмүр баян (букв. жизнеописание) – биография; фразеологизм өмүр сүрүү (букв. жизнь продолжать) обозначает жить, существовать; идиома өмүрлүк жар (букв. спутник жизни) называет супруга. В общепринятом кыргызском этикете часто встречаются выражения-пожелания с культурологической окраской: узун өмүр каалайм! (желаю долгой жизни!); өмүрүңө береке берсин! (благоденствия твоей жизни!)

Лексема турмуш представляет концепт жизнь с точки зрения реального, повседневного ее протекания: эски турмуш (старый жизненный уклад), турмуш шарттары (условия жизни). Распространенные в речевом узусе

сочетания с данным словом демонстрируют жизнь как «испытание со всеми сложностями, противоречиями: турмуш татаал, катал турмуш, турмуштун ачуу-таттуусу, турмушка бышкан»[1,38]. Поговорка Ойлогонду кыстаган турмуш жеңет (букв. задуманную мысль побеждает притесненная жизнь), отмечает, что мечты и планы корректируются обстоятельствами жизни. Интересный факт, в кыргызском языке фразеологизм турмушка чыгуу (букв. выходить в жизнь) - обозначает выходить замуж, турмуш куруу(букв. строить жизнь) – жениться.

Лексема күн (день) – символизирует день, который выступает как свидетельство жизни, проходящей в хлопотах и в заботах о хлебе насущном.

Фразеологизмы: күн көрүү- (букв. видеть день), то есть жить, существовать;

-күн көрсөтпөө(букв. не видеть дня) - не давать покоя, очень плохо, жестко обращаться;

-күнмурун (букв. день давно) –заранее;

-күнү бүгүнкүдөй (букв.как сегодняшний день) – также ничего не изменилось;

-күнү бүгүн (букв.его сегодняшний день) – сейчас тоже, до сегодняшнего дня;

-күнү бүтүү (букв.его дни кончаются) – умирать;

-күнү түшүү (букв.его дни падают) – быть зависимым от кого-то;

-күнү туу (букв.его день рождает) – все происходит по его желанию [2,205].

Выражение көрөр күнүм, ичер суум бар экен (оказывается, есть день, который мне уготован, еще есть вода, мне предназначенная), демонстрирует надежду и радость выздоровевшего человека, которому суждено жить. Поговорка күнү бүтүп, суусу түгөндү (день его идет к концу, он испил воду до дна), то есть его дни сочтены. Поговорка балыктын күнү көл менен, жигиттин күнү эл менен (жизнь рыбы связанас озером, жизнь молодца — с народом).

Нелегкость жизненного пути подчеркивается в многочисленных изречениях и во французском языке: mener une vie galérien (букв. вести каторжную жизнь) – влачить жалкое существование; trainer sa vie (jour) (букв.тащить, волочить свою жизнь) – влачить бесцветное, жалкое существование;

Негативные стороны жизни отражены в понятии с отрицательным значением «существование» (l'existence). В отличие от жизни, которая может быть как веселой une vie joyeuse (букв.веселая жизнь); vie de cocagne (райская, беззаботная жизнь) – жашоо жыргал, жашоо-керемет,күнү туу, беззаботной – sans souci – телегейи тегиз так и трудной, нелегкой: une vie du revie de chien– күн көрсөтпө, жашоо кыйын существование обычно жалкое (влачить жалкое существование bailer sa vie), нищенское, бедственное, убогое: mener une existence misérable – итке минүү.

Таким образом, каждый народ создает картину мира на основе своего языка. Самой главной ценностью при анализе фразеологизмов у двух народов оказалось «жизнь» которая совпадает в обоих языках лексемами «жизнь» и день», и только в кыргызском языке выявлена еще две лексемы в значении «жизнь»: «турмуш» и «өмүр».

Список литературы

1. Дербишева З.К. Кыргызский этнос в зеркале языка. Бишкек,2012.-404с.
2. Кыргыз тилинин фразеологиялык сөздүгү /Э. Абдулдаев, А. Биялиев, А. Курманалиева, Т. Назаралиев, Ж. Осмонова, К. Сейдакматов/.-Фрунзе: Илим,1980.- 324 б.
3. Французско-русский фразеологический словарь :ок. 35000 фразеолог. единиц / сост. В.Г. Гак, И.А. Кунина, И.П. Лалаев и др.; под ред. Я.И. Рецкер. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1963. – 1111 с.

ОТРАЖЕНИЕ ЦВЕТОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Гладкова Н.П., Хаширова А.Р.

Казанский (Приволжский) Федеральный университет, г.Казань

К вопросу об отражении немецкой и русской фразеологии в контексте цветовой картины мира, необходимо проявить должный интерес, поскольку путем изучения данного аспекта ФЕ можно понять, каким образом строится восприятие мира представителями двух мировых культур, сопоставить и проанализировать сходства и различия в восприятии/применении того или иного компонента цвета. Представления о цвете, его восприятие и процесс наименования цветов на каждом из уровней развития науки человеком представлены в качестве объекта изучения в различных направлениях: психологии, истории, этнологии, физиологии лингвистики и др.

Согласно определению, представленному в Большой советской энциклопедии цвет - это «одно из свойств объектов материального мира, воспринимаемое как осознанное зрительное ощущение. Тот или иной цвет «присваивается» человеком объектам в процессе их зрительного восприятия». Так, определение лингвоцветовая картина мира, может отразить сущность восприятия цвета людьми той или иной культуры, их сходства и различия. Комплексное знание о цвете формирует цветовую картину мира народа, которая является неотъемлемой частью культурной составляющей истории становления и развития того или иного народа.

Благодаря познаниям о цвете, его значении, в рамках изучаемой культуры, происходит объединение когнитивного и языкового уровня, что в это же время является отражением концептуальных и языковых структур и содержанием для вербальной реализации. Свое отражение в лингвоцветовой картине мира цвет приобретает посредством языка. Она реализуется в одиночных лексемах, идиоматических выражениях, словосочетаниях и других средствах вербализации. Фиксация цветовых представлений, в рамках лингвоцветовой картины мира, происходит при опоре на культурно-исторический опыта, отражающий национальную характеристику цвета.

Формирование лингвоцветовой картины мира происходит в соответствии с нормами национального языка и является национально обусловленной системой. Так можно говорить о существовании такого понятия как национальная лингвоцветовая картина мира, что обусловлено наличием относительности взглядов представителей различных культур на восприятие тех или иных цветов.

Цветовая лексика может быть изучена по таким аспектам как: значение и построение семантических полей, стилистические функции, состав и семантическая структура. Психика любого носителя языка содержит в себе картину мира цвета, фиксация которой происходит посредством языка. Однако данный процесс фиксации не осознается. Причиной тому является устоявшееся понятие о цвете у одного или другого носителя языка. Таким образом, складывается общая цветовая картина мира, реализуемая через язык. С лингвистической стороны, особый интерес вызывают свойства сочетаемости названий цветов и определяемых ими предметов, явлений; фразеология, основанная на цветовой лексике, семиотика цвета в контексте художественной литературы, мифологии, сказки.

Специфику цветообозначений наиболее четко можно рассмотреть при изучении фразеологических единиц. Это связано с тем, что одним из свойств цветолексем является способность ярко и образно отражать характерные черты мировосприятия народа, влияние культурологических, мифосимволических, социально - исторических и других факторов на образование производных смыслов. Фразеологическая концептуализация мира, действительности – это познавательно-оценивающий процесс вербализации важных социокультурных смыслов посредством фонда устойчивых единиц языка – фразеологизмов.

Кроме того, в немецком языке идёт интенсивный и постоянный процесс создания новых цветообозначений и мотивы номинации цвета черпаются из различных областей окружающего человека мира (названия плодов и растений). Так например: Tomate-tomatenrot; Kafee - Kaffeebraun; Leopard – Leopardfarben и др. С развитием промышленности, особенно возможностью создавать разнообразные краски и путем их смешивания получать новые колоры, потребность в номинации цвета и его оттенков существенно возрастает.

В тех случаях, когда цвет нередко бывает единственным различителем однородных предметов, его роль очень важна. При выборе пряжи, ткани, а в последние годы - автомобиля, обоев, косметических средств (тенеи, помады) и так далее, существенным становится не только восприятие цветовой гаммы потребителем, покупателем, но и желание точно знать название тона, оттенка, цвета. Не менее серьёзная эта проблема и для продавцов, репрезентирующих товар. Вероятно этим и объясняется появление таких названий как «цвет наutilus», «вермиллион», «цвет аметист», «цвет белая лилия», «цвет синяя ночь», «цвет кармен», «цвет медео», «гвоздичный».

Фразеология, основанная на цветовой лексике, семиотика цвета в контексте художественной литературы, мифологии, сказки. Семантика цвета в фразеологических единицах немецкого языка тем или иным образом связана с историческими событиями, происходящими на территории Германии в конкретный промежуток времени, откуда и берет свое начало та или иная ФЕ.

Так, например, schwarze Schaf – белая ворона берет свое начало из истории Семилетней войны, когда хозяйственная жизнь Германии пришла в упадок. В страну завозили меланолиновых овец, чья шерсть была светлой, если попадала темная(черная) овца, она сразу резко выделялась из общего стада; Blaustrumpf – синий чулок, так называли интеллигентных, но достаточно необразованных женщин Германии 60-х годов XVIII века, которые организовали свое общество, в котором большинство из них носили голубые чулки и т.д. В свою очередь семантика цветообозначений немецкого и русского языков раскрывает смысловую составляющую ФЕ в соответствии с семантикой конкретного цвета. Grün - зеленый ассоциируется с молодой зеленью, с природой, с молодостью grünen Zweige, зеленая улица. Ряд выражений, содержащих слово schwarz, основан на соотношении

этого слова с черными чернилами или черной типографской краской. Цветообозначение blau – голубой синий используется не только в прямом, но и в переносном смысле. Главным образом, blau ассоциируется с неопределенной, иногда загадочно-романтической далью: eine Fahrt ins Blaue, голубая мечта. Красный цвет – rot – международный символ революции: der rote Sonnabend; Черный цвет – schwarz исторически вошел в сознание жителей Германии как цвет книгопечатников, цвет магии schwarze Marie (жарг.); der schwarze Mann, особый интерес, содержащий колороним schwarz представляет ФЕ jmdm. den Schwarzen Peter zuschieben (umg.), означающая оставить к-л виноватым, подложить к-л свинью, восходящая к истории грабителя Иоганна Петера Петри, который был известен под именем «Черный Петер». Он, находясь в заключении изобрел карточную игру, в которой проигравшим оказывался тот, у кого на руках последней картой оставался «Черный Петер».

Фразеологические единицы русского языка содержат следующие категории цвета: черный (черный день), голубой (голубая кровь), синий (синяя птица), красный (красная цена), зеленый (зеленый змей), белый (белая ворона), желтый (желтая пресса), золотой (золотая молодежь), коричневый (коричневая чума), бурый (бурый медведь), серый (серая мышь), розовый (розовая мечта). В состав цветовых лексем в немецких фразеологических единицах входят: schwarz (schwarze Schaf), blau (blaue Bohnen), rot (die rote Stadt), grün (grüne Weihnachten), weiß (weißer Schrecken), gelb (gelbe Presse), rosig (nicht rosig), purpur (das purpur Segel), grau (graue Theorie sein), braun (braun und blau schlagen).

Исходя из этого, доминантными цветами в русском языке являются белый, черный, синий. В немецком языке – blau, weiß, schwarz. Цветовая палитра, присутствующая во фразеологических единицах русского языка шире, чем в немецком. В русском языке используется 12 цветовых лексем, в немецком – 10. К тому же, наблюдается расхождение в семантике цвета в двух языках. К примеру, в русском языке лексема голубой несет в себе значение чистоты, благородства, в немецком – это тяжелый, мрачный, цвет непостоянства.

Если рассматривать роль цвета и цветообозначения в подобной трактовке, то можно трактовать понятие цвета как неотъемлемую составляющую формирования познаний о культуре, самобытности, традициях, мировосприятии того или иного народа. Следует подчеркнуть, что изучение цвета – динамичная наука, которая находится в постоянном развитии и движении, что подчеркивает возможность объективного восприятия мира, культуры через цветовосприятие.

Наиболее важным источником для изучения цветовой семантики считаются фразеологические единицы, в которых отражается культура народа, его история, нравы, обычаи и традиции. Так, семантика цвета во фразеологических единицах может быть изучена сразу с позиции нескольких аспектов: гендерного, исторического, культурологического.

Список литературы

1. Макиенко, И.В. Семантика цвета в разнокультурных языках / И.В. Макиенко//Античный мир и мы. Саратов, 1997. Выпуск 3., с. 71 – 73
2. Серов, Н.В. Цвет культуры: психология, культурология, физиология / Н.В. Серов. – СПб: Речь, 2003. – 672с.
3. Burger, Harald. Phraseologie – die Situation des Faches (aus germanistischer Perspektive) / Harald Burger. – Universidad de Zurich Revista de Filologia Alemana. – 1999., -207 S.

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА САНСКРИТА И РУССКОГО ЯЗЫКА

Горбачева Е.Ю., Исаян А.В., Махнёва М.Б.

Донской государственный технический университет, г.Ростов-на-Дону

Поводом данному исследованию послужило стихотворение “Старый вопрос” Валерия Брюсова, написанное в 1914 году.

Не надо обманчивых грёз,
Не надо красивых утопий:
Но Рок поднимает вопрос,
Мы кто в этой старой Европе?
Случайные гости? Орда,
Пришедшая с Камы и с Оби,
Что яростью дышит всегда,

Все губит в бессмысленной злобе?

Иль мы – тот великий народ,

Чьё имя не будет забыто,

Чья речь и поныне поет

Созвучно с напевом санскрита.

К вопросу сходства санскрита с различными языками обратился Вильям Джонс – британский филолог, индолог и переводчик. Он, изучая санскрит, сделал вывод, что европейские языки и санскрит – родственные. Также Джонс разработал стандартную систему транслитерации санскритских названий. Транслитерация является точной передачей знаков одной письменности знаками другой. Этот метод применяется к мёртвым языкам – санскриту, древнеперсидскому и др. Русский славяновед и фольклорист А.Ф. Гильфердинг о родстве славянского языка с санскритом писал, что славянский сохранил корни и слова, существующие в санскрите, поэтому близость сравниваемых языков довольно интересна. Утверждал, что данные языки не отличаются между собой никакими изменениями звуков, что славянский не имеет ни одной особенности, которая чужда санскриту.

Индийский профессор и специалист, знающий санскрит, Дурга Прасад Шастри, во второй половине двадцатого века приехал Россию. Он не знал русского языка, но через некоторое время отказался от переводчика Н.Н. Гусева, потому что сам понимает русских, поскольку они говорят на изменённой форме санскрита. На конференции в 1964 году в Индии (город Газиабад) Шастри представил доклад на тему сходства санскрита и русского.

Парадигма является концепцией научных установок, дающих определённую модель постановки проблем и их решений. Выделяют: сравнительно-историческую, системно-структурную и антропоцентрическую. Сравнительно-историческая парадигма связана с исследованиями языка с помощью сравнительно-исторического метода. Наука занималась вопросами происхождения языков, реконструкцией праязыка, установлением соотношения родственных языков и описанием их эволюции, создавались сравнительно-исторические грамматики и словари. Данным вопросом занимались многие исследователи и лингвисты, одной из них является Маслова В.А.

Системно-структурная парадигма придаёт большое значение объекту познания, слову. Определяющим явился тезис швейцарского лингвиста Фердинанда де Соссюра, декларирующего, что объектом лингвистики должен быть язык «в себе и для себя». Значительную роль приобретает познание структуры языка и его организации. В рамках данной парадигмы и в настоящее время продолжаются исследования, которые вносят в развитие лингвистической науки значительный вклад.

Антропоцентрическая парадигма возникает в результате осознания того, что «язык, будучи человеческим установлением, не может быть понят и объяснён вне связи с его создателем и пользователем» (С.А. Кравченко). Истоки парадигмы восходят к идеям Вильгельма фон Гумбольдта и Эмиля Бенвениста. Именно Гумбольдт говорил, что человек становится человеком только через язык, который является единой духовной энергией народа.

Прежде всего, нужно сказать, что такое санскрит. Санскрит – древний литературный язык Индии со сложной синтетической грамматикой. Само слово «санскрит» означает «обработанный, совершенный». Интересно, что в русском языке и санскрите наблюдается совпадение лексических форм. Такое же совпадение обнаруживается и в других европейских языках. Об этом писали известный мыслитель А.С. Хомяков, филолог Ф.И. Буслаев и другие.

Предметом нашего исследования является русский язык, его связь с санскритом.

Цель: определить связь русского языка с санскритом

Задачи: исследовать историю вопроса; найти примеры влияния санскрита на русскую лексику.

Следует отметить, что славянские слова, имеющие санскритское происхождение, играют важную роль в структуре языка: выражают или называют главные функции человеческой жизнедеятельности. Например, многое, что связано в русском языке с познанием или духовным и обычным видением, имеет корневую основу из санскрита: ЗНАть, поЗНАвать, уЗНАвать, приЗНАние, ВИДение, ВИДеть, предВИДеть, сноВИДеть, ЗРеть, ЗеРкало, (о)ЗеРо — гладь воды, на которой ЗРимо отражается луна), обоЗРение, проЗРевать, соЗеРцание, приЗРак, преЗРение, подоЗРение, обоЗРение, ЧИТАть, сЧИТАть, уЧИТЬся, и т.д. Также, у этих языков масса общих названий из области явлений, стихий и объектов природы (огонь-агни, ветер-вата, вода-удака, и др).

Если тщательнее проанализировать связь русского и санскрита, то можно заметить, что существует большое количество совпадений (рус.«вещь» — санскр. «вищайя»).Нижеуказанные слова мы взяли из словаря «Дэванагари – язык богов» Маричи Марута:

Санскрит	Русский	Санскрит	Русский
Чатур	Четыре	Чашака	Чашка
Шашта	Шесть	Насика	Нос
Плавана	Плавание	Дума	Дым
Хлада	Освежение	Ход	Идти
Дурьяна	Дурак	Драва	Дрова
Ошта	Уста	Два, дви	Два
Ччита	Щит	Три, трая	Три

Множество названий наших рек можно без лишних усилий перевести с санскрита. Сухона – легко преодолимая. Кубена – извилистая. Суда – ручей. Дарида – дающая воду. Падма – лотос. Кама – любовь, влечение. В Вологодской и Архангельской областях есть такие реки и озёра, как Ганг, Шива, Индиго и т.д. В статье С.В. Жарниковой «Мы кто в этой старой Европе?» 30 страниц заняты подобными названиями на санскрите.

Каждый человек стремится узнать свои корни, историю своего народа и языка. Основное внимание в статье уделено языкам и тем словам, которые составляют их основной исторический фон.

Сопоставляя русские слова с одним из древнейших языков в мире, можно выявить тесные и давние связи. Ранее упомянутый в статье Дурга Прасад Шастри заметил, что наиболее похожие друг на друга языки – русский язык и санскрит. Профессор был удивлён тем, что в языках схожи структуры слова, правила грамматики, стиль и синтаксис.

Список литературы

1. В.А. Кочергина, «Санскритско-русский словарь».
2. В.А. Маслова «Лингвокультурология».
3. В.Я. Брюсов, сборник «Семь цветов радуги».
4. Маричи Марута, словарь «Дэванагари – язык богов».
5. Н.Р. Гусева «Русские сквозь тысячелетия. Арктическая теория».
6. Н.Р. Гусева, Б.А. Рыбаков, С.В. Жарникова, Ф.Н. Разорёнов, сборник "Древность: арьи, славяне".
7. С.А. Кравченко «Социология: парадигмы через призму социологического воображения».
8. С.В. Жарникова «Мы кто в этой старой Европе?»

СТРУКТУРНЫЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОДОВЫХ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЙ В РОМАНЕ В. ПЕЛЕВИНА GENERATION «П» И ЕГО ПЕРЕВОДЕ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Паугова С.М.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Череповецкий государственный университет», г. Череповец

В современном мире вследствие процесса глобализации происходит расширение международного общения: развитие культурных и экономических связей, научно-технический прогресс, сотрудничество народов в различных сферах жизни находит отражение в лингвистических процессах взаимного языкового проникновения. Следствием языкового контакта можно считать переключения языкового кода, которое представляет значительный интерес для современных лингвистических исследований.

Цель данной работы – выявление структурных и функциональных особенностей КП в романе В. Пелевина Generation «П» в сравнении с его переводом на английский язык, выполненным Э. Бромфилдом.

Двуязычная (билингвальная) коммуникация – речевое общение между коммуникантами, пользующимися разными языками. Проблематика двуязычия широко обсуждается в научной литературе последних лет. Расширяющиеся связи в различных сферах общественной жизни способствуют возникновению и развитию двуязычия и многоязычия. У. Вайнрайх определяет билингвизм как «практику попеременного пользования двумя языками, а лица, осуществляющие эту практику, называются двуязычными или билингвами» [2].

Для того чтобы быть билингвом, важно обладать способностью говорить на двух или более языках, а не просто уметь читать со словарем [7]. При изучении данного понятия необходимо принимать во внимание условия формирования билингвизма, такие как степень владения иностранным языком, характер ситуации общения, устойчивость языкового контакта, степень различия между контактирующими языками и т.д.

Говоря о билингвизме героев художественных произведений, необходимо рассматривать понятие так называемого художественного билингвизма. Художественный билингвизм – это отражение ситуации, сложившейся в обществе. Билингвальные авторы в своих произведениях часто используют кодовые переключения, наделяя персонажей билингвальностью. Речь персонажей художественных произведений моделирует реальную коммуникацию, однако исследование ее лингвистических особенностей может быть осложнено тем, что действительность передается через субъективную интерпретацию автора [3]. Тем не менее, речь персонажей современных произведений в значительной степени отражает особенности живой речи; поэтому, рассматривая билингвизм героев художественных произведений, можно придерживаться тех же критериев, которые используются при анализе билингвальности реальных людей, но с учетом особенностей билингвизма авторов этих произведений.

Одной из основных форм двуязычной коммуникации является кодовое переключение (КП)/ переключение кодов. По определению Г.Н. Чиршевой, «Переключение кодов (ПК) – это специфическая способность билингва успешно участвовать в двуязычном типе коммуникации, осуществляя выбор языка в соответствии с экстралингвистическими факторами (компонентами коммуникативной ситуации), соединять в одном высказывании, предложении или словосочетании единицы двух языков, не нарушая при этом грамматические нормы ни одного из них» [6].

Говоря о передаче КП с одного языка на другой, следует дать понятие термина перевод. Существует множество определений перевода. Все они претендуют на полноту, но не всегда согласуются друг с другом. Это может быть объяснено тем, что перевод является относительно молодой наукой. Вопросами теории перевода занимались такие ученые, как А.В. Федоров (1983), А.А. Попович (1986), В.Н. Комиссаров (1976) и другие.

Для того чтобы дать как можно более точное определение перевода, мы должны исходить из того положения, что переводчик всегда имеет дело с текстом, устным или письменным. Следовательно, прежде всего необходимо принимать во внимание теорию текста. Согласно этой теории, текст – это код. Создавая текст, автор кодирует в нем информацию. Читатель, читая текст, эту информацию декодирует. Переводчик сначала выступает как читатель, то есть он декодирует авторский текст, а затем как автор кодирует полученную информацию средствами другого языка. Следовательно, «перевод есть творческий процесс перекодирования информации с одного языка на другой» [1].

Переходя к непосредственному анализу КП в романе В. Пелевина *Generation «П»*, следует отметить, что особенностью данного романа является то, что в нем важное место занимают цитирование и пародирование слоганов рекламных клипов, упоминаются различные известные бренды, а также присутствуют КП на английский язык.

В связи с уплотнением языковых контактов в настоящее время кодовые переключения являются типичным и для монолингвальных стран, в том числе и для России. Язык рекламы является однозначным тому подтверждением: переключение кода является важным коммуникативным приемом, способным воздействовать на представителей целевой аудитории, привлекает внимание потребителей к рекламируемому продукту.

Для анализа структуры КП обратимся к классификации, предложенной Г.Н. Чиршевой, которая выделяет следующие типы КП:

1. Выбор кода: происходит при смене реплик, когда одна из них произносится на одном языке, а другая – на втором;
2. Межфразовые КП реализуются в пределах высказывания между предложениями;
3. Внутрифразовые КП могут быть двух типов: а) вкрапление – одиночная лексическая единица ГЯ, подчиняющаяся грамматике МЯ и не содержащая флексий и служебных слов ГЯ; б) островное переключение содержит системные морфемы ГЯ или сохраняет порядок слов ГЯ [5].

Проанализировав структуру КП в оригинале романа В. Пелевина *Generation «П»*, мы получили следующие результаты:

Тип переключения	Пример
42% - островные переключения	Пример 1: « Public relations - это отношения людей друг с другом, - сумбурно писал он в своей книжечке» [4]. « Public relations are people's relations with each other," he jotted down in confused fashion in his notebook» [8].
40% - межфразовые переключения	Пример 2: - This game has no name , - прошептал он и сжал кулаки в карманах куртки [4]. « This game has no name », he whispered, and clenched his fists in the pockets of his jacket [8].
18% - вкрапления	Пример 3: «... хотя все предметы и свойства соотносятся через фикцию этого центра, называемую identity » [4]. «... although all objects and qualities are related are related to each other via a fictional center that is called " identity "» [8].

Выяснилось, что большая часть КП представляет собой островные и межфразовые переключения. В основном они являются либо профессионализмами из рекламной сферы (line extention, brand essence и т.д.), либо рекламными слоганами (You always get back to the basics). Они были разработаны американской рекламой и взяты В. Пелевиным для того, чтобы показать стремление внедрить в русское общество элементы иностранной культуры.

В тексте перевода, выполненном Э. Бромфилдом, с одной стороны, все слоганы и термины остались и сохранили свою структуру, однако с другой стороны, они перестали являться КП, т.к. ГЯ (английский) совпал с МЯ (английским).

Обращаясь непосредственно к прагматическим функциям КП, мы можем отметить, что ведущими функциями в оригинале произведения являются предметно-тематическая (46%) и декоративная (41%). Предметно-тематическая функция проявляется в том случае, когда предмет речи связан с английским языком, либо когда говорящий забыл эквивалент данного предмета в русском языке. Например:

«Была одна волшебная книга, прочтя которую можно было уже никого не стесняться и ни в чем не сомневаться. Она называлась "Positioning: a battle for young mind", а написали ее два продвинутых американских колдуна» [4].

КП «Positioning: a battle for young mind» выполняет предметно-тематическую функцию, т.к. речь идет о книге, написанной американскими авторами, которую главный герой читал в оригинале. Именно поэтому он дает ее название на английском языке.

Декоративная функция также занимает важное место в данном произведении. Поскольку речь идет о различных рекламных брендах, герои произведения, являясь работниками пиар-бизнеса, часто вставляют в слоганы различные иностранные слова; по их мнению, фраза звучит красивей, если в ней присутствует единица из другого языка, тем более, из такого престижного как английский:

«Там было много шикарных выражений вроде line extention, которые можно было вставлять в концепции и базары» [4].

В оригинальном русскоязычном произведении КП необходимы для эффективной и яркой подачи информации о рекламируемом продукте.

Работники рекламного бизнеса переходят на английский язык для создания образа рекламируемого продукта, поскольку английский язык зачастую символизирует современность, престиж и дороговизну, служит маркером модернизации и привлекает внимание потенциальных потребителей. И, соответственно, продукты потребления ассоциируются с такими качествами, как изысканность, надежность, практичность. Например:

«Зайдя в туалет, Татарский уперся взглядом в фотографию бриллиантового кольца с надписью "De Beers. Diamonds are forever," висевшую на стене напротив входа» [4].

Элементы рекламы, содержащие КП, как правило, короткие и легкие для запоминания: «Это был стандартный лэйбл с американским флагом и надписью "Made in USA. One size fits all"» [4].

Использование двух и более языков в рекламе – распространенная практика, и выбор языка играет значительную роль в формировании имиджа продукта.

Обращаясь к переводу романа В. Пелевина Generation «П», мы можем наблюдать полное отсутствие КП, а значит, ни одна из данных функций не реализуется в переводе. Исходя из этого, некоторые критики считают, что Э. Бромфилду не удалось осуществить адекватный перевод романа на английский язык – передать ту его особенность, что в нем одновременно представлены две лингвокультурные системы.

В заключение следует отметить, что в переводе можно было передать хотя бы названия известных русских производителей, например: «Sprite is the Uncola for quass 'Никола'», или же оставить некоторые известные фразы написанными кириллицей и дать им пояснение в сносках, например: «Умом Россию не понять, в Россию можно только верить», которую В. Пелевин взял для рекламы водки русской фирмы Smirnoff. Таким образом, читатели перевода смогли бы ощутить взаимопроникновение двух лингвокультурных систем и влияние одной из них на другую.

Таким образом, передача кодовых переключений остается одной из проблем при переводе художественных произведений, особенно в тех случаях, когда гостевой язык текста оригинала становится матричным языком в тексте перевода.

Список литературы

1. Белякова Е.И. Переводим с английского. КАРО, Санкт-Петербург, 2003. – 160 с.
2. Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования. Киев: Вища школа, 1979. – 263 с.
3. Гируцкий А.А. Белорусско-русский художественный билингвизм: типология и история, языковые процессы /Под ред. П.П. Шубы. Минск, 1990. – 175 с.
4. Пелевин В. Generation «П». – М.: Эксмо, 2013. – 504 с.
5. Чиршева Г.Н. Двужычная каммуникация. Череповец: ЧГУ, 2004. – 189 с.
6. Чиршева Г.Н. Детский билингвизм: одновременное усвоение двух языков. – Санкт-Петербург: Златоуст, 2012. – 488 с.
7. Myers-Scotton C. Multiple Voices/ An Introduction to Bilingualism. Blackwell Publishing, 2006. – 473 p.
8. Pelevin V. Babylon/ Translation Copyright Andrew Bromfield. FABER AND FABER, 2000. – 324 с.

СЕКЦИЯ №24.

ПРИКЛАДНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.21)

СЕКЦИЯ №25.

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ, АФРИКИ, АБОРИГЕНОВ АМЕРИКИ И АВСТРАЛИИ (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ЯЗЫКОВОЙ СЕМЬИ) (СПЕЦИАЛЬНОСТЬ 10.02.22)

К ЗНАЧЕНИЮ ПОНУДИТЕЛЬНОГО ЗАЛОГА В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Дубровина М.Э.

Санкт-Петербургский Государственный Университет, г.Санкт-Петербург

В настоящей статье в качестве материала, который подвергается анализу, выступает язык, на котором были написаны древнейшие тюркские письменные памятники VII-IX вв. — памятники древнетюркской рунической письменности. В историю тюркологии этот язык вошел под условным обозначением – язык древнетюркских рунических памятников (далее язык ДТРП).

В исследуемом языке большой интерес вызывает грамматическая категория залога. Дело в том, что вся система залоговых отношений, проявляющая себя в тюркских языках, отличается от той, которую исследователи обычно обнаруживают в индоевропейских языках. Своеобразием тюркских языков можно назвать то обстоятельство, что категория залога, по всей видимости, формируется не вокруг оси активный залог – пассивный залог (действительный – страдательный), как это обычно происходит в европейских языках, а в

опоре на какие-то иные основания.[2: 159]. Этим объясняется наличие в этой категории более чем двух грамматических форм, среди которых в языке ДТРП наиболее развитым выглядит не привычный для носителей флективных языков страдательный залог, а залог понудительный (каузатив).

Как показывает фактический материал письменных текстов, уже в самых ранних рунических памятниках понудительный залог оказывается весьма продуктивным. Морфема понудительного залога согласно фактам рунических памятников имеет несколько алломорфов: -tYr, -(Y)t, - Yr.

Aŋar adynčyg bark jaraturtym(1), ičün tašyn adynčyg bädiz urturtym(2), taš tokytdym(3)...(Ktm, 12). “Им я поручил устроить(1) особое сооружение, внутри и снаружи приказал покрыть(2) (вырезать) особой резьбой, приказал поставить(3) камень”.

...ädgü bilgä kisig ädgü alp kisig jorytmaz ärimiš (Ktm, 6) “ не сбивали (не заставляли сойти) с пути хороших мудрых людей, хороших храбрых людей”.

Ičikdük üčün täŋri ölütmis äriñč (Тк, 3). “Из-за того, что подчинился, оказалось, что Небо (Бог) умертвило”. В этом примере встречается форма понудительного залога с показателем -(Y)t, но имеется более употребительный вариант от этого же глагола с показателем понудительного залога -(Y)г:

Kyrkuz kaganyn ölürtümiz (Kt, 36). “Мы убили кагана Кыркызов”.

В тюркском языкознании существуют разные позиции относительно определения собственно значения понудительного залога. Возникающие в этом отношении трудности вполне понятны. Дело в том, что, в основном, при анализе тех или иных грамматических форм тюркских языков исследователи тюркологи нередко опирались на уже имеющиеся толкования аналогичных форм европейских языков. Но в этих языках отсутствует морфологическая форма рассматриваемого залога, похожая семантика передается, как правило, лексическим путем, с помощью каузативной конструкции. Таким образом, анализ формы понудительного залога был сопряжен с рядом трудностей, одной из которых, безусловно, необходимо признать уникальность этого средства как элемента морфологической подсистемы языка. Как известно, категория залога выражает различные отношения, будучи глагольной категорией, одним их участников любого их отношений предстает действие. Тем не менее, основные споры вращаются вокруг определения либо второго участника рассматриваемой связи, либо двух участников в целом. Так самой распространенной точкой зрения следует признать ту, относительно которой категория залога выражает отношения, возникающие между субъектом и объектом действия. [5 : 160]. Согласно другой позиции, залоговые формы это морфологические средства передачи отношений между действием и связанными с ними предметами. [1: 291]. Автор настоящей статьи полагает, что залоговые, по крайней мере, в языке ДТРП передают связи, возникающие исключительно между действием и его грамматическим субъектом.

Многие тюркологи считали, что понудительный залог указывает на то, что субъектом действия является реальный производитель, который в предложении выступает в качестве дополнения в форме дательного падежа. [4: 201]. Так, согласно концепции С.Н. Иванова, аффикс -дур (т.е. показатель понудительного залога) показывает, что субъект того действия, которое выражено исходной основой, побуждается к действию другим лицом, что это действие вызвано внешними по отношению к этому субъекту причинами. [3: 123]. Надо думать, что в этом случае реальный производитель действия также должен выступать в высказывании в качестве некоего дополнения. Тем не менее, такой подход в характеристике понудительного залога обусловлен распространенным среди многих языковедов смешением разных планов: плана реальной объективной действительности и плана конкретного языка. Рассмотрим турецкое высказывание:

Sen bana bu kitabı okuttun. ‘Ты попросил меня прочесть эту книгу’. На наш взгляд, ошибочно полагать, что тот, кто в объективной реальности совершает собственно действие ‘читать’, и является субъектом действия, выраженного понудительным залогом. Не стоит смешивать реального производителя действия с сугубо грамматическим (языковым) понятием «субъект действия». Под субъектом действия следует понимать языковое понятие, соотносимое не с реальным производителем действия, а с субъектом мысли. Если говорить упрощенно, субъект действия это всегда то, что в высказывании является подлежащим. Таким образом, субъектом действия okut- является sen, как и в высказывании, в котором близкий смысл передан иными лексическими средствами sen (benim) bu kitabı okumamı rica ettin ‘ты попросил, чтобы я прочел эту книгу.’

Рассмотрим пример из рунических текстов:

... jurgaru Jir Vajyrku jiriñä tägi sülädim, bunca jirkä jorytdym (Ktm, 4). “Налево я пошел с войском вплоть до земли Ыыр-Байырку, вплоть до стольких земель (стран) я доводил[войска](заставлял идти)”. Наверняка, действие, выраженное исходной основой, в объективной действительности совершается не «подлежащим» предложения, который передается с помощью личного показателя при сказуемом. Но, явно сомнительной оказывается попытка перенести отношения, существующие в объективном мире, на связи, которые возникают между языковыми единицами. В этом примере важной информацией для носителя языка является то, что субъект высказывания выступает в качестве инициатора действия, его «побудителя». Этим можно объяснить то, что объект понуждения

(т.е. производитель действия в реальной ситуации) в этом примере, как и во многих других примерах этих памятников, не выражен самостоятельным словом, так как, очевидно, не представляет в данном случае большого значения для коммуникации.

Таким образом, автор статьи предлагает рассматривать значение понудительного залога в тюркских языках несколько в ином ракурсе, нежели это происходило до сегодняшнего момента. То есть его значение сигнализирует не о том, что «между действием и связанным с ним предметом имеет такое отношение, при котором предмет побуждается к совершению действия, о котором идет речь». [1: 292]. Ведь с этих позиций фокус интереса вновь направлен на объект действия как на второго участника залоговой связи, что едва ли правомерно и соответствует имеющимся фактам. В большей части высказываний, взятых из рунических памятников, отсутствует слово, выражающее именно указанный объект, т.е. предмет, побуждаемый к действию.

Ordu örgin anta ititdim(1) çyt anta tokytdym(2) (Мч, 20) “я приказал сделать(1) там военный дворец, я приказал возвести(2) там стены”.

Этот пример демонстрирует, что интерес говорящего сосредоточен не на том, кого побуждают к действию, т.е. говорящего совсем не интересует личность реального производителя действия, как обычно стремятся объяснить ученые. Посредством введения аффикса понудительного залога происходит указания исключительно на того, кто побуждает к действию. Таким образом, понудительный залог предлагается рассматривать как морфологическое средство указания на такую связь между действием и субъектом, при которой субъект понимается как инициатор действия, о котором идет речь. В значении этой залоговой формы содержится сигнал, что (исходное) действие совершается по инициативе субъекта, т.е. субъект действия выступает в качестве инициатора исходного действия. Тем самым, хотя действие совершается и не «его руками», его ведущая роль остается неизменной. Исходя из сформулированного значения залога, понятным становятся те многочисленные случаи употребления этой формы в высказываниях, в которых носители языка не чувствуют потребности в обозначении самостоятельным словом того, кто в реальном мире производит действие. В приведенном диалоге можно увидеть, что информант В полностью уверен в том, что действие совершил именно он:

А: Sen bunu aldın mı? –В: Evet, alırdım. (Информант) ‘А: Ты это купил? – В: Да, я дал указания купить’.

Список литературы

1. Гузев В.Г. Глагольное словоизменение в турецком языке//Очерки по теоретической грамматике восточных языков: Существительное и глагол. СПб, 2011. – С. 289-351.
2. Дубровина М.Э. Категория залога языка древнетюркских рунических памятников //Очерки по теоретической грамматике восточных языков: Существительное и глагол. СПб., 2011. – С. 159-178.
3. Иванов С.Н. Родословное древо тюрков Абу-л-Гази-хана. Грамматических очерк (Имя и глагол. Грамматические категории). Ташкент, 1969. – 203 с.
4. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956. – 571 с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь/ Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

КОНЦЕПТ «КРАСОТА» В КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Терещенко Т.М.

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г.Волгоград

Красота как эстетическая ценность является одним из важнейших терминов культуры, существующих в каждом языке и являющихся актуальным для каждого человека. С одной стороны, понятие «красота» имеет культурологическое воплощение, а с другой - языковое обозначение. В традиционной китайской философии красота часто проявляется в единстве человека и природы, так как человек является порождением природных и высших сил. Человек и сила природы – это единство и противоположность инь и ян, которые стремятся друг к другу, но в то же время отталкиваются друг от друга. Красота рождается и проявляется в единстве противоположностей, в китайской эстетике она может быть изящной, утонченной 优美 you mei, а может быть величественной и монументальной 壮美 zhuang mei. Две стороны одной медали, которые не отрицают друг друга, а дополняют.

Во многих мировых культурах красота ассоциируется с двумя культовыми категориями окружающего мира: с красотой природы и красотой женщины, с земной и небесной красотой. В эпосе многих народов женская

красота имеет небесно начало. Красота как воплощение наивысшего совершенства и гармонии восхищала, перед ней преклонялись, ее обожествляли, ее восславляли, ради нее и во имя нее совершались подвиги. Но красота может нести в себе и разрушение, она бывает обманчива и непредсказуема. Для женщины красота актуальна в любом возрасте. У китайского писателя Ли Юй есть прекрасное высказывание, касающееся секрета красоты, обаяния и привлекательности китайских женщин, надо «сделать старое молодым, уродливое – прекрасным, привычное – изумительным». И тогда жизнь обязательно изменится в лучшую сторону.

Лексические единицы, выражающие концепт «красота» в китайском языке, содержат в себе оценочный компонент, связанный с эстетической оценкой внешних и внутренних характеристик, который определяется этой эстетической оценкой, принятой в китайской лингвокультуре. В китайском языке «прекрасное», «прекрасно», «красивое», «красиво», «красота» обозначается иероглифом mei 美, который имеет точное происхождение, в древнем этимологическом словаре четко прослеживается его толкование, связанное со вкусом мяса козла. Хотя сорт данного мяса отличается специфическим запахом и вкусом, не всегда приятными для восприятия, очевидно, в древнем Китае оно нравилось и вызывало определенное эстетическое наслаждение, близкое к понятию красоты. Кроме этого иероглифа в древнем этимологическом словаре рассматривался иероглиф gan, который наряду со значением «сладкий, приятный вкус», имел значение «красота».

Ключевой иероглиф 美 мэй, обозначающий красоту, может передавать значение «счастье», «благополучие»: 美满的 счастливая семья; счастливая жизнь; счастливый брак; счастливый конец, например, книги, фильма. Для обозначения женской красоты и красоты окружающего мира часто используют сочетание иероглифов 美丽, например, 美丽的城市 (красивый город), 美丽的眼睛 (красивые глаза). Иероглиф мэй не используется для обозначения красоты животных (кроме птиц) и мужчин.

Подчеркнуть красоту голоса, движения, танца, произведения литературы, музыки помогает сочетание иероглифов 优美的, например, 优美的声音 (красивый голос) 优美的歌曲 (красивая песня); абстрактные существительные имеют при себе сочетание 美好的, например: 美好的爱情 (красивая любовь), 美好的回忆 (красивое воспоминание).

Иероглиф 美 мэй, как и другие прилагательные в китайском языке, может обозначать несколько степеней красоты. Одиночный иероглиф, как правило, употребляется в диалоге, например, - 我剪了新发型, 看起来怎么样? - 美! (Я сделала новую причёску. Как я выгляжу? - Красиво!). Это нейтральная форма. Мэй в сочетании с наречием «очень» передает более высокую степень, например, 非常美的国家 (очень красивая страна). Следующая, превосходная степень, обозначается сочетанием иероглифов 特别美的姑娘 (самая красивая девушка). Наивысшая степень красоты исключает 美 мэй: 惊艳的姑娘 (супер красивая девушка). Если китайцы хотят отметить красоту слов в песне или стихах, то они употребляют 优美的语言, но если хотят подчеркнуть, что человек дает пустые обещания (бросает слова на ветер) или исполняет какое-то дело не так хорошо, как обещал, то используют иероглифы 漂亮话, обозначающие красоту, но в отрицательном значении.

Красота мужчины передается сочетаниями 英俊的, 帅的, 潇洒的, 玉树临风, 风流倜傥. Первое и второе сочетание употребляется при описании лица и фигуры мужчины. Третье относится к манере поведения, умению держать себя, коммуникабельности и т.п. Четвертое характеризует мужчину с точки зрения соединения внешности, манер, хорошего вкуса. Пятое описывает образованного и независимого человека, который не боится высказывать свое мнение. Такие мужчины особенно пользуются расположением женщин. При описании внешности животного иероглиф мэй не употребляется, его заменяют сочетания 好看的, 漂亮的, например, 好看的猫 (красивый кот), 漂亮的老虎 (красивый тигр). Особое отношение у китайцев к птицам, описание их красоты связано с иероглифом мэй, который придает своеобразное «очеловечение» образу: 美丽的孔雀 (красивый павлин).

В китайском языке сочетание иероглифов 美味 (здесь присутствует иероглиф мэй) обозначает «вкусное», например, 美味的冰淇淋 (вкусное мороженое). Иероглиф 味 wei (вкус) может употребляться только в качестве оценки вкусовых качеств продуктов питания, например, 鱼香肉丝 (свинина со вкусом рыбы - китайское национальное блюдо). Оценивая вещи, предметы, ситуации с точки зрения хорошего вкуса, китайцы пользуются сочетанием иероглифов 品位: 她穿的很有品位 (она одета со вкусом), 房间的装饰很有品位 (комната обставлена со вкусом). 这个人很有品位 (у этого человека хороший вкус).

Исторически иероглиф 品 (pin) также тесно связан с вкусовыми ощущениями и оценками, но в современном употреблении этот иероглиф, как правило, не сочетается с названием продуктов, например, рис, рыба, капуста и т.п., но если эти продукты приготовлены как блюдо, то он вполне уместен. 品 обозначает целый

ряд эстетических наслаждений, связанных не только с обычной дегустацией напитков и деликатесов, но и с их профессиональной оценкой, например, при создании нового сорта вина. Возможно сочетание иероглифов 品 и 美味, это сочетание может употребляться в нескольких случаях: при уважительном и вежливом предложении попробовать какое-то блюдо: 请品尝这道美味 «Попробуйте, пожалуйста, это вкусное блюдо!» (ситуация гости и хозяйка), а также при необходимости оценить блюдо, например в ресторане или конкурсе поваров: 请评品这道美味的菜肴 «Попробуйте и оцените это блюдо».

Человеческая внешность рассматривается как важнейшее творение природы. Сама природа является нормой красоты. В китайском языке красота человека часто сопоставляется с образами природы, существует большое количество устойчивых метафор и сравнений, уподобляющих красивую внешность (особенно женскую) красоте природы. В древней китайской сказке говорится о четырех красавицах, своей красотой затмивших красоту природы: 闭月羞花 (красота девушки способна затмить луну и посрамить цветы); 沉鱼落雁 (рыбы, увидевшие красоту девушки, утонули, а дикие гуси упали с высоты). В поэзии и прозе очень распространены метафоры, которые прославляют женскую красоту, уподобляя ее цветам, нефриту, снегу, воде, луне и т.д., например, 出水芙蓉 (красивая, как показавшийся из воды лотос); 如花似玉 (красивая как цветок, как нефрит); 花容月貌 (лицо прекрасно как цветок, как луна); 脂如凝雪 (кожа как снег); 盈盈秋水 (глаза как прозрачная осенняя вода); 柳叶细眉 (тонкие брови как ивовые листья); 樱桃小口 (маленький рот как вишня); 唇如花瓣 (губы как лепестки); 面若桃花 (лицо как цветок персика); 青葱玉指 (пальцы как маленький зеленый лук) В разговорной речи такие сравнения используются крайне редко.

Красота и уродство идут рука об руку. Главными средствами, создающими образ человека некрасивого, в китайском языке являются зооморфные сравнения и метафоры: 鱼眼 yu yan (рыбьи глаза), 马面 ma lian (лошадиное лицо), 猪脸 zhu lian (свиное рыло), 猴腮 hou sai (обезьяньи щеки), 鸡爪 ji zhua (куриные пальцы), 鼠目 (мышьиные глаза); 虎背熊腰 (спина как у тигра, поясница как у медведя) и др.

Национально-культурная специфика восприятия мира определенным народом определяется многими особенностями, откладывающими отпечаток на отражение мира в человеческом сознании и в его языке. Но при всем различии отношений разных народов к понятию «красота» всех объединяет некая межкультурная и межнациональная идея преклонение перед красотой. Красивый горный пейзаж на востоке Китая, тонкая фарфоровая чашка, произведенная на юге Китая, юная китаянка, изображенная на древней миниатюре, вызывают чувство восхищения у людей независимо от их национальности. Красота — это то, что объединяет народы.

Список литературы

1. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М.Л.Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. - М.: Вост. лит., 2006 – . Т. 3. Литература. Язык и письменность / ред. М.Л.Титаренко и др. – 2008. – 855 с.
2. Идеал женской красоты в русской и китайской рекламе (опыт контрастивного описания) // Вестник РУДН: Русский язык нефилологам. Теория и практика. М.: Изд-во РУДН. – 2006. – № 7. – С. 86-94.
3. Пак А.О. Сопоставительное исследование концепта «красота» в китайском и русском языках: Автореф...дис. канд. филол. наук. – Душанбе: 2009. – 25с.
4. Хуа Ли Китайская красота и русское прекрасное // Русская речь. – 2006. – № 4. – С. 74-80.

ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2016 ГОД

Январь 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы гуманитарных наук в современных условиях развития страны**», г.Санкт-Петербург

Прием статей для публикации: до 1 января 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 февраля 2016г.

Февраль 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**Актуальные проблемы гуманитарных наук в России и за рубежом**», г.Новосибирск

Прием статей для публикации: до 1 февраля 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 марта 2016г.

Март 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы современных гуманитарных наук**», г.Екатеринбург

Прием статей для публикации: до 1 марта 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 апреля 2016г.

Апрель 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**Актуальные проблемы и достижения в гуманитарных науках**», г.Самара

Прием статей для публикации: до 1 апреля 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 мая 2016г.

Май 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы и перспективы развития гуманитарных наук**», г.Омск

Прием статей для публикации: до 1 мая 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июня 2016г.

Июнь 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**Современные проблемы гуманитарных наук в мире**», г.Казань

Прием статей для публикации: до 1 июня 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июля 2016г.

Июль 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**О вопросах и проблемах современных гуманитарных наук**», г.Челябинск

Прием статей для публикации: до 1 июля 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 августа 2016г.

Август 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**Новые тенденции развития гуманитарных наук**», г.Ростов-на-Дону

Прием статей для публикации: до 1 августа 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 сентября 2016г.

Сентябрь 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**Гуманитарные науки в современном мире**», г.Уфа

Прием статей для публикации: до 1 сентября 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 октября 2016г.

Октябрь 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «**Основные проблемы гуманитарных наук**», г.Волгоград

Прием статей для публикации: до 1 октября 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 ноября 2016г.

Ноябрь 2016г.

III Международная научно-практическая конференция «Гуманитарные науки: вопросы и тенденции развития», г.Красноярск

Прием статей для публикации: до 1 ноября 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 декабря 2016г.

Декабрь 2016г.

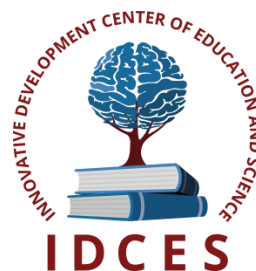
III Международная научно-практическая конференция «Перспективы развития современных гуманитарных наук», г.Воронеж

Прием статей для публикации: до 1 декабря 2016г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 января 2017г.

С более подробной информацией о международных научно-практических конференциях можно ознакомиться на официальном сайте Инновационного центра развития образования и науки www.izron.ru (раздел «Гуманитарные науки»).

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

Перспективы развития современных гуманитарных наук

Выпуск II

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(8 декабря 2015г.)**

**г. Воронеж
2015 г.**

Печатается в авторской редакции
Компьютерная верстка авторская

Подписано в печать 9.12.2015.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 12,6.
Тираж 250 экз. Заказ № 420.

Отпечатано по заказу ИЦРОН в ООО «Ареал»
603000, г. Нижний Новгород, ул. Студеная, д. 58